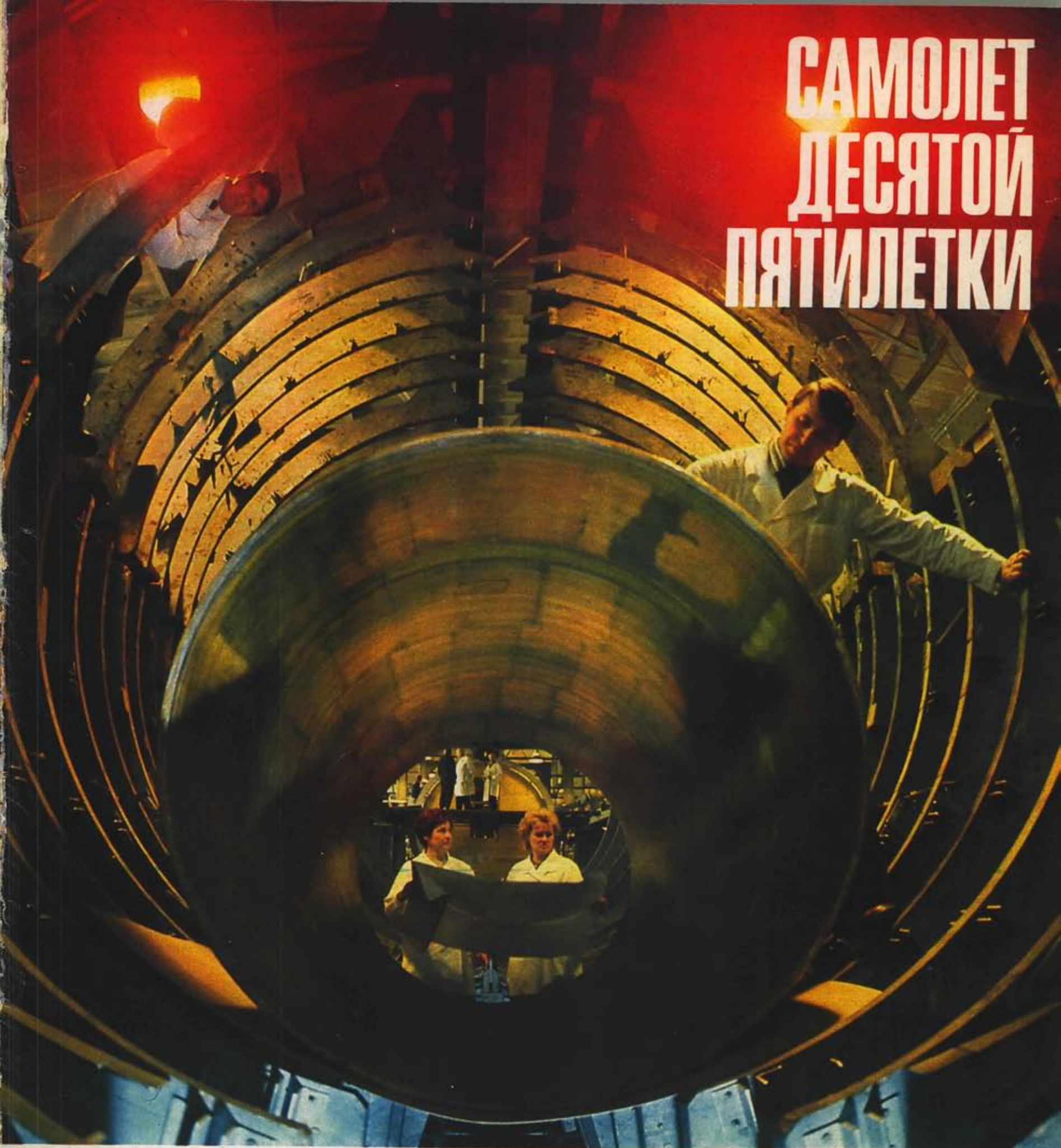

САМОЛЕТ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

№ 10 МАЙ 1977

СМЕНА

ВЕЛИКИЙ
60
ОКТАБРЬ

ЛЕНИН. ОКТАБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Владимир
ДЕСЯТЕРИК

ХРОНИКА.
Часть
четвертая

Год 1919-й

1 мая 1919 года Владимир Ильич произносит краткую речь на Красной площади. Из хроникерской записи, опубликованной в «Вечерних Известиях Московского Совета», известно, о чем говорил В. И. Ленин:

«Указывая на детей, тов. Ленин говорит, что они, участвующие теперь в празднике освобождения труда, в полной мере воспользуются плодами понесенных революционерами трудов и жертв.

— ...До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложено нами здание социалистического общества не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети».

Воспоминания Г. М. Кржижановского дополняют наше представление о содержании речи Владимира Ильича. «Я живо помню выступление Ленина на Красной площади 1 мая 1919 г., — рассказывал Г. М. Кржижановский. — Он говорил, что тому поколению, к которому принадлежит он сам и его сверстники, уже не удастся дожить до светлых и радостных дней коммунизма.

— А вот те малыши, которых я вижу на руках у многих матерей, вот эти счастливицы узнают подлинную суть коммунизма, — говорил он. — И тогда — в коммунистическом будущем — лишь на особые выставках и в музеях будут... показывать тех московских купцов и аршинников, к которым привык наш глаз и которые покажутся этим нашим потомкам чудовищной нелепостью».

А вот как передает Е. М. Ярославский впечатление от аудитории, которая слушала тогда Владимира Ильича. «Мне

вспоминается сейчас яркий солнечный день 1 мая 1919 года, — писал Е. М. Ярославский. — Ленин на трибуне Красной площади. Вокруг море голов — детей, подростков, юношей, девушек. Это пришли школы, это пришли отряды комсомольцев на Красную площадь в день 1 Мая. Они окружили площадь вокруг трибуны, сверкающей на солнце сосновыми перилами. Ленин перекинулся через перила, весь — устремление, порыв; весь — горячее убежденное слово. Ленин обращается к молодежи и говорит о том, что именно эта молодежь достроит и доведет до конца дело, начатое поколением, к которому принадлежит Ленин».

О том, как воспринимали юноши и девушки ленинское призывное слово, хорошо сказал один из комсомольцев тех лет, Б. А. Фролов. «Для нас, замоскворецких комсомольцев, через несколько дней ухившихся на фронт, — подчеркивал он, — выступление великого вождя трудящихся было не только приветственным словом на Первомайском празднике, но и отеческим напутствием перед боями с врагом».

2 мая 1919 года Владимир Ильич пишет проект постановления второго заседания «экономической» комиссии — вспомогательного органа, не имевшего постоянного состава и собиравшегося периодически для обсуждения наиболее актуальных экономических вопросов. Обращает на себя внимание то, что первым параграфом в ленинском проекте значится: «Детям рабочих усилить помощь натурой».

4 мая 1919 года Владимир Ильич делает пометку на протоколе заседания комиссии ЦК РКП (б), которая под председательством Ф. Э. Дзержинского обсуждала решение о снабжении продовольствием детей. «Напомнить мне в СНК. К вопросу о пайке малолетним».

8 мая 1919 года Владимир Ильич

председательствует на заседании Совета Народных Комиссаров, где обсуждался вопрос о детском пайке.

12 мая 1919 года Владимир Ильич направляет телеграмму в Центральное и Украинское управления военных сообщений, Главзавкабюро и Наркомпут о перевозке детей на юг в летние колонии.

«В настоящее время началась перевозка детей из северных губерний на юг для размещения на лето в детских колониях», — сообщает он. И дальше в телеграмме распределяются обязанности между ведомствами за организацию и четкое проведение этой государственно важной кампании. «Так как число санпоездов будет представляться в ограниченном количестве, — подчеркивает Владимир Ильич, — необходимо принять меры к наиболее рациональному использованию санпоездов. Поэтому настоятельно прошу принять меры к тому, чтобы санпоезда по разгрузке немедленно возвращались к месту приписки для совершения следующих рейсов и порожняк следовал без задержки».

15 мая 1919 года Владимир Ильич сообщает в Президиум ВЦИК о тяжелом материальном положении семьи наркома продовольствия А. Д. Цюрупы и ходатайствует об увеличении ему жалованья и выдаче семье единовременного денежного пособия на приобретение одежды. Он точно подсчитывает его бюджет, стоимость обедов и ужинов на семью из семи человек. Говоря о детях наркома, В. И. Ленин замечает: «Недоедают! Берут 4 обеда, этого мало. Дети — подростки, нужно больше чем взрослому».

15 мая 1919 года Владимир Ильич председательствует на заседании Совета Народных Комиссаров, где обсуждался проект декрета о снятии несовершеннолетних с фабрик и заводов.

17 мая 1919 года, выступая с речью на 5-м Чрезвычайном съезде Московского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов, Владимир Ильич вскрывает причины, которые способствовали восстановлению части крестьян против мер, предпринимаемых Советской властью, и в ряду других называет также «недостаточную подготовленность молодых товарищей, втянутых в ответственную работу».

17 мая 1919 года Владимир Ильич подписывает декрет о бесплатном питании для детей до четырнадцати лет включительно независимо от классового пайка их родителей. Был самый разгар гражданской войны. Голод охватил центрально-промышленные районы. В этот период В. И. Ленин ставит вопрос о помощи детям рабочих натурой. Действие декрета распространялось на крупные фабричные центры шестнадцати неzemледельческих губерний. «В целях улучшения детского питания и облегчения материального положения трудящихся, — говорится в декрете, — в первую очередь фабрично-заводских рабочих неzemледельческих местностей, Совет Народных Комиссаров постановляет:

...Все предметы питания, выдаваемые местными продовольственными органами детям в возрасте до 14 лет включительно, впредь выдавать бесплатно за счет государства».

19 мая 1919 года Совет Обороны под председательством Владимира Ильича заслушал доклад о техническом проведении мобилизации студентов-медиков и отправке их на фронт.

В мае 1919 года по инициативе Владимира Ильича ЦК РКП(б) утверждает положение, возлагавшее всю работу среди молодежи на РКСМ.

12 июня 1919 года Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома о распространении декрета о бесплатном детском питании на всех детей, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Увеличивалось также число местностей, где проводилось бесплатное питание.

15 июня 1919 года Владимир Ильич участвует в заседании пленума ЦК РКП(б), где обсуждалось предложение венгерских коммунистов о созыве международной конференции союзов коммунистической молодежи в Будапеште.

Участник международного коммунистического юношеского движения тех лет Альфред Курелла в своих воспоминаниях свидетельствует, что уже в первой половине мая 1919 года на заседании комиссии, собравшейся в ЦК РКСМ из представителей Германии, Литвы, России и Венгрии, представитель венгерских коммунистов товарищ Самуэли «сообщил нам, что правительство Венгерской Советской Республики готово устроить международный конгресс молодежи в Будапеште. Естественно, мы приветствовали это заявление. Мы скоро сошлись на том, что съезд пролетарских организаций молодежи должен стоять на политической платформе, которая была выработана двумя месяцами раньше, при создании III Интернационала. Это решение нам представлялось как логическое продолжение курса, который взяли организации молодежи в годы войны».

19 июня 1919 года Владимир Ильич председательствует на заседании Совета Обороны, которое обсуждало вопрос о мерах по проведению мобилизации девятнадцатилетних.

20 июня 1919 года Владимир Ильич по прямому проводу направляет Наркомпроду в Симферополь директиву следующего содержания: «В связи с тяжестью продовольственного положения в Великороссии, громадным недостатком продуктов для питания детей,

**В. И. ЛЕНИН
НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.
МОСКВА, 1 МАЯ 1919 ГОДА.
Кинокадр.**

особенно больных, предлагаю все имеющиеся в Крыму фруктовые консервы, также сыр отправлять исключительно для питания больных детей Севера Великобритании в адрес Компрода. О последующем срочно сообщите».

28 июня 1919 года Владимир Ильич завершает работу над статьей «Великий почин», посвященной первым коммунистическим субботникам. Призывая читателей более заботливо относиться к каждому появляющемуся в советской действительности ростку коммунизма, В. И. Ленин подчеркивает: «Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков... У нас стало гораздо больше этих учреждений... Но мы не ухаживаем, как следует, за этими ростками нового».

8 июля 1919 года Владимир Ильич телеграммой запрашивает Реввоенсовет Южного фронта: «...Известите меня

тотчас, настаиваете ли все-таки на призыве восемнадцатилетних, не лучше ли пока взять других».

8 июля 1919 года Владимир Ильич дает поручение нижегородскому губисполкому проверить факты, содержащиеся в заявлении бюро женской организации Центрального правления объединения сормовских заводов, и в частности, «какой заводской дом просят для детского дома и какой можно дать». Сормовские женщины обратились с просьбой к Н. К. Крупской, которая приехала в их город, поддержать их ходатайство о передаче детского дома здания, принадлежащего Сормовскому заводоуправлению. Это было вызвано тем, что здание, в котором размещался детский дом, было практически непригодным «хоть сколько-нибудь для жизни детей, не только в смысле удобств, но в самом элементарном и гигиеническом условии».

«Мы, женская организация, — заявляют работницы, — стоя на страже и охране наших детей, считаем преступным в столь тяжелое время занимать самые хорошие и удобные помещения... когда наши дети, дети наших красных солдат, которые пошли на защиту революции, а

также дети тех отцов, которые проливали и проливают пот и кровь на данном заводе, живут в самых ужасных условиях...»

Поскольку решать вопросы, связанные с передачей заводских помещений другим учреждениям, в то военное время можно было только с ведома Совета Обороны, это заявление было передано В. И. Ленину. Вскоре детский дом в Сормове смог переселиться в новое здание.

9 июля 1919 года публикуется написанное Владимиром Ильичем письмо ЦК РКП (б) к партийным организациям «Все на борьбу с Деникиным!». Внимание коммунистов в письме обращается на то, что «новые рабочие силы для управления государством, для осуществления задач диктатуры пролетариата подрастают быстро в лице той рабочей и крестьянской молодежи, которая всего более искренне, горячо, беззаветно учится, переваривает новые впечатления от нового строя, сбрасывает с себя скорлупу старых, капиталистических и буржуазно-демократических предубеждений, выковыривает из себя еще более твердых коммунистов, чем старое их поколение».

24 июля 1919 года Владимир Ильич встречается с одним из руководителей ЦК РКСМ, Л. Шацкиным, а также с посланцем коммунистического юношества Мюнхена Альфредом Куреллой, беседует с ними о задачах молодежного коммунистического движения, знакомится с проектом программы и устава КИМа, которые были выработаны специальной комиссией, созданной ранее по предложению В. И. Ленина. Владимир Ильич передает целый ряд советов и пожеланий делегатам, отправляющимся на первый учредительный конгресс международной организации Коммунистической молодежи. «Когда Владимир Ильич одобрил наши общие предположения о будущем КИМа, — вспоминал Л. Шацкий, — мы почувствовали себя увереннее и тверже в этой новой области нашей работы». Другой участник этой встречи, Альфред Курелла, писал: «И на этот раз разговор начался с многочисленных вопросов. То обстоятельство, что Ленин хорошо разбирался в этой области, не очень удивило меня. Я знал, насколько обстоятельно в Швейцарии в годы эмиграции он занимался проблемами молодежного движения. Мы должны были рассказать, как представляем себе нашу задачу. Ленин внес много поправок. Мы очень просто смотрели на вещи из-за своей юношеской наивности и надежды на то, что в документах комиссии есть замечательные тезисы по всем вопросам...»

Ленин предложил нам включить в проект программы не только признание III, Коммунистического Интернационала, но и положение о том, что новый Интернационал молодежи должен вступить на правах секции в Коминтерн».

23 августа 1919 года, получив образцы фруктов из подмосковных совхозов, Владимир Ильич обращается с запиской в сельскохозяйственный подотдел продовольственного отдела Московского совдепа с категорической просьбой «...впредь этого не делать, фруктов и т. п. не посылать», а сообщить, как распределяются фрукты и т. п., «**дают ли в больницы, санатории, детям, куда именно, сколько именно.**»

Летом 1919 года, беседуя с председателем Астраханского губкома партии Н. Н. Колесниковой о расширении сети изб-читален в деревнях, Владимир Ильич особо подчеркивал: «Надо найти в деревне добровольца, который согласился бы заведовать такой избой-читальней; им может быть учитель, инвалид-красноармеец, грамотный парнишка или девушка...»

Летом 1919 года по заданию Владимира Ильича Московский городской комитет РКП (б) формировал особый отряд для боевых действий в тылу деникинских войск. Туда было отобрано около сорока человек из твердой духом и преданной делу революции молодежи. В. И. Ленин рекомендует поставить во главе отряда С. А. Тер-Петросяна (легендарного Камо). «Я знаю одного товарища **досконально**, как человека **совершенно исключительной** преданности, **отваги** и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно)», — писал тогда Владимир Ильич в Реввоенсовет республики. И 5 сентября 1919 года Реввоенсоветом было принято следующее постановление: «Тов. Камо назначается начальником всех партизанских отрядов (групп смельчаков), входящих в состав внутреннего фронта, причем на тов. Камо возлагается наблюдение за тем, чтобы назначенные отряды действительно выполняли партизанскую работу». Созданный отряд успешно действовал в тылу деникинцев.

В воспоминаниях К. Гамаюнова рассказывается о том, как во время встречи с кремлевскими курсантами в октябре 1919 года вновь зашел разговор на эту тему. «От имени ставропольцев к В. И. Ленину и ЦК партии обратился Архип Шабунин с просьбой послать группу курсантов в глубокий тыл врага для организации там партизанских отрядов

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 10 (1200) МАЙ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
современный
самолет,
как морской
корабль,
рождается
на стапеле.

Фото
Леонида
ПЛЕШАКОВА

- 1 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.
- 3 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ. Валентин СИДОРОВ. «СВИТОК».
- 4 Рассказ Валерия ПОВОЛЯЕВА «БАБЬЕ ЛЕТО».
- 8 ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО. Николай ШПИЛЬКОВ, первый секретарь Львовского обкома ЛКСМ Украины. «КРАСНАЯ ГВОЗДИКА».
- 9 Вячеслав ЯКОВЛЕВ. «СТОЛКНОВЕНИЕ».
- 10 Леонид ПЛЕШАКОВ. «ЯК-42»: ОТ ИДЕИ ДО СЕРИИ».
- 14 ПРОШУ СЛОВА! МОЛОДАЯ СЕМЬЯ.
- 16 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «АРКТИКА» ПРОТИВ АРКТИКИ.
- 18 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 22 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ». Бернанд ШОУ. «СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ».
- 24 Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО».
- 27 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Алексея СОФРОНОВА. Стихи Натальи СУРКОВОЙ.
- 28 МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.
- 30 ДЕТЯМ О ДЕТЯХ. Рассказы Евгения ПЕРМЯКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин.

Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1977 г.

и агитационно-пропагандистской работы среди населения. Через три дня несколько сот слушателей были направлены в Политуправление республики для использования в Красной Армии, а небольшую отобранную группу, в числе которой находился и А. Шабунин, послали для работы во вражеский тыл».

18 сентября 1919 года Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об увеличении тарифных ставок учеников и подростков. Устанавливалось, что их заработная плата с 1 сентября возрастает на сто процентов.

24 сентября 1919 года Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об организации детского питания. Этим документом особо подчеркивалась необходимость развития общественного (коммунального) питания детей, расширения уже существующей сети детских столовых и прочих детских питательных пунктов. Государство брало на себя расходы по оборудованию и приспособлению функционирующих и вновь открываемых детских столовых и других детских питательных пунктов.

24 сентября 1919 года по инициативе Владимира Ильича Совет Рабочей и Крестьянской Обороны принимает постановление об улучшении организации всеобщего военного обучения трудящихся. Как пишет в своих воспоминаниях Н. И. Подвойский, в беседе с руководителями Всевобуча В. И. Ленин ставил перед ними задачи: «... всерьез осуществить обязательность, всеобщность физического воспитания и военной подготовки, для чего охватить возможно более широкие массы рабочей и крестьянской молодежи физическим воспитанием и стрелковыми занятиями, ... объединить работу по физическому воспитанию и по военному обучению всевобучистов с их коммунистическим воспитанием, добиться от местных советов, комсомола, профсоюзов непосредственного участия в деле военной подготовки трудящихся».

6 октября 1919 года ленинское приветствие делегатам II Всероссийского съезда РКСМ передает А. М. Коллонтай. Выступая на съезде, она говорила: «Центральный Комитет нашей Коммунистической партии поручил мне передать вам, что наш дорогой вождь и товарищ В. И. Ленин сейчас занят важными неотложными делами в Совете Обороны, и потому, к сожалению, не может прибыть на наш съезд. Но он просит передать вам свой горячий сердечный привет и глубокую веру, что именно рабочая пролетарская молодежь всегда останется в авангарде нашего великого освободительного рабочего движения».

31 октября 1919 года Владимир Ильич подписывает постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны о призыве на действительную военную службу студентов высших учебных заведений и лиц, окончивших в текущем году курс единой трудовой школы 2-й ступени.

В октябре 1919 года Владимир Ильич узнает от кремлевского курсанта Григория Никольского, что местные власти не проявляют должной заботы о его семье, проживающей в Рязанской губернии. В Рязанский губисполком тут же направляется ленинская директива: «Немедленно расследуйте дело курсанта Григория Никольского. Оказывается ли его семье законная помощь Печерниковским волисполкомом?... Исполнение донесите мне».

Позднее октября 1919 года—ранее 7 сентября 1920 года Владимир Ильич пишет записку А. И. Ульяновой-Елизаровой, просит ее поторопить выпуск в типографии (бывшей Кушнерева) брошюры с «Отчетом 1-го Всероссийского съезда по охране детства Народного комиссариата социального обеспече-

ния». Этот съезд состоялся в Москве 2—8 февраля 1919 года, в его работе участвовало около трехсот деятелей охраны детства. Отчет был издан в сентябре следующего года.

7 ноября 1919 года в речи на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов, посвященном двухлетней годовщине Октябрьской революции, Владимир Ильич отмечает с радостью тот факт, что «... есть десятки, сотни тысяч резервов рабоче-крестьянской молодежи, которые видели и знают весь старый гнет помещичьего и буржуазного общества, которые видели неслыханные трудности строительства, которые наблюдали, какими героями выступал первый призыв работников в 1917 и 1918 гг., которые идут к нам тем более широко, с тем большим самоотвержением, чем нам труднее».

17 ноября 1919 года к Владимиру Ильичу обращаются со следующей телеграммой М. Горький, известный русский художник А. Бенуа и руководитель художественной мастерской Академии художеств К. Петров-Водкин: «Призыв студентов Академии художеств совершенно уничтожает академию и художественное образование. Просим отметить распоряжение о призыве». Получив телеграмму, В. И. Ленин пишет резолюцию: «В Совет Обороны. На повестку». И 30 ноября после обсуждения этого вопроса на заседании Совета Обороны было поручено Наркомпросу решить вопрос «в обычном порядке».

Не ранее 17 ноября 1919 года Владимир Ильич на телеграмме, полученной из Тульского губисполкома, в которой от имени губернского съезда Советов высказывалась просьба к Совнаркому о переводе Тулы и губернии на бесплатное детское питание, так как из 45 тысяч детей, насчитывающихся в городе, губернский отдел социального обеспечения кормит всего восемь тысяч, дает поручение секретарю: «Найти декрет о бесплатном детском питании. Кто кормит? (не собес: а Совдеп?)...» Через некоторое время Владимиру Ильичу сообщили из Наркомпроса, что бесплатное детское питание в Туле уже введено.

21 ноября 1919 года Владимир Ильич обращается к Ф. Э. Дзержинскому с просьбой навести такую справку: «Тов. Коллонтай пишет мне про Алексея Сапожникова, арестованного в Петрограде юношу».

Арестован-де за то, что с чужими документами пробрался в полосу военных действий.

Сделал-де он это потому, что «до болезненности любит мать», а его родители оказались отрезанными при наступлении Юденича».

Оказалось, что А. А. Сапожников, выходец из дворян, во время наступления белогвардейской армии Юденича на Петроград принимал участие в контрреволюционном заговоре против Советской власти. В конце октября 1919 года, используя фальшивые документы, он по заданию французской шпионской группы Эмиля Бажо нелегально перешел линию фронта с целью передачи важных военных сведений белогвардейскому командованию. На обратном пути он был арестован, и его преступная деятельность была доказана.

26 ноября 1919 года Владимир Ильич подписывает постановление Совета Обороны об ускорении выпуска и призыве на военную службу студентов-медиков 5-го курса.

Осенью 1919 года Владимир Ильич посещает опытно-показательную школу профессионального образования Наркомпроса, беседует с руководителями школы и учащимися, интересуется их бытом, учебой, присутствует на вечерах самодеятельности.

Свисток

ОТ АВТОРА

Некогда вы составляли единство,
но вас стало двое...

Старинное изречение

1
«Когда из двух
Вы станете одним»
И устремитесь
К свету и простору,
Сокрытый мир,
Что был для вас незрим,
Подвластен будет
Внутреннему взору.
И, раскрывая
Вековой секрет
Пронзительно-таинственного зова,
Исполнится
Пророческий завет,
Исполнится
Пророческое слово.

«Когда из двух
Вы станете одним»,
Объята
Тишиною сокровенной,
Вы духом пробудившимся своим
Почуете
Гармонию Вселенной.
В сиянии небесной синевы,
Прозрев свою
Неведомую славу,
Сынами человеческими
Вы
Именоваться будете
По праву.

«Когда из двух
Вы станете одним»,
Мерцаньем дивным
Озарятся доли.
Отступит тьма,
И растворится дым,

Поэма обязательно предполагает сюжет. Мне кажется, что разговор о бессюжетной поэзии — чистой воды недоразумение. Я подозреваю, что стихи, если это настоящие стихи, немислимы без сюжета. Другое дело, что сюжет в поэзии и сюжет в прозе — вещи весьма различные. Мы же склонны путать эти два понятия и пытаемся подчас поэтическими средствами решать задачи, которые под силу лишь прозе. Внешний, событийный сюжет в стихах не играет столь решающей роли, как в прозаическом произведении. Он вообще может отсутствовать. Но это не значит, что сюжет исчез. Он есть, но это — сюжет не прямолинейный, а внутренний, глубинный, с трудом поддающийся определению, но тем не менее, как и всякий сюжет, четко диктующий весь ход развития поэмы или стихотворения. Разумеется, отсутствие внешнего сюжета в поэзии не канон, не правило; мое же предисловие преследует единственную цель — предупредить читателя, чтоб он, увидев в подзаголовке слово «поэма», не искал острых ситуаций, столкновений характеров, развертывания действия во времени.

Читатель, для которого понятие поэмы обязательно связано с внешним сюжетом, может воспринимать поэму как цикл стихов, объединенных одной темой, общим заголовком. Автору же его вещь представляется единой, неразрывно связанной внутренним сюжетом. Поэтому он называет ее поэмой.

Воскреснут
Непреложные глаголы.
Затихнет боль,
Щемлящая в груди,
И страх
В забвенье сумрачное канет,
И колыбель горé
Вы скажете
«Иди!»,
Она пойдет,
Обрушивая камни...

2
Твоя стезя неуловима.
Но, как комарья ни глуши,
Я не душа,
А половина
Единой некогда души.

И если верить в пробужденье,
Что жизнь дарована не раз,
В круговорот
Земных рождений
Все тот же вихрь
Бросает нас.

Слепое небо
Рвется в ключья,
Ловя
Светящую нить.
О, сколько тленных оболочек
Я должен был переменить!

Меня встречало пепелище.
Менялись люди,
Местность,
Речь.
И был я принцем,
Был я нищим,
И посох я сжимал
И меч.

Я отступал и оступался,
Тебя, как бога, призывал.
А сколько раз я ошибался!
А сколько раз не узнавал!

И непонятной тишиною
Вдруг обрывался цикл земной.
И звезды гасли надо мною
И вновь горели надо мной.

И вновь и вновь
Без тени страха
Я должен был,
Продолжив путь,
Прорезать мглу,
Восстать из праха,
Из бездны в бездну заглянуть...

3
Мне сон приснился на рассвете.
Таким отчетливым был он,
Что затрудняюсь я ответить:
Реальность это
Или сон.

Я видел нас
В холодном склепе.
Я видел,
Будто мы с тобой
Сидим,
Закованные в цепи.
А день
На редкость голубой.

Скользили трепетные тени
В лучах веселых и в пыли,
И непонятные ступени
К помосту странному вели.

В сверканье радужного спектра,
Блюда
Таинственный порог,
Сидел на возвышеньи
Некто —
Волшебник, маг или пророк.

Ошеломлен
И озадачен,
Сраженный скорбью наповал,
Я закричал:
«Что это значит?
Кто нас
В железо заковал?»

Земля качнулась под ногами.
И вот раздался глас из мглы.
«Вы сами,—

Он сказал,—
Вы сами
Себе сковали кандалы.

Самих себя
В глухом подвале,
Где веет запахом сырым,
К своим ошибкам приковали,
К заботам призрачным своим.

Разъединенность и разруху
Творили вы по мере сил...
«А как же быть?—
Смутившись духом,
Я у безмолвия спросил.—

Как сбросить этот ржавый остов?
Как сделать открыленной мысль?»
И я услышал:
«Очень просто.
Ты подними глаза лишь ввысь».

И недоверчиво я поднял
Отяжелевшие глаза,
И свет нездешний их наполнил,
И расступились небеса...

Когда же кончилось забвенье,
Я вновь увидел пьедестал,
И маг в венце,
Слепящем зренья,
Своей палец
Приложил к устам.

А голубая даль искрилась,
Рождая звонкие лучи.
«Все то,
Что для тебя открылось,—
О том до времени
Молчи».

4
Я листаю
Знакомые с детства страницы.
Я вживаюсь
В тревожный трепещущий слог.
К величайшей сей тайне
Как хотела пробиться
Вся поэзия мира:
И Пушкин, и Тютчев, и Блок.

Этой тайною тайн
Вдохновенье питалось.
И спасительный зов
И желанную весть
Аллегория сказок и преданий
Пыталась
Хоть намеком,
Хоть притчей,
Но все же донести.

Раздвигались, скрипя,
Заржавевшие рамки.
Свет и ветер врывались
В неподвижный мирок,
И красавицу спящую
В заколдованном замке
Воскрешали для жизни
В предназначенный срок.

Ускользающий смысл
Незатейливых строчек
Неспроста наше сердце
Волновал по ночам,
И до времени скрытое—
Аленький скромный цветочек,
Как спасительный символ,
Озаренно венчал.

Воедино собрав
Разрозненные звенья,
По-другому глядим
На легенду и миф.
И встает
Из холодного мрака забвения
Опаленное имя твоё,
Суламифь.

Льется праздничный стих
И легко
И свободно.
Мысль светла и прозрачна,
Словно горный кристалл.
— Не будите возлюбленной,
Если ей не угодно,
Не тревожьте возлюбленной,
Ибо срок не настал.

5
Все то,
Что привлекало и мешало,
Все то,
Что наполняло бытие,
Еще не жизнью было,
А, пожалуй,
Преддверьем
И предвестием ее.

О пробужденные радостное это!
О, как призывно тишина дрожит
И ловит отзвук древнего завета:
«Возлюбленный мой
Мне принадлежит!»

Причастные завидному уделу,
Мы почитаем чудом,
Если вдруг
Непреодолимый
Собственный твой дух
Животворит
Слабеющее тело.

Приблизившись к невидимым пределам
Дыханье пьешь невидимых небес.
Но если дух
Животворится телом—
Тогда уж это
Чудо из чудес!

6
Любим словам,
Любой молве
Не верьте!
Любовь не знает измерений,
Нет.
Сильна, как смерть?
Она сильнее смерти.
Ясна, как свет?
Она дарует свет.

Любое тут сравненье неуместно.
Встречает нас неведомое здесь.
И лишь одно
Доподлинно известно,
Что есть Она.
О, это точно:
Есть!

Да, есть она,
И этого довольно.
И сразу радость
Наполняет дух,
И речи обрываются невольно,
И глупость глупых
Умолкает вдруг.

Перед ее пророческим простором,
Перед ее зовущей тишиной
Все наши споры остаются вздором,
А мудрость мудрых
Кажется смешной.

7
Как некий драгоценный слиток,
Ударит солнце нам в глаза.
Совьются перед нами в свиток
Земная твердь и небеса.

Сливаясь с буквами живыми,
В тебе звучащими всегда,
Свое немеркнущее Имя
Ты прочитаешь без труда.

И слово,
Скрытое под спудом,
Придет,
Сомненья истребя.
«Мы все отсюда,
Все отсюда,
Где свет рождает сам себя».

Загадка дальнего предела
Теперь уж явственна навек:
Свет,
Облекающийся в тело,—
Вот что такое человек.

И нам с тобой
Благовествует
Воскресший голос бытия,
Что порознь
Нас
Не существует,
Что я есть ты,
Что ты есть я.

С той поры, когда они пересекли границу на огромном, похожем на железнодорожный вагон, страшноватом в своем блеске «Икарусе», Исаченкова не покидало ощущение открытого, познания чего-то нового, потайного, неизведанного. И не поездка была тому причиной (за границу он, как ни странно, выезжал в первый раз), не дивные чешские пейзажи—оглаженные, прибранные, аккуратные, как театральная декорация,—нет, не поездка, не пейзажи были тому причиной... Тут что-то другое.

Их туристская группа была не очень многочисленной, но зато разношерстной. Тут были и рабочие, и инженеры, и учителя, и кандидаты наук, и даже один писатель затесался, но, как это всегда случается в поездках за границу, все как-то сразу, вмиг, словно сговорившись, объединились, у всех появились общие интересы, ощущение единого целого.

В Острове, куда «Икарус» пришел уже поздним вечером, к группе присоединился переводчик Вацлав—худенький, как мальчишка, полумуж-полупаренек, в замшевой курточке, с потертой автомобильной сумкой в руках, белобрысый, с тонкими, ладно приклеенными к темени прядками волос. Быстрый, смешливый, со светлыми глазами, он быстро расселил всех по номерам отеля и исчез.

Острада жила своей жизнью. Скрежетал на поворотах трамвай (Исаченков вспомнил, как Вацлав давал им «трамвайные наставления», растянул губы в улыбке—переводчик говорил по-русски хотя и бегло, но довольно коряво, смешно: «Трамваи здесь ходят всю ночь, правда, с большими перерывами—в сорок—пятьдесят минут. Плата за проезд в дневное время—одна крона, в ночное, после двадцати трех ноль-ноль,—две кроны. И такси в ночное время тоже удваивает оплату. Входят в Чехословакию в трамвай с передней площадки, выходят с задней»), голубым и красным посверкивали ресторанные рекламы.

— Ну что, молодой-интересный, давай за проезд.—К Исаченкову подошел Гриня Шишкин, рослый, накачанный, из щек вот-вот помидорный сок брызнет. О таких у Исаченкова на службе говорят: «Здоровьяк!»

«Здоровьяк» извлек из чемодана бутылку, ногтем большого пальца поддел жестяную пробку за висюльку, и пробка—из тех, что открывается не сразу, такую надо брать ножом, отверткой, стамеской, шилом, настолью она прочна и неприступна, особенно если эта самая висюлька вдруг оторвется,—пробка вдруг с гулким хлопаньем слетела с горлышка и туло шмякнулась в потолок.

— А?—Гриня выразительно щелкнул себя пальцем по горлу.
— Не хочется что-то,—тихо отозвался Исаченков.
— Молодой-интересный, а чудной,—с сожалением произнес Гриня.
Исаченков оглядел номер. В дверь врезана аккуратная тонюсенькая ледяшка-глазок, который, если приложиться к нему, охватывал весь коридор, над дверью висело яблоко звонка, в номере стояли два телефона—один связывал с портье, другой с городом. Умывальная комната была тесной, до потолка обложенной голубым кафелем, в центре пола серела маленькая пластмассовая дощечка в «арифметику», дырчатая—сток для воды, а душ являл собою некое подобие крана с длинной резиновой кишкой, выпроставляющей из раковины... Исаченков не смог досмотреть номер до конца, как прохрипел звонок. Гриня, жуя на ходу кусок твердой колбасы, метнулся к двери, расплылся в улыбке:

— Наше вашич, давай спляшем, молодая-интересная.
На пороге стояла девушка из их группы, прибранная, в модном платьице. Исаченков не помнил точно имени, но, кажется, ее звали Жанной.

— Мальчики, я за вами,—сказала Жанна.—Мы в номере собираемся. Немного посидим, потанцуем...
— Музыка у вас есть?—спросил Гриня.
— Репродуктор. Сейчас вечер, танцевальные программы одна за одной... Ждем вас в девятнадцатом номере.

В девятнадцатом номере, когда они пришли, находилась чуть ли не вся их группа, было тесно и душно, раздавались тихие смешки, звяканье посуды, полусшепот-полуговор. От духоты, от влажной тяжести воздуха у Исаченкова заложил уши, под ложечкой, в самом раздвиге грудной клетки, зло и остро шевельнулась застарелая боль, и Исаченков прошел на балкон.

Едва облокотился на бетонный, отдающий дневным теплом срез перил, как увидел, что на балконе он не один—рядом кто-то шевельнулся, он скосил глаза, увидел ладно подобранную фигуру, четко прорисованный профиль с крупными, по-негритянски вывернутыми губами, придававшими лицу молодой женщины независимый, даже немного дерзкий вид. Скулы у нее были мягкие, спокойные и, когда на лицо падал рекламный отсвет, по-детски розовели, и пушок на них обдавало сиянием. Глаза в темноте казались глубокими, почти черными, без блеска. Исаченков, который собирался забраться в душевный подпол, уйти в себя, вдруг почувствовал тягу к разговору.

— Скучаете?—непопад, лишь бы что-нибудь сказать, спросил он и сморщился, как от горького.

— Нет,—спокойно и коротко прозвучал ответ.
— Вы первый раз в Чехословакии?—продолжил он, стараясь сохранить ровный тон.

— Нет.—Ответ был по-прежнему односложен.
— В какой же?
— В третий.

— Рассказали бы,—осторожно, внутренне чувствуя, что можно нарваться на отказ, попросил Исаченков.

Она немного помолчала, и тогда Исаченков решил, что все, плохой из него гусар-сердцеед, не умеет он знакомиться с женщинами, нравиться не умеет,—пора прятаться за непрочный щит равнодушия. Он нырнул в самого себя, как в аквариум, но тут же ему пришлось возвращаться, всплывать наверх.

— Для начала переведите стрелки на два часа,—услышал он чуть насмешливый голос.—Здесь средневропейское время. Два часа разница с Москвой.

Он повожился в темноте, стараясь подцепить пальцами колесико завода, передвинул стрелки, произнес тихо:

Валерий
ПОВОЛЯЕВ

БАБЬЕ

РАССКАЗ

ЛЕТО

— Перевел.

— Что вам рассказать... Много замков, если успели заметить, дворцов, зелени. Прибрано все... Много садов, плантаций хмеля, много слив и яблон, особенно вдоль дорог. Много чистых, ухоженных деревцев, в которых мостовые моют, как полы. Много пивных баров с черным и светлым пивом, много музеев.

— Музеи я люблю,— тихо произнес Исаченков, и она откликнулась на его призыв, начала рассказывать о музеях.

— У чехов пристрастие к устройству музеев выражено особенно ярко. По любому частному поводу они могут изобрести экспозицию, подобрать все тонко, со вкусом, и главное—интересно. Например, я была в музее шляп... Очень маленький, уютный музей, помещается всего не то в двух, не то в трех комнатах в старом каменном доме. Собраны шляпы всех времен и народов, начиная с романского периода... Это примерно десятый век... С романского периода до наших дней. Чего там только нет! И головные уборы епископов, и русских митрополитов, и турецкие фески, и женские чепцы, и даже шляпа австрийского служащего, сделанная из петушиных перьев, и баранья шапка гренадеров, и головные уборы великих граждан Чехословакии, в том числе генерала Людвика Свободы... Казалось бы, частности—головные уборы... Ну, действительно, что для человечества история шляп? А ведь это история развития общества. Нигде социальное неравенство не проглядывалось так ярко, как в костюме... В той же шляпе, если хотите...

— Вы учительница?—спросил Исаченков и рассмеялся тихо и благодарно—за то, что исчезла боль, стало спокойно и тепло на душе, за то, что ему не дали уйти в самого себя, нырнуть в аквариум, в собственное забытие.

— Нет, я не учительница,— качнула она головой.— Я инженером работаю. На хлебозаводе. А еще я неосвобожденный комсомольский работник. Секретарь комсомольской организации. Вот так.

— Даже не верится,— признался Исаченков.— Такой романтичный рассказ о шляпах и вдруг—нате! Проза! Хлебозавод... Как вас зовут?

— Анна.

Он посмотрел полуприкрытыми глазами на рекламу, втянул в себя маслянистый застойный городской воздух.

— Теплень какая!

— Бабе лето, вот и теплень.

Что-то забытое, тревожное снова проснулось в нем, какое-то сложное чувство охватило его, и Исаченкову стало непривычно знобко, будто он заплыл далеко в море, откуда нитка берега не видна, и собрался уже повернуть обратно, как бешено замолотило сердце, он понял, что на обратную дорогу у него не хватит сил, и кожа при этой мысли враз покрылась гусиными точками, укусами холода, и губы посинели, съезжились, подернулись морщинами, ему захотелось стаять на что-нибудь твердое, но ногам не на что было опереться—под ногами бездна...

Тут их позвали в комнату, где начались танцы, и Исаченков, пользуясь общей сутолокой, тихо ретировался к себе в номер, разделся, улеся спать и быстро уснул,—он даже не услышал, как довольно скоро вернулся раздосадованный Гриня, ругаясь и бормоча: «Молодая-интересная, а современности никакой!...»

Подтверждение словам Анны насчет того, что вдоль дорог в Чехословакии растут яблони и сливы, Исаченков получил на следующий же день, когда «Икарус» вез их по направлению к польской границе. И по ту и по эту стороны бетонки, впритык одно к другому, были посажены яблоневые деревья, сквозь зеленую, по осени уже потерявшую лаковую листву стреляли красные зарницы—крупные спелые яблоки. Яблоки лежали и у корней деревьев густой притягивающей россыпью, так и хотелось остановить автобус, кинуться под стволы и, будто в детстве, набить карманы крепкими, звонкими плодами. Исаченков поднялся со своего кресла и, взмахивая руками,— «Икарус» шел ходко, и на поворотах его заваливало то в одну, то в другую сторону—пробрался вперед, где сидела Анна, остановился, крепко держась за поручень, нагнувшись, взглянул на дорогу. Потом посмотрел на Анну, отметил, что глаза у нее сегодня не как вчера—не черные и не глубокие, а какого-то веселого темно-орехового тона.

Длинные ресницы Анны метнулись вверх.

— Скажите, Анна,— кашлянул Исаченков,— а яблоки эти можно рвать?

— Можно, но не нужно. Любый водитель запишет номер нашего «Икаруса», и тогда вам пришлют счет на десять килограммов. На десять, учтите! Даже если вы сорвете всего-навсего одно яблоко.

— Понятно,— проговорил Исаченков,— что ничего непонятно. Они же все равно пропадут...

— Вообще не обязательно. Эти деревья принадлежат дорожным участкам, и те распорядятся урожаем... А вы направо, посмотрите, плантация хмеля...

Ровными стенками отлетающие назад заросли хмеля были похожи на виноградники—такие же деревянные стояки, винтовочными стволами глядящие в небо, такие же веретенообразные зеленые стебли.

— Больше всего его растет на севере, это предмет экспорта. Убирают его тут комбайнами. А когда наступает горячая пора, то сорок пять тысяч школьников выходят на подмогу. Вы смотрели фильм «Старики на уборке хмеля»?

— Нет, не смотрел... А вы слишком о многом знаете. Как преподаватель младших классов. Тот обязан знать все—и арифметику, и язык, и еще кучу других предметов. Сколько же вам лет?

Анна наклонила голову, усмехнулась.

— Ну, вы не в том еще возрасте, чтобы скрывать его. Хотя у французов, например, бывают женщины до двадцати пяти и двадцати пяти лет...

— Мне ровно двадцать пять. И возраста своего я не скрываю. Что еще? Где родилась? Какой институт окончила? Семейное положение? Адрес, телефон? Владею или не владею иностранными языками?—Она неожиданно начала отхлестывать Исаченкова словами. А он только краснел и крутил головой: сам виноват, сам подставился.

Когда Исаченков после экзекуции возвращался на свое место, его остановил Гриня, подмигнул, помидорно светя щеками:

— Ну как? Ничего молодая-интересная? Э-э... Не закадрил, значит! И мне она вчера галашей по портрету...

«Икарус» свернул на пыльный вязкий проселок и вскоре остановился у негустых, уже обвядших, готовящихся отойти ко сну лозняковых кустов.

— Вот и граница!—объявил Вацлав.

Исаченков ожидал увидеть колючую проволоку, вспаханную нейтралку, высоченных, способных загрызть корову псов, но ничего этого не было. Просто проселок уходил дальше, вскарабкивался на покатуку лысину поля и сваливался на центральную площадь небольшой островерхой деревушки, посредине которой хорошо прокаленным старым кирпичом краснела кирха...

Прошло еще два дня, и группа их как-то самостийно, сама по себе разбилась на пары, на тройки, на четверки—так было удобнее и по городу ходить, и в магазины заглядывать, и даже пиво пить, которое здесь было знатнее знатно-

го — с копчеными колбасками, поджаренными на горячем дыму. И, подчиняясь общему закону, Исаченков теперь много времени проводил с Анной, много разговаривал на темы самые разные: говорили о Чехословакии и о Москве, о средневековой живописи и о замке Карлштейн, о кукольной фабрике в Седльчанах и о бабьем лете — говорили обо всем, что хоть мало-мальски интересовало обоих.

— Слушайте, Анна, у меня такое впечатление, что я в вас влюбился, — сказал как-то Исаченков.

— Напрасно, — спокойно отозвалась Анна. — У меня дома муж и сын.

...В Прагу въехали утром. Город был каким-то торжественным, парадно-ярким, сквозь сметанные ступки облаков просвечивал кругляк солнца — хорошо выпавший, пышный инопланетным здоровьем, молодой, он плавал в воздушной сметане, ровно кусок масла, желтый, свеженький, только края малость подгорели, лучились оранжевым. Крыши домов, мокрые от утренней росы, были броскими, цветастыми, одна краше другой: тут были и карминные, в густую коричневу, и зеркально-серые, и охровые с сизым налетом, и розовые с примесью нежного белого тона, крыши черепичные и железные, тесовые и из керамических пластин, с высокими горделивыми стояками труб, с большими, нараспашку, похожими на гигантские уши, слуховыми окнами, с острыми неустойчивыми ребровинами стесов, крутые и плоские, четырехугольные, как у замков эпохи Ренессанса, и острые, почти отвесно свалившиеся вниз, — о пражских крышах можно стихи складывать, песни петь.

А узкие, немного мрачные в своей тесноте улочки еще были темны, они еще дышали ночью и прохладой, солнце пока не добралось до них.

Прага встретила их возбужденным утренним шумом, сытым бурчаньем застоявшихся машин, шарканьем подошв, дымом — где-то неподалеку сжигали дряхлое деревянное строение, а старый маневровый паровоз, пускающий блеклые, полупрозрачные кольца из латаной, похожей одновременно на сапог и воронку трубы, приветствовал «Икарус» пороссячим визгом — паровоз этот толкал перед собой длинную цепочку тележек, груженных песком, чуть ли не к самому центру города.

— Это они, молодые-интересные, метро тут себе строят, песок — это оттуда, — пояснил Гриня Шишкин, нагнав на лоб складки морщин, что придало его лицу многозначительный вид.

Группу разместили в отеле второго класса «Унион» — более подходящего отеля для туристов, к сожалению, не нашлось, мест не было: в Праге проводился какой-то очень широкий многотысячный конгресс, он-то и съел все гостиницы, все места.

— Наш «Унион» не самый плохой отель, — пояснила Анна Исаченкову, — в городе существует отеля пять разрядов. Высший — это «люкс», потом идут разряды А, В, С, и еще есть разряд четвертый, самый последний... Вот такое тут гостиничное деление.

После обеда они пошли побродить по Праге. Утренние контрасты света и тени исчезли, воздух попрозрачней, они шли молча, и по сосредоточенным лицам их можно было угадать, что им здесь все интересно, все оставляет след в благодарной памяти. И прохаживая, уверенные в себе коренные пражане, чувствовали это, приостанавливали шаг, будто удивляясь занятости, деловому любопытству Исаченкова и Анны.

Он осторожно взял ее под руку, прижал к своему боку локоть. И чуть не задохнулся от какого-то яростного прилива нежности и тоски, от охватившего его сложного, неожиданно нового ощущения.

Каменные мостовые мокро блестели от полуденного-полусосенного жара, видно, последнего в этом году. Судя по сметанной наволочке, обметавшей небо поутру, скоро зарядит дожди, безысходные, серые, слепые, и тогда уж очень точно станет полноправной хозяйкой в городе. Под ноги шлепались крупные красноватые листья, мягко потрескивали под каблуками, оставались лежать неподвижно, давленные, навевающие печаль.

— Куда мы идем? — тихо спросил он.

— Не знаю, — отозвалась она. — Может, отправимся в Пражский кремль?

Они долго шли уютными улочками, мимо каменных полуподвалов, откуда доносилась едва различимая музыка, горьковато пахло копотью и салыным духом хорошо прожаренных шпикачек, потом, миновав низко посаженные гранитные ворота, вышли к сложному из старого, ставшего белым камнем мосту, натужно выгнутому свою горбину; под горбиной, дробясь о толстые быки, о крепкие, склепанные из дуба ледоломы, печально и как-то удивленно несла свои тихие воды Влтава. В прозрачной неглубокой ряби бесшумно плескались крупные непугливые утки — их было у моста, как сизарей на иной московской площади, у того же Манежа, например. Изредка кто-нибудь с моста кидал в воду хлебную корку или кусок булки, и тогда утки, дружно топоча лапами по воде и помогая себе крыльями, кидались к этой корке, беззлбно дрались, вырывая еду друг у друга.

— Это знаменитый Карлов мост, — проговорила Анна.

По обе стороны моста, у толстотелых, неровно обструганных парпетов сидели художники — все как один в джинсах, в ярких шотландках, с платками, выглядывающими из распах рубаш, чуть отрешенные, безразличные к толпе гуляющих. Тут же были выставлены холсты с видами Праги — уже в рамках, застекленные, готовые к продаже, около холстов толпились оживленный люд, в основном иностранные туристы, слышалась английская, немецкая, греческая речь, восклицания, шелкали блицы.

— А кремль, он по ту сторону реки, за мостом, — произнесла Анна и потянула Исаченкова вперед. — Вон, на холме... да не заглядывайтесь на эти картины, все равно денег на них не хватит...

Тихими каменными проулками, вдоль глухих, без выбоин, стен, от которых цоканье каблуков отлетало, как горох от металла, — звук действительно горохом сыпался на мостовую, — они поднялись вверх, и то, что увидели, было слепящим, таинственно притягательным... Целый город лежал внизу, в сизом слоистом пару, плоскими струями поднимавшемся под разжиженную облачную навес; под ногами было много зелени, еще свежей, лишь местами тронутой коричневой осенней прелью; далекие взлобки, похожие на морские волны, с полянами и перелесками исчезали, растворялись в прозрачной густоте, сливались с небом — зрелище это было, ну, просто чертовски красивым.

— Ох, какое диво! — знакомым шепотом произнесла Анна.

Исаченков улыбнулся и подумал, что слово «диво» могут произносить только женщины, это не мужское слово.

Потом они вошли в кремль, который здесь называли градом, Пражским градом.

Собор святого Витта, похожий на парижский Нотр-Дам, украшенный знакомой по снимкам фотографий готической розеткой и химерами, высился строго и мрачно, царапал острыми шпильями небо, и откуда-то с высоты, из небесной глубины опускались на землю резковатые, гортанные, печальные звуки органа.

— Собор святого Витта считается вершиной готики, — сухо, по-ученому складно и ровно произнесла Анна.

Исаченков машинально кивнул в ответ.

— Иногда собор называют костелом... Строили его без малого тысячу лет, заложив в основание кусок мощей — руку святого Витта.

Они долго ходили по Пражскому кремлю, постояли во Владиславском зале королевского дворца, прислушиваясь к странному съпучему шороху, раздававшемуся под старым гулким полом, всматриваясь в стены, где из-под штукатурки проглядывала древняя кладка.

— Здесь проходят заседания национального собрания, здесь выбирают президента, — пояснила Анна. — А раньше проходили коронации.

Потом они долго любовались лестницей всадников, по которой во Владиславский зал въезжали рыцари, прямо на лошадях въезжали — шаг ступеней лестницы был приспособлен к шагу тяжеловесных скакунов.

Анна много рассказывала, и Исаченков с растроганным вниманием вслушивался в ее голос, ловил любую перемену в интонации, в окраске голоса, настрое речи. Ему за последние дни стала дорога эта молодая женщина, загадочная, добрая, близкая и далекая одновременно, тактичная, умная; он чувствовал, что теряет ориентацию, ровно летчик в тумане, он готов был совершить безумство ради нее и напряженно вытягивался в стойке, бессильно сжимал пальцы в кулаки — сжимал и разжимал, сжимал и разжимал...

— Давным-давно чешский князь Вацлав был убит своим братом, — рассказывала Анна. — На гробнице князя и поставлен костел... А вот еще... Идите сюда, идите... Видите? — Она показала на толстенную кованую дверь с проржавевшими петлями, мрачную, словно из корабельной брони склепанную. — Здесь государственная сокровищница, здесь корона, жезл и... — она запнулась на секунду, — ну золотое яблоко с крестиком наверху, его еще на игральных картах изображают...

— Скипетр?

— Да нет... Скипетр — это посох, жезл, о нем я уже сказала... В общем, забыла, как называется...

Исаченков виновато улыбнулся, потер пальцами подскулье, жалея, что по профессии своей далек от знаков королевской власти, от сокровищ, — он, конечно же, знает, как называется это яблоко с крестиком, не раз слышал и читал о нем, да запомнил...

— Сокровищница, — продолжала Анна, — имеет семь запоров, семь замков и семь ключей. Один ключ раньше находился у короля, другой — у архиепископа, три ключа — у высших чиновников церкви и так далее... И открыть сокровищницу можно было только, когда все семеро сходились вместе. Сейчас эти семь ключей находятся у других людей — у президента республики, у председателя Национального собрания, у главы федерального правительства, у мэра Праги... Цена всех трех предметов королевской власти равна цене всего собора, представляете? Со всем его золотом, с серебряной гробницей, с дорогими камнями...

— Целый роман написать можно.

— Можно, — согласилась Анна.

Когда шли обратно, молчаливые, чуть отрешенные, еще во власти впечатления от увиденного, а груз впечатления был ощутимо тяжек — наверное, от непрístupности церковью Пражского града, от тяжелой мощи огромной двери, ведущей в сокровищницу, от мрачной веселости химер, повисших на здании собора, от стильной гулкости полов, по которым было страшно ходить, от спрессованности веков, один за другим промелькнувших перед ними, — то Анна неожиданно остановилась, строго и ясно посмотрела на Исаченкова, и он от этого ее взгляда вдруг почувствовал усталость, опустил голову, глядя в черные, совсем не изношенные плиты мостовой.

— Слышите? — спросила она.

Откуда-то из-под земли доносилась музыка, негромкая и медленная, полная осенней печали, шепчущего шума дождя, шороха листьев, которые ветер гнал по пустынному асфальту, были слышны далекие, едва различимые голоса, да еще знакомо пахло дымной прогорклостью шпикачек, перцем, хорошим табаком, жилым духом домов. Он повернул голову, увидел витрину комиссионного магазина, в которой было выставлено старинное оружие. Черные с боевыми иззубринами шпаги, мечи с бронзовыми рукоятками, короткие стилеты с гранеными наконечниками и перламутровыми, в сиреневых перегибах ножнами, гнутые, со сплюснутыми концами сабли, испещренные арабским вязью, среднеазиатские ножи-пчаки с золотой насечкой у корня, вытасненные из мягких шевровых кобурок, расшитых цветной кожей. У мужчины в крови всегда сокрыта тяга к оружию, он может часами стоять у подобной витрины и любоваться...

Изъеденные дождем, в шрамах-выковыринах каменные ступени вели вниз, в полутемный подвалчик, где за столом сидели люди, потягивали из высоких кружек пиво — черное, густое, когда его подают, наверху громоздится высокая, древесного цвета шапка пены, шевелится, как живая.

— Этот пивной ресторанчик называется «У Малвазе», он самый старый в Праге, ему лет пятьсот, если не больше. Малвазе — это, говорят, был такой владелец пивного завода...

— Зайдем, — согласно кивнул Исаченков.

Ресторанчик был совсем крохотный, создавалось впечатление, что он насильно втиснут в угрюмые каменные своды, на его теле зашелкнуты кандалы, он опоясан, зажат оковами, и это навеивает печаль, заставляет волноваться, — кажется, вот-вот рухнут своды, вдребезги раскрошат столы, навсегда вышибут из помещения хмельную негу, дух еды и питья. Они около часа сидели в ресторанчике, медленно потягивали пиво, довольно дешевое, всего две кроны кружка, но такое вкусное, что в уголках глаз даже вспухали слезы — пиво и горчило и было сладковатым, дразняще щекотало небо, обдавало вязкостью, сложным замесом хорошо проваренного хмеля и ячменя... Под конец в дымной светлоте ресторанчика неожиданно появился Гриня — крутые оглаженные плечи обтягивала полосатая безрукавка, на лице — лихая пиратская ухмылка, щеки лоснятся, кажется, проколи — и впрямь брызнет из них тугая помидорная жижка; он выгреб, буквально выгреб ладонью из-за спины Жанну, подтолкнул под лопатки:

— Топай вон к тем двум, молодым-интересным. Подсаживайся, а я пару пива закажу! — Через минуту он вернулся с двумя кружками в руках, плюхнулся на скамью, сунул нос в пену, шумно отхлебнул. — Ничего. С таким пивом жить можно. Хотя пить вообще-то... того!

— Что того? — спросила Жанна.

— Пить бросать надо. Мне батя даже холку намывливал, на путь истинный наставляя.

— Ну и что? — поинтересовалась Жанна.

— Однажды поддался — завязал. А потом снова... Батя тут как тут: ты же, грит, Гриня, завязал? А я и отвечаю: завязать-то завязал, да еще не затянул.

Жанна рассмеялась:

— С умом ответил. Сам придумал? Не врешь?

— Чего врать-то, молодая-интересная? Не веришь? Э-э-э...

Наступила некая не очень-то ловкая пауза, и Исаченкову захотелось встать, взять за руку Анну, шагнуть к выходу...

Много было интересных мест в Праге. И Вышеград, у подножия которого находился отель «Унион», — однажды вечером Исаченков, бродя по вышеградскому парку с Анной, наткнулся на яблоневый сад — деревья даже потрескивали в темноте, изнывая от тяжести плодов, и Исаченков не удержался, вспомнил детство, нарвал-таки яблок, насовал за пазуху, потом всю грушу ими накормил, — и староместская ратуша с диковинными курантами — двумя огромными блюдами, впаивными в каменный бок здания; и Пороховая башня, откуда открывался вид на всю Прагу; и Петршинская наблюдательная вышка; и церковь святого Николая, построенная в русском стиле; и улочка, заставленная низенькими, очень похожими на игрушечные, лавками: и Ледебургский сад с тысячеступенными розовыми лестницами; и мрачная Вифлеемская часовня, и торжественный (очень много золота, настоящего и накладного, на богатых лепных потолках — суховатые, выполненные в очень расчетливой рисовальной манере фрески) костел святого Якуба, где находится лучший в городе орган... Исаченков потом долго вспоминал задумленную осеннюю Прагу, радующуюся последним теплым дням, потный асфальт мостовых, вспоминал тихую Влтаву, зеленые холмы, сваливающиеся за горизонт.

С Анной у него установились ровные, вроде бы ни к чему не обязывающие отношения, но он боялся переступить черту, разделяющую его и ее, боялся, что совершит непоправимое, и молча страдал, загонял боль вовнутрь, в самого себя. Исаченков влюбился в Анну.

И вот наступили последние дни поездки. По существу, это были дни отдыха. Их разместили в скрипучей деревянной гостинице «Бьернсон», расположенной под Хопоком в Низких Татрах. Программы не было никакой: броди по малиновым кустам, зарослям смородины и можжевельника, дыши полной грудью, набирайся сил — ведь горный воздух, он тут особый, можно закупоривать в консервные банки и как снадобье отправлять в полузадохшиеся от промышленного смрада большие города.

Исаченков осторожно, чтобы не поломать пустотелых стеблей, забирался в малинник, легкими пальцами срывал перезрелые, лопающиеся от сладости ягоды, машинально ел... И невольно думал о том, что эти дни, пожалуй, самые лучшие и самые грустные в его жизни. Но всему ведь наступает конец, скоро они вернутся в Москву, там Анну ждут муж и ребенок, а его никто — пустая квартира, старый телевизор с почерпелым экраном, современный письменный стол, заваленный работой, посуда, которую надо мыть, и все будет постыло, тускло, и станет жаль уходящее время, которого осталось не так-то уж много в жизни. Что-то томящее рождалось у него в груди, он прижимал пальцы к ключице, ловил низом ладони сердце, и, словно утишая его бой, приходил в себя.

Как-то они пошли в Деменовы пещеры, это совсем недалеко от Хопока, примерно в часе ходьбы. Бабье лето уже пошло на спад, но погода еще стояла тихая и теплая, в прозрачном воздухе почти неподвижно висела паутина, прилипала к одежде, к рукам, к лицу. Птицы закатывали концерты в хвойной густоте, деревья перекликались друг с другом то звонко, то глухо, какие-то зверюшки раза два выскакивали на тропу, но, завидя людей, тут же исчезали.

— В Москву не таянет? — спросил Исаченков, подсекая палкой крапивный куст, свесившийся с земляного откоса. — Там вроде бы погода не ахти...

— Может быть, может быть. — Она вдруг понимающе улыбнулась. — Когда не о чем говорить, всегда заводят речь о погоде. Так, кажется?

Исаченков смутился.

— Это машинально вышло...

— Да я не ради придирки, просто так, к слову.

Деменовы пещеры — это огромное глубинное царство со своей особой жизнью, своим климатом, своими призраками, со своей явью и сном, это гора, выбранная изнутри, это высохшая корка, морщинистая, тусклобокая. Лаз в пещеру маленький, двигаешься, скорчившись, такое ощущение, будто в подвал втискиваешься, а осилишь небольшую земляной коридорчик, и такая пустота взметывается над тобой, что становится страшно.

Анна ухватилась за Исаченкова, прислушалась к бормотанию экскурсовода — длинноносого, очкастого парня, во что-то тыкающего ледорубом. В свете лампочек мерцали каменные грибы.

— Говорят, один кубический миллиметр сталактитов да и любого другого пещерного вещества растет десять — пятнадцать лет, — быстро и складно, словно прочла по книжке, проговорила Анна.

— Это тоже из категории разговоров про погоду...

— Попрошу без придирок, господин учитель, — засмеялась Анна.

Сталактиты, сталагмиты — запутаться можно. Одни растут из земли вкривь и вкось, ровно заячьи уши, другие свешиваются с потолка и похожи на толстые, пупырчатые от наростов морковки. И названия необычные, в них много от сказки: Каменный водопад, Вечный дождь, Ива, Красная девица, Старый лес. Хотя попадалось и гастрономическое: Брынза, Сушеная курица, Творожное озеро...

Они остановились на берегу черной мелкой речки, протекавшей по дну громадного сырого зала. Берег был обрывистый, круто стесанный, в боковину врыты хлипкие металлические перилы. Экскурсовод замолчал, и стало слышно, как внизу протудно хлопает вода, полощется брюхом о камни. Что-то недоброе, лишнее человеческого было в этом звуке.

Вдруг погас свет, темнота навалилась на людей тяжело, душливо, она была такой опасной, каменной, холодной, что Анна даже прижалась к Исаченкову, он почувствовал, как трясется ее плечи, притянул к себе, и гулкий кровяной вал ударил в уши, стало тревожно, он зажмурился. Томящая слепая боль снова распрямилась в груди, обожгла изнутри... Но тут свет дали, и группа снова двинулась дальше, вверх по утрамбованному до чутунной плотности земляным ступенькам, мимо выплескивающихся из-под камней мутноватых, глиняного цвета грибов и прочих даров природы. Анна, словно исправляя ошибку («Да какая там ошибка?» — с непонятной горечью подумал Исаченков), старалась держаться теперь несколько в стороне, вела себя отчужденно. Исаченков понял, что с Анной надо объясниться, обязательно объясниться — пусть боль истаёт, улечется еще здесь, пусть наступит облегчение. Надо поставить точки над «i» — или, или...

Вечером в земляной выбоине, поросшей не по-осеннему мягкой травой, был заложен прощальный костер. Сухие дрова горели споро, без искр, тонкое жаркое пламя взметывалось выше голов, освещало деревья, густо вставшие по бокам выбоины. Пришли немецкие туристы, жившие неподалеку, подсели к костру; пришли словаки-горноспасатели, их привел Ян Майда, сопровождавший советскую группу в горы, черноволосяй парень. Ян был действительно парень что

надо, альпинист и автогонщик; пришли венгры — студенты, все как один в потертых джинсах, рубашки в обтяжку, из бород сигаретки торчат, — в общем, народу около костра собралось порядочно. Много говорили, смеялись и пели, прыгали через пламя и считали звезды в черном, как сажа, небе, выкликали малоразговорчивых ночных птиц и танцевали под губную гармошку.

На высоко срубленный пень с ровной, хорошо острогой макушкой поставили фанерный щит с прибитым к нему подсвечником, зажгли пять свечушек, тонкоосенных, прозрачных, хлипких, рядом нагромодили десятка полтора консервных банок, оранжево запольжавших блестящими боками.

Исаченков пошел узнать, что это... Оказалось, консервированное пиво, на экспорт идет — в Австрию, Голландию, Швецию, как объяснили ему две молоденькие продавщицы, аккуратные, будто куколки, в льняных расшитых передничках, похожие друг на друга, ровно двойняшки. Исаченков взял одну банку, на которой вкось было выведено броское «Золотой фазан», подцепил пальцем колечко, плоско прижало к крышке, вырвал жестяной треугольничек, и в ноздри ему ударило горьким хлебным духом.

Он протянул банку Анне, сел рядом, бездумно поглядел в хвосты пламени, в дымные завитушки, окутавшие подброшенные в костер свежие поленья, вздохнул. Он думал сейчас о женщине, работающей на хлебозаводе, и о самом себе, о том, что завтра предстоит дорога назад, и о сегодняшнем вечере, о теплых днях, уже сходящих на нет, о тишине здешних мест и напряженной городской жизни, о форе, плещущейся в мелких бурчливых речушках, и о токе крови, остро бьющей в подреберье... Он медленно повернул голову, увидел лицо Анны, увидел щеку, освещенную пламенем, припухлые негритянские губы, глаза — отблеск костра волно плавал в зрачках, — снова вздохнул, сглатывая твердый катыш, остановившийся в горле и мешавший дышать.

— Анна, — тихо произнес Исаченков. Поглядел куда-то вверх, на основные острые лапы. — Знаешь, что...

Она не отозвалась. Ни вздохом себя не выдала, ни движением.

— Я хочу тебя видеть в Москве, — стараясь унять дрожь, проговорил Исаченков. — Можно?

Анна молча поглядела на него, в бездонные зрачки ширился испуг, огненные отблески исчезли куда-то, вместо них возникло зеленое озеро, какое-то колдовское, наполненное теплом и светом. А потом он увидел боль — ту самую боль, которую ощущал и в себе самом. Плохо стало Исаченкову — слишком долго не отвечала Анна.

— Можно? — повторил он тихо, удерживая ровность в голосе.

— У меня ведь муж и ребенок...

— Ну и что?.. Что муж и ребенок? — Ожесточившись, он повысил голос. — Ребенка ты забереешь и передеешь ко мне. А? Анна! — Для него сейчас перестали существовать и костер и люди, тесно сидевшие на скалах выбоины, существовал лишь один-единственный человек — Анна.

— Нет, — произнесла она шепотом.

— Ну, почему? — напористо проговорил он и умолк: пламя вдруг запузырилось перед ним, заплесало, заплесталось по земле, стелясь блестящей тряпкой у самых ног.

— Не знаю, — ответила Анна.

Исаченков почти выкрикнул:

— Нет, знаешь! Ты мне нужна! — И тут же тише, больным и враз севшим голосом: — Понимаешь? Нужна! — гвозданул кулаком по земле. — Ты это понимаешь?

Анна молчала, и Исаченков неожиданно понял, что ничего не получится у него с этой женщиной, все покатится под гору, останутся потом только боль, обида, недоумение. Он вскопил, цепляясь за траву и макушки кустов, вскарабкался наверх, разгреб перед собою темноту. Вдруг услышал за спиной дыхание. Не оборачиваясь, понял: Анна.

— Не обижайся на меня. — Она в первый раз обратилась к нему на «ты». — Пожалуйста. Ты хороший, преданный друг. Друг. Но большому быть не суждено... Пойми меня. Пожалуйста.

Сильный ветер хлестнул по макушкам сосен, накрыл деревья разом и, придавливая и ломая их, покатились вниз. «Вот и конец бабьему лету», — с глухой тоской подумал Исаченков.

Назавтра пошел дождь. Уезжали поутру, едва размытая полоска света синевато выветила горы. Дождь был мелким, нудным, липким, словно мокрая пыль. «Икарус» уже взрывал мотором во дворе отеля. Завтрак получили сухим пайком — огромные, в две ладони, бутерброды с острой, обсыпанной перцем и толченым чесноком ветчиной.

Когда автобус заскользил вниз по асфальтовой нити, переброшенной поперек склона, Исаченков вдруг увидел, как из мокрых, охолодавших за ночь кустов высочила комолая олениха с тонконогим жиглявым олененком, непугано посмотрела на автобус, на это огромное голосистое чудовище, — отступила назад, в водянистую листву. Дождевые капли катились, будто шары, перечеркивали стекло, след тут же обволакивала туманная пыль, которую снова прорезал очередной ртутный катыш. Было одиноко на душе.

Анна сидела рядом с Исаченковым, молчаливая, напряженная, с темными пятнами под глазами. Он думал, что она переседет на другое место — «Икарус» мог запросто вместить две такие группы, было много пустых кресел, но Анна осталась на старом месте.

Когда выехали на трассу и дождь припустил еще сильнее, свинцовым горохом забарабанил по крыше автобуса, Анна вдруг проговорила шепотом:

— Слушай!.. Запиши номер телефона...

Исаченков шевельнулся, распрямляя затекшие ноги, прислушался к себе...

— Не надо, Анна, — уткнулся лбом в стекло, глядя, как из-под колес вышлескивается на обочину чистая дождевая вода.

На развилке остановились: переводчик Вацлав покидал группу. Но прежде, чем нырнуть под железный козырек беседки, около которой, подбирая пассажиров, тормозили автобусы, он взял в руки микрофон, вежливо попрощался, потом, посмотрев на огромный, величиной с тарелку спидометр, произнес незапрограммированное:

— Всего мы проехали по Чехословакии три тысячи восемьсот пятьдесят восемь километров.

Автобус двинулся дальше, дождь стал молотить по бокам и крыше еще сильнее, грохот стоял барабанный, от него звенело в ушах. «Бабье лето, где же ты?» — спросил себя Исаченков, стараясь не глядеть на Анну. — Куда ты делось?»

Он вдруг услышал какой-то тонкий и трогательный звук, почувствовал легкий запах дыма, чего-то домашнего, теплого, близкого, но потом наваждение истаяло, и он понял, что это был последний звук, последний запах бабьего лета. Эта была прощанием.

А за окном все шел и шел дождь, порывами, бился о стекло то мелко, то крупно, в картечь, и, казалось, не будет ему конца...

Есть лозунги и призывы, которые не просто формулируют социально-политические и экономические задачи, а превращаются в жизненное кредо миллионов. Таким для широких масс советских людей стал девиз десятой пятилетки: «Работать эффективно, работать качественно!».

Все более очевидными становятся глубина и точность этого девиза. Он подразумевает и непосредственную, прямую работу над повышением надежности, прочности и красоты изде-

лий, и творческую организаторскую деятельность, направленную на активизацию всех звеньев производства, и высоту нравственной позиции, которую занимает тот или другой работник... На пути к совершенству — и яркие победы, и многообразный поиск, и острые проблемы...

Редакция предлагает читателям подборку материалов, где в самых различных аспектах рассматриваются пути повышения эффективности и качества работы.

Есть у нас во Львове здание, мимо которого вряд ли пройдет гость города, если имеет он хоть какое отношение к делам производственным — а кто его практически не имеет? Я говорю о Доме качества. Это отнюдь не музей, хотя в нем и собраны экспонаты, рассказывающие о борьбе за качество на львовских предприятиях. Это школа. Сюда приходят обмениваться опытом и мнениями, размышлять, спорить. Приходят учиться.

Конечно, побывали в этом доме и участники состоявшегося во Львове в декабре 1976 года Всесоюзного комсомольского семинара по качеству. Семинар стал большим событием в жизни комсомола Львовщины. Прочитав строчку из его рекомендаций, адресованных всем комитетам комсомола страны: «...шире использовать и внедрять опыт партийных, комсомольских организаций, хозяйственных органов, передовых предприятий Львовской области в борьбе за качество выпускаемой продукции...» Эти слова ко многому нас обязывают.

Известно, что на Львовщине с успехом применяется комплексная система управления качеством продукции (КСУКП). Она вобрала в себя, аккумулировала лучшие, передовые принципы хозяйствования, разработанные на предприятиях Саратова и Москвы, Ленинграда и Свердловска, Горького, Ярославля, Кременчуга... Комплексная система, родившаяся в результате тесного сотрудничества ученых и производственников, не арифметическая сумма, не произвольный набор удачных методов и приемов работы — все в ней взаимосвязано, одно дополняет другое. Поэтому главный вопрос, который стоял перед нами: что именно взять на себя комсомольцам, чтобы, не подменяя и не дублируя работу партийных и профсоюзных организаций, внести свой конкретный и реальный вклад во внедрение и развитие КСУКП?

Мы исходим прежде всего из того, что качество не только производственная, экономическая, но и нравственная категория. Борьбу за качество не мыслим в отрыве от формирования личности рабочего-творца. «Трудящийся человек в социалистическом обществе — это не механический исполнитель тех или иных операций, тех или иных указаний. Ему важны не только непосредственный результат своих собственных усилий, но и их место и значение в общем трудовом процессе. Стремление и возможность внести свой личный вклад в общее дело служат огромным стимулом трудовой деятельности, учат мыслить масштабно, по-государственному, воспринимать общие заботы как свои собственные» — в этих словах Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, произнесенных на XVI съезде профсоюзов, определен важнейший ориентир работы комсомольских организаций. Воспитывать в молодых производственниках чувство хозяйской ответственности, общественной активности, растить мастеров, которые в силу собственной высокой гражданственности и профессионализма не потерпят рядом с собой халтуры, не останутся равнодушными к разгильдяйству, лениности ума, пассивности, — именно так видится роль комсомола в борьбе за эффективность и качество.

Не требует доказательств аксиома: качество закладывается при проектировании, обеспечивается при производстве, поддерживается в эксплуатации. Вывод? Мы искали и находили оптимальные формы влияния комсомольских организаций на качество во всех стадиях жизненного цикла изделия. В ходе этих поисков утвердилась практика создания комсомольско-молодежных коллективов, где комсомольцы берут шефство над выпуском продукции, которая готовится к аттестации на государственный Знак качества, подписывают договоры о социалистическом соревновании с комсомольско-молодежными подразделениями предприятий-смежников и т. д.

В 710 сквозных бригадах отличного качества у нас работает свыше 8 тысяч человек. Интересен опыт комсомольцев производственного объединения «Электрон». Они предложили: «А что, если включить в такие бригады соседей по операции и рабочих смежных цехов?» Так и поступили. Результат? Из 12 тысяч цветных телевизоров «Электрон-710», выпущенных сквозной бригадой цеха № 03, работающей

на самоконтроле, ни на один не поступила рекламация...

Разные заводы — разный уровень подготовки кадров, неодинаковая техническая вооруженность. Как организовать соревнование, чтобы могли состязаться комсомольцы, занятые на конвейерном производстве, и станочники, новички и признанные виртуозы — победители конкурсов профессионального мастерства? Мы стремились создать гибкую, дифференцированную систему соревнования, открытую для всех категорий рабочей молодежи. За право владеть переходящим мандатом обкома комсомола «Красная гвоздика» соревнуются сегодня молодые рабочие любой квалификации. Места на «пьедестале почета» ни за кем заранее не забронированы. Победителями становятся и рабочие-первогодки — они соревнуются за максимальную сдачу продукции с первого предъявления; и рабочие средней квалификации — они борются за право работать на самоконтроле, с личным клеймом; и комсомольцы, имеющие личное клеймо, — они добиваются званий «Мастер — золотые руки» и «Мастер-умелец». Такой подход позволил нам охватить индивидуальным соревнованием свыше 155 тысяч юношей и девушек.

Свои особенности у социалистического соревнования в нынешний год, год ударной комсомольской вахты в честь 60-летия Великой Октябрь. Среди комсомольцев и молодежи области получила активную поддержку инициатива ленинградцев: «От высокого качества работы каждого — к высокой эффективности труда коллектива!» Основа соревно-

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА

Николай ШПИЛЬКОВ,
первый секретарь
Львовского обкома ЛКСМ
Украины

вания под девизом ленинградцев — переход от личных к бригадным комплексным планам. В центре внимания оказываются все звенья производственной цепочки до конечной операции, венчающей труд бригады. Растет чувство взаимной требовательности и взаимной поддержки.

Весьма полезен был для нас и опыт Московской городской комсомольской организации по привлечению молодежи к борьбе за ускорение научно-технического прогресса. Дело огромного значения! Как сократить путь той или иной новинки из лаборатории и конструкторского бюро в заводской цех? Совершенно очевидно, что для скорейшего внедрения достижений науки и техники в производство должен быть с безупречной точностью отлажен механизм сотрудничества ученых, конструкторов, технологов, организаторов производства, рабочих. Нам кажется, что в наибольшей степени этим задачам соответствует работа творческих научно-производственных комсомольско-молодежных групп. Сейчас в области их насчитывается более 2 тысяч.

Важное преимущество таких групп — возможность сконцентрировать усилия на важнейших направлениях. Приведу пример. В производственном объединении «Кинескоп» долго не ладилось с освоением цветного кинескопа «59 ЛКЗЦ». На заводе говорили о «цветной лихорадке». И тогда комитет комсомола предложил: комсомольцы берут шефство над изготовлением сложнейшего прибора! Начали с того, что внимательно изучили опыт, которым поделились кол-

леги — молодые специалисты родственных предприятий. На всех участках были созданы комсомольские посты качества. Они обеспечили жесткий контроль над каждой операцией. «Молнии», которые вывешивались по всему заводу вплоть до проходной, не только громили бракоделов, но и анализировали причины брака. В кружке «Основы управления качеством», который возглавил старший мастер участка Михаил Дмитриевич Опайнич, брали «под микроскоп» всю производственную цепочку, изучая средства устранения брака. Рационализаторская группа во главе с инженером-технологом Ольгой Владимировной Свечниковой работала над совершенствованием оборудования. Сколько энергии и упорства проявили начальник штаба качества цеха ЭЛТ-1 технолог Евгений Орицин и секретарь комсомольской организации цеха слесарь-вакуумщик Владимир Сидоров! А как тщательно, с какой самоотдачей трудились металлизатор-вакуумщик Иван Якимов, наладчик Степан Гладий, контролер участка экранирования Ольга Вах, бригадир комсомольско-молодежного коллектива контролер-испытатель Степан Бурбан и многие другие. И пришел успех. Творческие комплексные бригады добились того, что кинескоп «59 ЛКЗЦ» отмечен государственным Знаком качества...

Ключевым звеном, определяющим участие комсомольских организаций в развитии КСУКП, были и остаются посты и штабы качества. За последние годы их стало значительно больше (650 в 1974 году, 3500 сейчас). Но — что особенно радует — расширился круг вопросов, в решении которых им принадлежит веское слово. Расскажу о почине «Сделано отлично — продано отлично!». Он зародился в комсомольских организациях львовских объединений «Прогресс», «Обувь», а потом был подхвачен комсомольцами трикотажного объединения «Луч», швейных объединений «Весна», «Маяк» и других. Сейчас в соревновании принимают участие около 200 производственных коллективов области. Особенность этого движения в том, что общественный контроль за качеством выходит за проходную завода и распространяется на торговые организации. К примеру, комсомольцы объединения «Маяк» вместе с молодыми продавцами центрального универмага регулярно проводят рейды по изучению спроса на товары. «Трехсторонний диалог» — производственников, работников торговли и покупателей — оказался полезным и действенным.

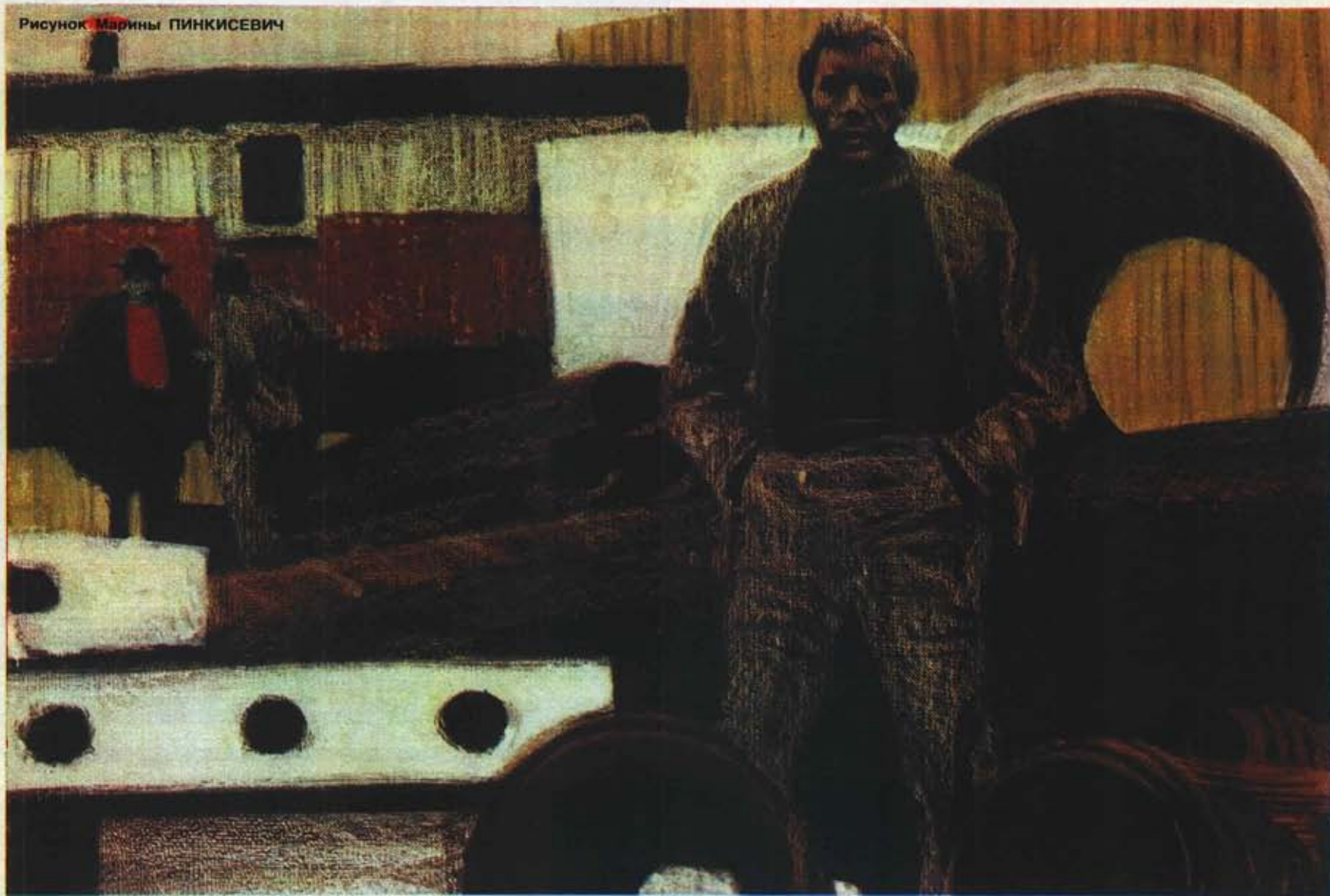
И еще вот о чем я хотел бы сказать. КСУКП, как известно, предусматривает направленное воздействие на все факторы, определяющие качество труда, — включая широкую программу мероприятий, улучшающих быт, создающих условия для гармоничного развития человека. Комсомольские организации области ставят задачу привлечения молодежи к социальному планированию. Наше участие — деловое и конкретное. Так, для решения жилищной проблемы во Львове по плану социального развития города предусмотрена реконструкция домостроительного комбината. Мы объявили ее ударной комсомольской стройкой города. Только в прошлом году на комсомольских субботниках отработано свыше 30 тысяч человеко-дней.

Все обследования, которые проводились на львовских заводах, сходятся в одном: борьба за качество, являясь результатом роста производственной культуры и гражданской, общественной активности коллектива, в свою очередь, решающим образом способствует этому росту. Бесспорна обратная связь, когда постоянное совершенствование профессионализма поднимает на новый рубеж хозяйское, осмысленное отношение ко всему, что происходит в твоём цехе, на твоём заводе, в твоём городе, в твоей стране.

Я думаю, что, побывав в недели предоктябрьской вахты на комсомольских собраниях в заводских цехах, на заседаниях клубов рабочей чести «Знамя отцов — сыновьям нести!» в профтехучилищах области, увидев и услышав тех ребят, первые записи в трудовую книжку которых сделаны в 70-е годы XX столетия, наши старшие товарищи, герои войны и ветераны труда, остаются удовлетворенными.

Знамя в надежных руках.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Вячеслав ЯКОВЛЕВ,
бульдозерист

СТОЛКНОВЕНИЕ

Работы оставалось минут на пятнадцать. Машина пела свою незатейливую песню, дело спорилось. На душе у Топоркова было весело, даже празднично: корпус стоматологического института сдали раньше срока.

«Что ни говори, а это все для людей. Для людей...» — под настроение думал Топорков. Он любил такие стройки в Москве, где все было налажено. Тут и лица другие — радостные, веселые, повсюду смех, шутки, а значит, и дело всегда спорится.

К бульдозеру Топоркова подошел Семеньч, махнул рукой. Топорков заглушил двигатель.

— Здорово живешь! — поприветствовал Семеньч.

— Здравствуй, — ответил Сергей.

Семеньч достал пачку «Беломора».

— Ну что, хлопчик, собирайся, да поехали. А то мне еще четыре бульдозера перегонять на новый объект.

— Семеньч, я вот только траншею засыпало, и поедем...

— У меня еще четверо на очереди... Ты о них думаешь?

— Ну, не бросать же! Метра четыре осталось... Ведь не доделаю — вручную придется засыпать.

— Вот то-то и оно, — добродушно проворчал Семеньч. — Людям делаешь добро, а диспетчер с кого стружку снимает? С Семеньча!

— Так разве за добро ругают, а Семеньч?

— Ну, ладно, валяй. Только поживей.

...На другой объект переехали быстро. Топоркову нравились переезды: новый объект, новые люди... Бывает и так, что уже встречались кое с кем на других стройках — тогда принимают как своего, а это всегда приятно. Но здесь все было незнакомым, одно привычно: вагончики, техника, разбитые дороги...

В прорабской былолюдно. Топорков наклонился к девушке:

— Кто у вас тут прораб будет?

Не успела девушка ответить, как раздался гулкий мужской голос:

— Ну все, можно по местам, а мне тут надо с документами посидеть малость...

Все разом зашумели, выходя из прорабской, остался лишь Топорков.

— А тебе что, особое приглашение надо?

— Извините, но я бульдозерист. Мне бы место в раздевалке...

— А-а... бульдозерист. Ты-то нам и нужен, а насчет раздевалки туго у нас. Не знаю, куда и приткнуть тебя.

— Зачем притывать? Меня притывать не надо, а как положено — шкафчик и крышу над головой.

— Ишь, чего захотел! Может, тебе еще и горячую ванну захочется?

Топорков хотел ответить, что, мол, доживем и до такого времени, но промолчал. Он уже раскаивался, что пошел с прорабом на пререкания: все-таки прораб ему в отцы годился... Но что верно, то верно — на каждом объекте все притыкают да притыкают, — надоело. Однажды даже в женской раздевалке около недели переодевался. Торчишь на морозе и ждешь, когда все женщины переоденутся.

— Чего насупись? — сказал прораб. — Пошли, сведу на место.

Шли долго, потому что поминутно останавливались около бригад, всегда кто-то что-то требовал, а в ответ получал от прораба: нельзя, не могу, неког-

да, не к спеху... Единственному человеку, внезапно откуда-то вынырнувшему, Лексеич (как все его называли) был искренне рад:

— А-а, Митрофан, ну, какие дела? — и радушно улыбнулся.

— Вот должок за мной был, пятерик. Законные твои, Лексеич.

— Ну, зачем же столько, — протянул Лексеич, — я как-никак тоже в дозе был...

— Бери, бери, о чем разговор. Сочтемся...

Оба значительно подмигнули друг другу и разошлись.

— Во, учитывай, — назидательно сказал прораб, — человек с большой буквы, — и многозначительно поднял указательный палец. — А с вашим братом каши не сварить, не-е!...

Сергей промолчал. Наконец подошли к теплушке. Лексеич долго шарил по заначкам, где строители могли припрятать ключ. Когда вошли, свободных шкафчиков не оказалось.

— Ну вот, устраивайся, — сказал прораб. — Ключ положишь на место. А после — к бульдозеру. — Сергей и слова не успел сказать, а прораба уже след простыл.

«Ему лишь бы работой,—думал Сергей.—А удобства ему ни к чему. Ну, ладно, может, и правда, мест нет, обойдусь как-нибудь. Не впервой...»

В углу он нашел несколько ржавых гвоздей и там же, около умывальника, где была свободная стенка, вбил гвоздь. Повесил вещи и вышел.

Около бульдозера его поджидали два строителя. Топорков подошел, поздоровался.

— Ну что, начнем?—сказал один.
— Начнем,—ответил Сергей.—Только надо взглянуть, что и куда.

— А вот,—подвел его к глубокой траншее строитель,—ее и надо засыпать. Монтаж уже сделан, так что давай...

Сергей заглянул в траншею. Внизу, на самом дне, был проложен бетонный короб, рядом с ним тянулись две жилы заизолированных труб. Кроме всего, на дне лежали неиспользованные железобетонные плиты, разномерные концы металлических труб, оставшиеся после монтажа, и изоляционные материалы.

— Зарывать не буду,—сказал он стоящему рядом строителю.

Тот удивленно посмотрел на Сергея:
— Это почему?

— А потому,—в тон ему ответил Топорков,—что плиты надо убирать. Посмотри, сколько там труб лежит.

— Вон оно что... Так то же ерунда, трубы эти никуда не пойдут—маломерки.

— Нет, дорогой!—сказал Топорков.—Вызовите их оттуда—тогда и начну.

— Чудак-человек! Крана-то нету, что же я, на пуп возьму эту плиту? Она, поди, не игрушка, кило на триста потянет. Да и трубы еще...

— Отец, не стыдно, а?! Такое добро зарывать? Посмотри, сколько там металла погибнет, а его ведь не просто так добывать, понимать надо. А плиты, смотри, новые совсем!

— Да чего ты там с ним время теряешь!—вмешался в разговор второй строитель.—Пойдем к Лексеичу, тот быстро ему мозги вправит.

— Точно, идите к Лексеичу и скажите, чтоб мозгами раскинул и кран вызвал.

— Ты что, первый год работаешь или с луны свалился?!—спросил первый строитель.

— Хватит!—стал злиться Сергей.—Надоело: одному невыработанный раствор разбросай, чтоб глаза не мозолил, другому плиту закопай. Совсем обнаглели! Народные деньги закапывать! Не выйдут...

Строители переглянулись, хмыкнули, покачали головами и нехотя пошли от Топоркова.

«В прорабскую, что ли?»—подумал Сергей.—Ну и черт с ними! Сказал—значит, не буду, пока не уберут металл».

...Из-за корпуса вышли трое—строители и прораб. Лексеич размахивал руками и крепко ругался, а двое нагло лавато улыбались.

Подошли.

— Ну что, будешь работать или нет?!—закричал прораб.—Тебе кто дал право не в свои дела соваться? А? И вообще, кто ты такой? Чего ты тут из себя корчишь? А? Я, я,—бил он себя в грудь,—я этому ответчик, понятно тебе или нет?!

— Мы ему тоже говорили: не твоего ума дело...

— Погоди,—прервал строителя прораб.—Ну, говори,—обратился он к Сергею,—будешь зарывать или нет?!

— Не буду!—решительно ответил Топорков.

— Не бу-у-удешь?.. А ты знаешь, кто тебе платит? Я, я тебе плачу! Если ты сейчас же не начнешь закапывать траншею—прогул тебе обеспечен. И в

трест позвоню. А ты знаешь, что за это бывает, тунейдец?!

— А ты вредитель!—не выдержал Топорков. Ему уже надоело вот так стоять и выслушивать напраслины от Лексеича.

Он быстро вскочил в кабину, захлопнул дверь и прибавил скорость, чтобы не слушать угрожающей брани. Сергей чувствовал за собой правоту, но состояние было отвратительным. «Заварил я кашу. Сейчас возьмет и позвонит, ему и вера, он прораб, а кто я такой? Кто действительно?—Но тут же со злостью подумал:—Ну уж нет, я прав, и все тут. А там будь что будет!..»

Спустя полчаса из-за корпуса показался, как парламентар, один из строителей.

— Эй!—крикнул он.—Иди получи выволочку, там тебя какой-то начальник к телефону требует.

— Та-ак, понятно...—Сергей вылез из кабины, закрыл на ключ дверь и пошел следом за строителем.

На проводе был начальник участка.
— Топорков, в чем дело? Почему отказываешься работать?!

— Стройматериалы, металл не убранны. Не могу добро засыпать.

— Ты учти, мне уже из треста звонили, приказали немедленно принять меры. А ты знаешь, что это сдаточный объект? И что эта траншея многое держит?

— Но ведь там же плиты железобетонные, новехонькие! Трубы разных диаметров! Что же их, засыпать?!

— Говорят—значит, засыпай. И делу конец!

— Но как же так можно?!

— А так, можно. Прораб—хозяйин стройки, и ему лучше знать, что можно, а что нельзя. И вот еще что, давай без этих своих... Ох, Топорков, Топорков, какой ты, оказывается, трудный человек!.. Ну все, давай...

Топорков вышел из прорабской, со злостью хлопнул дверью.
— Ну что, съел собаку?—ухмыльнулся один из строителей.

— Ничего, это ему на пользу пойдет...—Второй строитель смотрел на него насмешливо и с презрением.

Топорков остановился, посмотрел на них невидящим взглядом. «Радуются, сволочи... А я не буду, сказал—не буду, значит, не буду...» И с тяжелым чувством забрался в кабину бульдозера.

— Ну, врубай! Давай!—покрикивали строители.—Чего сидишь? Давай, трудяга-добрячок!

Тяжелое, мутное чувство ярости вдруг захлестнуло Сергея: «Я вам покажу «добрячка»! Я вам засыплю сейчас траншею!.. Вы у меня!..»

Топорков врубил передачу, бульдозер взревел, тяжелая его «челюсть» дрогнула в сторону строителей.

— Ты что, сдурел?! Эй, спятил, что ли?!

«Я вам покажу сейчас! Вы у меня!..»

И когда из прорабской выскочил Лексеич и с криком-матом бросился наперерез бульдозеру, Топорков со смешанным чувством удовлетворения и злости подумал: «А-а, и ты сюда... ну, давай, давай! Вы у меня вместе сейчас попляшете! Вместе...»

И в ту секунду, когда перед кабиной бульдозера мелькнуло перекошенное от страха лицо Лексеича, в голове Топоркова молнией пронеслось: «Да что же это? Куда я? Сдурел, что ли?!» И он судорожным рывком врубил тормозной рычаг...

От редакции.

Автор рассказал об острой жизненной ситуации. А как бы поступили вы, читатель, оказавшись участником подобного события?

“ЯК-42”:

Первый в его жизни рейс был не более полукилометра.

Огромные, многосекционные ворота сборочного цеха отъехали в сторону, и мощный «КрАЗ», не торопясь, покотил его с территории завода в конец взлетной полосы аэродрома. Не доехав до нее каких-нибудь метров двести, тягач остановился на просторной бетонированной площадке. Тут отцепили «водило», соединявшее автомобиль и самолет. «КрАЗ» ушел по своим делам, самолет остался.

Он возвышался белоснежной громадой над стайкой «воздушных такси» ЯК-18, изящный вид которых еще больше подчеркивал внушительность и мощь их новорожденного брата. По его фюзеляжу были пущены две голубые линии и во всю длину крупно: «АЭРОФЛОТ». Чуть ближе к носу, помельче: «ЯК-42». А на крыльях—огромные буквы и цифры: «СССР-1976». Почти как в паспорте: имя, год рождения, гражданство и даже место будущей работы.

Около него копошились десятки людей. Они подкатали трехъярусные лестницы-стремянки, подвели под фюзеляж и крылья мощные домкраты, подняли самолет над землей, откинули кожухи на двигателях, открыли люки, задвигали, будто хотели—так казалось со стороны—узнать, не случилось ли чего с самолетом во время его короткого путешествия. На самом же деле шла подготовка первого серийного ЯК-42 к первому его полету.

Мне трудно было избавиться от странного ощущения: самолет казался ненастоящим. Полгода назад в КБ, которым руководит генеральный конструктор А. С. Яковлев, я видел точно такую же машину, сработанную из фанеры и дерева. И вот теперь тот макет никак не шел из головы. Я даже похлопал самолет по стьлому от мороза боку, на что он сразу отозвался металлическим гулом: все в порядке, мол.

А люди хлопотали вокруг новорожденного. Они заставляли его выпускать и убирать закрылки, шасси, мигать сигнальными огнями. Специальными приборами они прослушивали работу всех его агрегатов и походили чем-то на дотошных врачей, которые стараются высказать у пациента несуществующую хворь. Это впечатление крепко, стоило лишь повнимательнее присмотреться к белотелому красавцу. На крыльях, корпусе, шасси были установлены десятки миниатюрных датчиков, от которых к приборам внутри пассажирского салона тянулись тончайшие проводки. И датчики и проводки крепились очень аккуратно—дабы не нарушить аэродинамику,—но все равно их выдавали едва заметные на металле латочки, чем-то схожие с квадратиками лейкопластыря, которым крепятся датчики на тела космонавтов перед космическим полетом. Пришел знакомый «КрАЗ», зацепил самолет, повел его к старту.

Нет, в тот день ЯК-42 не летал. Взревев двигателями, он просто резво побегал по бетонке, все больше набирая скорость. Он проделал этот маршрут несколько раз и, казалось, остался доволен собой. Остались довольны им и те, кто наблюдал за его пробежками, стоя под промозглым ветром на обочине взлетного поля: рабочие, инженеры, техники завода, представители КБ, приехавшие из Москвы,—всего человек двести. Правда, они не выражали бурных восторгов, не было ни радостных возгласов, ни оваций. Просто, когда смолкли двигатели и экипаж во главе с Героем Советского Союза Валентином Григорьевичем Мухоминым спустился на землю, кто-то дал в руки трем летчикам букетики цветов. И они—все в коричневой коже и «молниях»—пошли, не торопясь, по направлению к стоянке, и рядом шли те, кто только наблюдал за их работой, а следом тихо катился послушный самолет.

Следующий день начался таким же холодным и пасмурным утром, как нака-

а будем только смотреть в иллюминаторы на изящную белую сигару, несущуюся над заснеженными полями и лесами Смоленщины, на первый серийный самолет из третьего поколения пассажирской реактивной авиации.

Об этой машине говорили на XXV съезде КПСС. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» есть такие строчки: «...начать эксплуатацию новых пассажирских самолетов ИЛ-86 (азробус), ЯК-42...» Серийное производство ЯКов предстояло начать уже в первый год десятой пятилетки. И сроки были выдержаны.

Всякое новое дело располагает к ретроспективному взгляду. А ЯК-42 заставляет оглянуться назад вот еще почему: в 1976 году отмечалось двадцатилетие начала эксплуатации реактивных самолетов нашим Аэрофлотом, а в те самые дни, когда испытывался первый серийный ЯК-42, завершили свою трудовую жизнь ТУ-114, турбовинтовые гиганты из первого поколения гражданской

ные тонны сбереженного горючего, металл или часы экономленного рабочего времени. Думаю, «повышенная безопасность и комфорт» тоже могут иметь какие-то вполне ощутимые параметры...

— Разумеется. ЯК-42—самолет местных линий и ближних магистральных трасс. Сейчас в этом классе Аэрофлотом эксплуатируются АН-24, ЯК-40 и ТУ-134, машины второго поколения. Давайте сравним их...

На ЯК-42 установлены три турбовентиляторных двигателя. На взлете новые движки на каждый килограмм тяги расходуют топлива почти на 35 процентов меньше, чем прежние. В крейсерском режиме полета экономия горючего—20 процентов. Ясно, что это снижает прямые эксплуатационные расходы. Мы как-то прикидывали, и получилось, что, если заменить ЯКом-42 машины его класса, которые находятся сейчас в эксплуатации, страна сэкономит в год сотни тысяч тонн керосина. Это очень существенный фактор. А кроме того, в условиях энергетического кризиса, охватившего западные страны, малый рас-

при посадке напрямую идет к земле. Если движки расползуться на хвосте фюзеляжа, то крыло и его закрылки будут экранировать звук, направлять его не к земле, а вверх, в атмосферу, и самолет, таким образом, произведет меньше шума.

Далее, взлетать и садиться тоже можно по-разному. Можно не торопясь набирать скорость и высоту, отчего зона повышенного шума получится большой. А можно на взлетном режиме круто уйти вверх, а потом, набрав таким образом необходимую высоту, при пониженных оборотах постепенно подниматься дальше, и это уменьшит зону шумности. Специальные испытания позволяют нам определять размер шумных зон, образующихся при различных режимах взлета и посадки. При этом учитывается и местный ландшафт, и близость населенных пунктов, и многое-многое другое. Для эксплуатации рекомендуется оптимальный режим.

ЯК-42—тяжелая машина: пятьдесят с лишним тонн. А экипаж всего два человека—командир и второй пилот. Ни

Леонид ПЛЕШАКОВ
Фото автора

ОТ ИДЕИ ДО СЕРИИ

нуне. И на бетонной площадке, как и вчера, десятки людей копошились вокруг самолета. И на взлетную полосу его вывел тот же тягач. Только теперь, начав разбег, ЯК-42 все набирал и набирал скорость, потом приподнял нос, оторвался от бетонки и плавно ушел в небо. Он летел, не убирая шасси, будто не особенно еще доверял своим крыльям, готовый в любой момент вернуться на землю.

Он летал всего двадцать три минуты, а когда сел, Мухин сказал, что впервые за всю его испытательскую карьеру у него нет никаких замечаний, что готов хоть сейчас лететь в Москву.

И еще был день, с самого утра солнечный и морозный, когда под присмотром Юрия Ивановича Митикова журналисты примеряли парашюты. Митиков—летчик-испытатель ОКБ А. С. Яковлева, а сегодня он будет на ЯК-40 сопровождать в полете ЯК-42. Так что корреспонденты могут увидеть новичка в деле не с земли, а рядом, в небе. Митиков просит не суетиться, не мешать друг другу и беспрекословно выполнять приказы бортинженера Геннадия Браницкого. Через него можно передавать просьбы экипажу: допустим, взять чуть выше или ниже испытываемого самолета или подойти поближе к нему.

Мы взлетаем первыми, а сделав круг, снова идем над полосой, по которой в этот момент стартует ЯК-42. Он очень легко набирает высоту, и мы гонимся изо всех сил, чтобы занять место рядом. Потом в течение полутора часов мы будем летать, будто связанные невидимой нитью: набирать и терять высоту, прибавлять и гасить скорость, разворачиваться, ложиться на обратный курс. На четырех с половиной тысячах метров холод в салоне будет таким, что начнет крошиться фотопленка: для удобства фото- и киносъемок на нашей машине снимут дверь и аварийный люк. От недостатка кислорода каждое движение отзовется стуком в висках и учащенным пульсом, и мы перестанем снимать,

реактивной авиации. Случайны ли эти совпадения? И если нет, что лежит в основе очевидной закономерности: примерно раз в десятилетие в гражданскую авиацию приходит новое поколение машин? Каким образом подобная цикличность в развитии наиболее современной и динамичной отрасли, каковой является авиационная промышленность, увязывается с развитием и достижениями народного хозяйства страны и мировым научно-техническим прогрессом вообще? Если ЯК-42—это всего лишь капля в море человеческой деятельности, то можно ли, взглянув шире, по информации, заключенной в капле, судить о всем море?

Со всеми этими вопросами я вновь отправился в КБ, к Сергею Александровичу Яковлеву, заместителю и сыну генерального конструктора.

И вот что ответил мне тридцатисемилетний инженер:

— Совершим небольшой экскурс в недалекое прошлое.

Первые реактивные машины, ТУ-104, пришедшие двадцать лет назад в Аэрофлот, были созданы на базе самолетов, которые первоначально предназначались для иных целей. Авиаконструкторы, по сути дела, только незначительно перекомпоновали их, чтобы приспособить для перевозки пассажиров.

Второе поколение—ИЛ-62, ТУ-134, ЯК-40—с самого начала проектировалось как пассажирские машины и были шагом вперед в развитии авиационной техники. Хотя, естественно, отражали ее уровень тех лет.

Сейчас настало время третьего поколения. ЯК-42, ИЛ-86—его первенцы. Что отличает их от предшественников? Коротко: повышенная экономичность, повышенная безопасность, еще более высокий уровень комфорта...

— А если эту общую характеристику развернуть в более подробные цифры и факты? Ведь за отвлеченным понятием «экономичность» всегда стоят конкрет-

ход топлива является важнейшим показателем в конкурентной борьбе самолетостроительных фирм, и нам с этим приходится считаться. Более экономное использование металла—тоже один из признаков машин третьего поколения. На ЯК-42 это достигается благодаря более рациональной компоновке, современной технологии, а также использованию современных прогрессивных материалов.

Сейчас во всем мире все острее встает проблема защиты окружающей среды. Причем имеется в виду не только защита от загрязнения, но и от шума. Самолеты третьего поколения отличаются пониженным уровнем шума. ЯК-42 будет полностью соответствовать действующим ныне шумовым стандартам ИКАО (международной организации гражданской авиации) и даже тем нормам, которые будут введены в конце 70-х годов, а они, как ожидается, существенно ужесточатся.

— Как же быть тем самолетам, чей шум превысит установленный стандарт?

— Таким либо откажут от аэродрома, либо за каждую посадку и взлет будут налагать штраф. И он окажется тем выше, чем больше шума будут производить двигатели машины. Так что даже «голос» самолета становится категорией экономической стойкости.

Понятно, что за снижение шума двигателей борются конструкторы-мотористы и немалого добиваются в этом деле. Многие можем сделать и мы, самолетчики. Огромную работу проводят институты отрасли. Компоновка двигателей в гоночках, расчет их входных и выходных отверстий, всевозможные шумопоглощающие устройства—это уже по нашей части.

Или взять хотя бы расположение моторов. По правилам ИКАО шум меряется в определенных точках около взлетно-посадочной полосы. Если двигатели установлены под крылом, то шум от них

бортинженера, ни штурмана. Достигнуто это за счет высокой автоматизации управления и рациональной компоновки кабины экипажа, что позволяет двоим выполнять работу четверых. Но выполнить работу—еще полдела. Нужно, чтобы утомляемость пилотов при этом была приемлемой. Чтобы даже к концу полета, к самой ответственной его части—посадке, летчики сохраняли свежесть мысли, точность восприятия, быстроту реакции. Ведь от этого зависит безопасность и пассажиров и экипажа.

Еще в самом начале проектирования ЯК-42 мы изготовили макет кабины будущего самолета, оборудовав ее всеми полагающимися панелями, контрольными и сигнальными приборами. При решении инженерных задач мы старались учесть и психологические и эргономические особенности человека.

Современный самолет—это летящий комплекс различных систем: гидравлической, топливной, энергетической, противопожарной, кондиционированного воздуха и так далее. От каждой в кабину экипажа есть свой вывод, каждая постоянно подает свои сигналы. От всех этих лампочек, панелей, табло рябит в глазах. Если попытаться следить за всеми сразу—человека хватит ненадолго. Устанет. Тогда мы скомпоновали приборы таким образом, что сигналы от каждой системы приходят к одной панели, отведенной только данной системе. Например, на одной собрано все, что рассказывает о работе топливной системы. На другой—о работе двигателей...

Но это еще не все. На приборной доске в самом видном месте расположили ПЦО—панель центральных огней. На ней десять табло с названием основных систем самолета. Стоит только случиться чему-то, о чем летчику необходимо знать, как на ПЦО пульсирующие загорится табло с названием соответствующих агрегатов. Расположение ПЦО и яркость света рассчитаны таким образом, что пилот у штурвала боковым

зрением сразу же увидит мигающий транспарант, поймет, в какой системе нарушена работа, и обратится к соответствующей панели для принятия мер. Более того, на табло загораются разные по цвету огни. Желтый, предупреждающий, как бы говорит пилоту: «Обрати внимание». Красный, аварийный, требует: «Немедленно принимай меры! Времени нет!»

Такая компоновка кабины позволила обойтись без бортинженера.

Автоматика взяла на себя и обязанности штурмана. Специальная навигационная система сама вычисляет координаты самолета, и на экране, по которому ползет карта, стрелка точно указывает летчику место, где в данное время пронесится машина.

— Сергей Александрович, мне все время не дает покоя вот какое обстоятельство: крейсерская скорость ЯК-42 равна примерно 820 километрам в час. Тогда как у первенца отечественной гражданской реактивной авиации, ТУ-104, она достигала 850—900 километров. Почему через двадцать лет мы стали летать медленнее?

— Подсчитано, что при снижении скорости на 50—100 километров для реак-

**В МУЗЕЕ КБ—
ЯК и ВСЕХ ВРЕМЕН.**

тивных самолетов ближних магистралей—это дальность в 1850—2000 километров—продолжительность рейса увеличится всего минут на пять. Учитывается ведь не просто крейсерская скорость, а реальное движение: набор высоты, снижение, смена эшелонов, провозка по воздушным коридорам. Получается: потеря времени незначительная, но экономится керосин. Да и что такое пять минут? Иной раз, ожидая автобус в аэропорту или получая багаж, изведешь времени гораздо больше.

Вот на трансконтинентальных маршрутах, где перелет длится многие часы, иное дело: большая скорость может сэкономить значительное время. А на ближних магистральных—игра не стоит свеч.

Тем более, что мы постараемся вернуть пассажирам их потерянные минуты. На ЯК-42 две двери: посадка и высадка пассажиров в два потока пойдет значительно быстрее. Трапы, как у ЯК-40, являются частью конструкции самолета, значит, пассажирам не нужно ждать, пока аэродромные службы подкатят к прибывшему самолету лестницу, можно выходить, едва остановятся двигатели. Для перевозки багажа на нашей машине используются изготовленные по международным стандартам контейнеры. Это ускорит погрузку и выгрузку.

— Почему ЯК-42 хотят ставить и на местные линии? Будет ли он выгоден на перелетах до тысячи километров?

— В этом есть свой резон. Если мы летим не на две, а на одну тысячу

**ПЕРВЫЕ КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ МАШИНЫ
РОЖДАЮТСЯ ЗА СТОЛОМ.**

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА ПЕРЕД СТАРТОМ

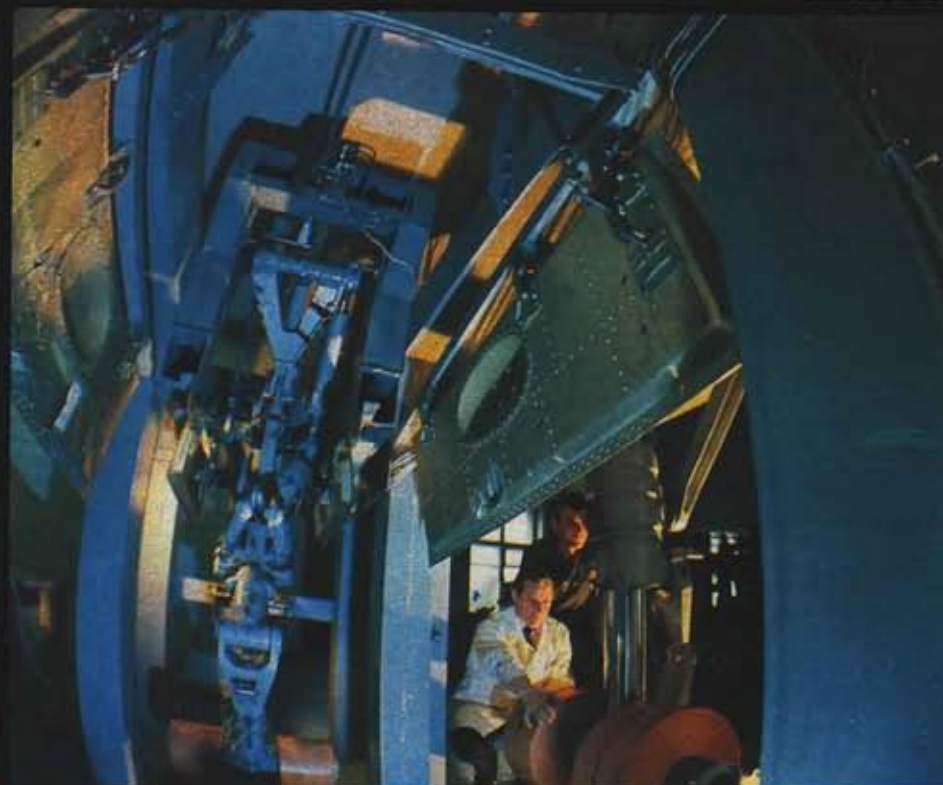
километров, можно уменьшить заправку топливом. Легкая же машина может взлетать и садиться на аэродромах местных линий. А они от магистральных отличаются обычно только длиной полосы. К тому же шасси и колеса ЯКа приспособлены к посадке и на грунт. Учили мы еще одну особенность «короткого плеча». На местных линиях потоки пассажиров меньше, а оборудование аэродромов попроще. Поэтому мы разработали вариант самолета на 100 пассажиров, в котором вместо снятых 20 кресел прямо в салоне установили полки-багажники. Поднявшись в самолет, пассажир ставит на полку свой чемодан, вешает в гардероб пальто, проходит на место. В порту назначения он одевается, берет чемодан — и свободен. Принцип «багаж при себе» очень удобен: никаких формальностей при сдаче и получении, никакой траты времени. Не самолет — воздушный автобус.

Долго еще беседовали мы с Сергеем Александровичем о новой машине. Иногда разговор уходил в сторону, порой — в далекую уже историю. Знаменитое ныне КБ генерального конструктора А. С. Яковлева начало свою жизнь в помещении кроватной мастерской. За сорок с лишним лет тут разработано более ста типов машин: знаменитые истребители, учебные и спортивные са-

мость нового самолета такого класса ибо прежние конструкции не справлялись с возрастающим объемом перевозок. Прикидывались различные варианты, постепенно зона поиска сужалась. Решение витало в воздухе, не обретая еще окончательных очертаний.

Но вот нам предложили новый двигатель. Мощный, экономичный. Мы прикинули свои предварительные проекты — видим, получается что-то интересное.

В авиации все взаимосвязано. От тяги двигателей шли к весу всей машины. От него к компоновке агрегатов, салона. Одно цеплялось за другое. Так методом последовательного приближения пришли к окончательному проекту. В 1972 году он выкристаллизовался окончательно и обрел нынешний вид. Проект рассмотрели и утвердили соответствующие инстанции. Ну, а когда все решено, начинается обычный процесс: рабочее проектирование, изготавливается деревянный макет в масштабе один к одному, на котором проверяется вся компоновка. После решения макетной комиссии строится опытный образец «живого» самолета. Весной 1974 года летчик-испытатель Арсений Леонидович Колосов поднял в воздух опытный ЯК-42. Потом вместе с Мухиным они испытывали вторую опытную машину. А через два года в небо ушла первая

молеты, вертолеты, планеры, пассажирские лайнеры — всего и не перечечь. Не все созданное шло в серию, но каждая новая конструкция была шагом вперед в завоевании неба. И в новом ЯКе сконцентрирован опыт и традиции, которые накапливались десятилетиями. Это ясно. Но бесспорно и другое: должен быть момент, когда впервые родилась мысль о новой машине. Как это происходит? Насколько первоначальный замысел отличается от окончательного проекта?

Спросил о том Сергея Александровича.

— Часто нужда рождает мысль. Над машиной класса ЯК-42 мы задумались еще в 1968 году. Изучение всей имевшейся отечественной и зарубежной информации и тенденций в гражданском авиастроении указывало на необходи-

ЗДЕСЬ ОТДЕЛЬНЫЕ УЗЛЫ ПРОВЕРЯЮТСЯ НА ПРОЧНОСТЬ.

серийная. Все работы над ЯК-42 велись с опережением установленных сроков. Как видите, создание нового самолета — длительный процесс. На линии Аэрофлота ЯК-42 выйдет в 1978 году: нужно накопить достаточное количество самолетов, подготовить экипажи и наземные технические службы.

— И где-то уже будут витать мысли о новой конструкции, о технике четвертого поколения?

— Разумеется.

— Какой она будет?

— Сейчас трудно сказать что-либо конкретное. Одно ясно: это будет самолет еще более экономичный, комфортабельный, надежный.

ЛАБОРАТОРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ.

ПРОШУ СЛОВА!

ЕГО УСТРАИВАЕТ ТАКАЯ ЖИЗНЬ

Я жила в городе, очень любила свою работу, вечерами училась в институте, успешно занималась спортом, ездила по городам, имела множество друзей. Дома меня было не застать.

Вышла замуж. Оба мы инженеры. Муж настоял — уехали в маленький поселок к его родителям. Получили отличную квартиру. Все нас считают счастливой семьей. А я все чего-то ищу. Я оказалась как-то резко отрезанной от старой, привычной и бурной жизни. Работа новая мне не нравится (может, сказываются 10 лет, проведенные на прежней работе). А дома уборка, обед... Дела незначительные, но ежедневные. С друзьями тоже непросто — не вдруг на новом месте сойдешься с кем-то. Наконец, родился долгожданный ребенок. Счастье. Решение всех проблем. Отдали его в ясельки с 8 месяцев: меня попросили выйти на работу. Но девочка наша много болеет. И нам приходится неделями сидеть дома, не выглядывая на улицу. Большой ребенок капризный, а дела надо делать. К вечеру так устаю — голова гудит. А муж приходит в 6 вечера, ужинает и на тренировку — играет в хоккей, волейбол. В выходные у него игры. А еще — дружина, общественные дела. Вообще вижу его один-два вечера в неделю. И то все молча. Почитает, посмотрит телевизор. И хоть бы когда-нибудь поделился чем-то. Показал бы хоть интересную статью (я не успеваю проглядывать все), рассказал бы о работе, о тренировке. Сколько ни прошу — один ответ: «А о чем говорить?» Нет, я не против спорта, человек должен иметь какой-то интерес, кроме работы. А я? Спортом я заниматься не могу — муж бубнит: «У тебя ребенок».

Я сейчас главное — мать. Но у меня очень большая потребность в теплом слове, в участии ко мне. Я как будто замурованная в квартире. А муж, который утверждает, что любит меня, не может протянуть руку даже в самые отчаянные минуты. Он считает, что я вбила себе дурь в голову, и твердит, что все живут так. А я не хочу так. Хочу, чтобы солнце светило, чтобы можно было улыбаться, чтобы жить. (А не только спать и есть.) Чтобы была цель в жизни. Чтобы муж был другом. Он не понимает, что если у меня плохое настроение, то он может его легко поднять улыбкой и добрыми словами. Он не понимает, как я жду его «поздравляю» в день рождения и 8 Марта. Уж о подарке я и не мечтаю. Он отвечает: «Я не так воспитан». А ведь раньше он был внимательным и ласковым. Вот так и живем с Наташенькой. Целыми неделями вдвоем. Вы скажете, муж просто неразговорчивый. Но, когда приходят люди в дом, он не умолкает. И самое главное — он счастлив, его устраивает такая жизнь. Любит семью, Наташу. Много сделал полезного в квартире. Умный. А вот я страдаю. Я одинока. Я всегда одна.

Людмила П.,
Калининская обл.

НАЙДУ ЛИ Я СВОЕ СЧАСТЬЕ?

Я так запуталась в своей жизни, что не знаю, сможет ли мне кто-нибудь помочь. Я не хочу больше жить со своим мужем, а ведь у нас двое детей — мальчик 6 лет и девочка 1,5 года.

Живем мы с мужем уже 8 лет. Сейчас мне 27 лет, ему 28.

После рождения сына мне пришлось сменить место работы. Так я оказалась в торговле. Мне очень понравилась моя новая работа, и я решила поступить в техникум советской торговли на заочное отделение. Муж был категорически против моего учения, боялся, что я его уникать буду (у него образование 6 классов). Я настояла и, окончив техникум, отправила мужа учиться в вечернюю школу. Я надеялась, что, общаясь с молодежью, изучая литературу, он изменит свои взгляды на жизнь, на семью, на счастье. Он пошел, но сразу почти бросил учиться. А я так радовалась за него, он на глазах загорался, оживал. Теперь я его не посылаю в школу, знаю — бесполезно. На заводе он ударник коммунистического труда (?!), зарабатывает хорошие деньги, хотя и пьет, но за 8 лет пальцем меня не тронул, не обзовал никак. Правда, на этом его достоинства и кончаются. Для счастья этого мало. Он не любит, не хочет и не умеет поговорить ни о книге, ни о кино. За все годы сын не услышал от него ни одного стиха, ни одного рассказа. Единственная игра с детьми — это щекотать их.

О детях хочется поговорить особо. Лишать детей

Молодая семья... Как серьезно и заинтересованно задумываются наши читатели о ее проблемах! Опубликованные на эту тему материалы («Смена» № 3, 1977 г.) вызвали широкий резонанс. Со всех концов страны пишут нам люди разного возраста, разного жизненного опыта, разных профессий, разных взглядов и этических установок. И тем не менее все эти письма объединяет одно, главное — глубокое, выстраданное раздумье и забота о судьбе молодой семьи, о ее моральном здоровье, о ее долголетию и счастье.

В одних письмах люди рассказывают различные житейские истории, нередко печальные, в других — делают всевозможные практические предложения, в третьих — дают «рецепты» семейного счастья. В этой подборке — наиболее характерные письма читателей, откликнувшихся на нашу публикацию. Таким образом, «Смена» продолжает сложный, неоднозначный разговор о формировании семьи. На многие письма, публикуемые здесь, ответ могут дать только сами читатели. Так что и редакция и авторы откликов надеются на коллективное обсуждение поднятых вопросов. Ждем ваших писем, товарищи.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

отца — это преступно. Но мне кажется, у нас в семье происходит обратное: не убраться детей от такого отца — катастрофа для них в будущем! Муж забирает сына из садика и, не посетив пивную, домой не пойдёт. Разве это не скажется на воспитании мальчика? Дома дети слышат от отца только злые окрики. Они его боятся и не любят. А я чувствую с болью, как иногда сыну не хватает ласки и заботы отца. Когда дочке было 2 месяца, я тяжело заболела. Превозможная боль и качаясь, я подходила ночью к дочке перепеленать ее, муж от плача ребенка просыпался тоже и видел, как мне тяжело, но ни разу не встал сам. Мне было очень обидно... До сих пор я не чувствую рядом ни опоры, ни друга, ни защитника.

А недавно у нас в квартире, на плите, вспыхнул пластмассовый поднос. Я бросилась к детям, а муж — на улицу.

В свое время в молодости я проводила в армию парня. Но перед армией мы поссорились из-за пустяка, и тут я встретила своего будущего мужа, вышла замуж. Придя из армии, парень нашел меня и все годы приходил ко мне на работу в магазин. На его вопросы, как живу, я все время говорила: «Лучше всех». Так продолжалось несколько лет. И вот на девятом году моей супружеской жизни я сделала шаг к нему навстречу, позволила проводить себя до дому. О чем мы только не переговори!

Мужу я сказала, что если он не изменит образ жизни, не перестанет пить, то я разведусь с ним. Скрывать от него о другом я не хочу. Я ненавижу ложь.

Муж меня как будто любит, но я не хочу слышать больше от сына такие слова: «Мама, когда папа хлеб или лимон режет, мне кажется, что он меня зарежет». Найду ли я свое счастье, не знаю, но и жить с пассивным, трусливым человеком я тоже не хочу. Может, я в чем-то не права? Посоветуйте. Письмо это написано от сердца, в нем нет лжи.

Н. А.,
г. Новгород

А ЕСЛИ САМИМ ПОСТРОИТЬ ЖИЛЬЕ?

Через несколько недель у меня будет семья, и, конечно, сейчас мы не думаем о том, что она у нас не удастся. Мы мечтаем создать семью хорошую, дружную, такую, какую когда-то сумели создать мои отец и мать.

С чем же приходится столкнуться сейчас, незадолго до свадьбы? Все мелочные заботы и неурядицы не в счет, но основной вопрос — где жить?

На производстве на очередь возьмут, только когда я стану женат. Кооператив? Нужны большие средства. Построить дом? Невозможно, не дают для этого участка. Искать частную квартиру? Ее не так-то просто найти. Допустим, повезло: квартиру нашли, но тут же условия хозяев: только до рождения ребенка. И, наконец, еще вариант — жить у родителей.

Но у родителей, даже если они очень хорошие, свои взгляды на жизнь, свои симпатии и антипатии к зятю или невестке, и очень вредна для новой семьи родительская опека, без которой не обойтись, живя вместе.

Как быть в таком случае? Я, как человек, собирающийся строить новую семью, хочу предложить редакции решиться на эксперимент. (Я и пишу для этого.)

Я предлагаю строить дом для молодоженов 1977 года!

Женихи и невесты, вступающие и вступившие в брак в 1977 году, должны сами себе и вить гнездо. Ведь среди нас есть и строители и монтажники — люди каких хотите профессий! Часть нашего заработка пойдет на покрытие расходов на материалы, а рабочая сила — мы сами. В выходные дни, после смен, во время отпуска и т. д. каждый должен отработать положенное время. Часть затрат, может быть, покроет государство в виде ссуды или как угодно.

Выгода от такого дела будет огромная. Прежде всего мы сами будем себе «вить гнездо», и тем оно дороже будет для нас. Строить дом и жить в нем будут такие же, как мы. Это нас сблизит и сдружит, в будущем можно рассчитывать на взаимовыручку.

Ну, а главное, — построив квартиру для себя, хоть как-то почувствуешь, что ты мужчина, а не хлюпик на шее у родителей. Ведь чаще всего и разводятся потому, что, с детства начитавшись сказок и романов девушка мечтает о рыцаре, о муже, на плечи которого можно опереться. Очень бы хотел, чтобы такой экспериментальный дом первым был построен в г. Жданове. Наверное, все это должно идти по линии горисполкома с Дворцом бракосочетания во главе. Пора подумать уже не только о пышных процедурах бракосочетаний, но и о... «после свадьбы». (Я имею в виду вопросы, поднятые в письме.) Уверен, мое предложение поддержат тысячи молодоженов!

Николай, г. Жданов

ВО ИМЯ СЕМЬИ

У меня есть дочь Элочка, ей пошел шестой месяц. Муж — пилот. За прожитые два года поняла многое в семейной жизни. Если чувствовала, что дело идет к ссоре, старалась все превратить в шутку. Когда у мужа были неприятности на работе и я видела, что он ищет уединения, старалась не надоедать ему. Помоему, мир и согласие в семейной жизни зависят от женщины. И в жизни женщина должна быть в известном смысле артисткой, то обидчивой, то серьезной, то беззаботной. И эту свою роль она должна сыграть до конца жизни во имя своей семьи, во имя любви.

Прежде чем подняться на ступеньку загса, хочу посоветовать всем молодоженам ознакомиться со словами Стендала:

«Любовь — это соревнование между мужчиной и женщиной за то, чтобы доставить другому как можно больше счастья».

Мы с мужем всегда помним эти слова, и, по-моему, семья наша счастливая.

Наталья ЕРЕМЕЕВА,
музыкальный руководитель и воспитатель
детского сада, Чукотка

ОТКУДА ТАКОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ?

Виктор Переведенцев в статье «После свадьбы» пишет: «Вряд ли кто-то вступает в брак, желая в том же году развестись...» Именно эта фраза побудила меня взяться за перо, так как мне довелось не так давно быть именно на подобной свадьбе. Невеста — современная девушка, со среднетехническим образованием, с яркой внешностью, в возрасте 23 лет решила выйти замуж за 27-летнего парня, скромного, симпатичного, застенчивого и деликатного. Оба они жили и работали в разных городах и в большое

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ».
ФОТОКОНКУРС «СМЕНЫ»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

Всеволод ССОРИН (Ярославль)
«ВЕЧНА».

русское село, где затем состоялась их свадьба, приезжали на выходные и в отпуск. Невесту звали Аней, жениха Петром. Петя окончил техникум, затем три года служил в Военно-Морском Флоте. Свадьбу праздновали в селе, так как здесь живут родители невесты и жениха. Надо сказать, что праздновали шумно и весело. От многих старинных обрядов отказались, но некоторые были соблюдены, к радости стариков да, пожалуй, и всех участников праздника, проходящего на виду у односельчан. Не знаю, древний ли это обычай — дарить молодым деньги, мебель, посуду и т. д. Очень спорным, на мой взгляд, является и то, какой это обычай: хороший или вредный. Кажется, что порой родные и близкие, делая подарки молодым, устраивают какое-то подобие аукциона: кто больше?! На свадьбе Ани и Пети было именно так. Заметен рост благосостояния нашего народа, но с его ростом дорожают и свадьбы. Например, родители Ани — пенсионеры — более 1000 рублей потратили на вина, закуски и т. п., не считая подарка — холодильника. Сумма, согласитесь, солидная! Родители жениха тоже не поскупились: подарили мебель для однокомнатной квартиры, которую дали их сыну в новом городе.

После свадьбы начались главные события. Выяснилось, что невеста и не помышляла о создании семьи, а интересовала ее главным образом концовка спектакля — подаренные деньги. А подарили им 1200 рублей, не считая мебели, посуды, одеял и других вещей. Аня прекрасно знала, что ее родные и близкие «не осрамятся» да и родные жениха не ударят в грязь лицом. Деньги она положила в сберкассу на свое имя сразу же после свадьбы. Через неделю Аня вдруг уехала на прежнее место жительства, сказав на прощание, что с разводом она не будет тянуть и пусть еще Петя благодарит ее, что она не отобрала у него и квартиру, так как теперь она имеет право и на его жилплощадь. Сейчас Аня и Петя разведены и живут в разных городах. Родные кое-как оправались от удара. В селе такая свадьба — первый случай, но не исключено, что не последняя, ведь суммы подарков растут с ростом нашего благосостояния. Многим, и мне, в частности, непонятно: откуда в этой девушке такое небрежение к морали родителей? Откуда такое лицемерие? Никто из участников свадьбы, кроме одной подружки невесты, не знал о ее истинных намерениях. Здесь она проявила незаурядный талант актрисы. И надо отметить, что роль свою она сыграла

блестяще. Только после свадьбы, приехав в город, где живет Петя, Аня объявила, что никогда его не любила, больше того, в городе, где она живет, у нее есть любимый человек. С ним она уже полгода живет в гражданском браке. (В момент этого объяснения 1200 рублей уже лежали в сберкассе на счету Ани.) До сих пор родные и близкие Ани гадают: что же это — легкомыслие или результат корыстного расчета? После окончания строительного техникума Аня работала больше года в проектно-институте, и нельзя сказать, что она остро нуждалась в этой тысяче рублей. Родители постоянно помогали ей деньгами, как и в годы учебы. На вопрос: «Почему ты не вышла замуж за того, кого любишь и с кем живешь в гражданском браке?» — Аня ответила: «Мои чувства к нему достойны большего, чем такая пустая формальность — женитьба!» Эта фраза, по ее словам, принадлежит ее другу. Вот такая история случилась после одной свадьбы, на которой я гулял в прошлом году.

Ю. СЕРГИН,
г. Печора

ЭТО — ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Во всех «семейных» статьях в основном решается проблема двоих: разлюбили, полюбили, в итоге надо разводиться, но зачастую почти ничего не говорится о третьих «лишних», ведь настоящая трагедия — это трагедия брошенных детей. Я хочу написать о трагедии моего внука, мальчика 10 лет. Зять ушел из семьи, прожив с женой 12 лет. После ухода отца мальчик очень переживал. Стал скучным, раздражительным, часто плакал, перестал играть со сверстниками. Уход отца расценил как предательство по отношению к нему. Скучал страшно, но всегда делал вид, что ему все безразлично, говорил мне: «А я и не хочу, чтобы он ко мне ходил», — а сам ждал с нетерпением встречи, бегал к зданию, где работал его отец; потихоньку, чтобы я не видела, набирал номер его телефона, слушает и молча положит трубку. А когда бывший отец снизошел до встречи с ним (часто после моих просьб), сколько было радости! Внук суетился, старался что-то рассказать, смеялся, а то прижмется к отцу, обнимет и замрет, счастлив был безмерно. Потом отец опять исчезал — иногда на месяц, на два, и снова повторялась та же картина.

Как-то, читая про волшебников, внук сказал мне: если бы были волшебники, я бы попросил их, чтобы папа пришел ко мне жить. Мальчик до сих пор живет надеждой на его возвращение.

Однажды, когда он болел, я попросила отца навещать его. Он пришел: «Ну что там у вас еще случилось?..» А мальчик принял его визит как заботу, любовь к нему, он спросил меня: «Он что-то часто стал ходить, ты, баба, не знаешь, почему?» Я ответила так, как ему хотелось: «Он любит тебя и скучает». Как радостно заблестели его глаза! Он тут же спросил: «А маму он тоже хочет видеть? Ты поговори с ним, может быть, он придет к нам насовсем. Только ты не говори, что я просил тебя». Но отец не считает трагедией, что у ребенка появилась какая-то отрешенность от всего, мальчик был круглым отличником, много и охотно занимался математикой, а сейчас не могу его заставить учить уроки, стали появляться тройки и даже двойки. Начались нервные припадки, и теперь мальчик находится под наблюдением в психоневрологическом диспансере. Я не хочу разбираться, кто прав, кто виноват — дочь или зять — и что привело к уходу зятя, я вижу, что пострадал только один — сын, человек, ради счастья которого родители должны были сделать все возможное. А получилось, что отец жертвует ради него только алиментами, да и то он не платил бы их, если бы его не обязало государство. Трудно сказать, что с внуком будет дальше, врачи говорят, что вывести его из этого состояния может только хорошая обстановка в семье, ласка и любовь. Но любви только матери и бабушки ему не хватает. Ему нужен отец.

Бабушка, г. Хабаровск

ДЛЯ МУЖА Я ВСЕГДА «ДРЕМЛЮ»

Кандидат экономических наук Виктор Переведенцев в статье «После свадьбы» пишет: «...в нынешних условиях детей должна готовить к будущей семейной жизни общеобразовательная школа». А школа готовит, давно уже готовит, только мальчиков — к одному, а девочек — к другому, да это, собственно, и без меня всем известно.

Я за десять лет учебы поменяла восемь школ — мои родители не любят сидеть на одном месте. И во всех школах, где мне пришлось учиться, девочек учат варить, солить, печь, шить, штопать, гладить. Мальчиков учат то слесарному делу, то столярному, а у нас в Тольятти, в Автозаводском районе, — на водителей. Так что для девочек, можно сказать, чуть ли не с пеленок определено свое место в жизни. И что самое интересное: девочек приглашают на занятия, например, по автоделу. И желающих немало, и учатся с удовольствием, а вот из мальчиков нет ни одного желающего заняться «женским делом».

Мне 20 лет, и сейчас я уже мама — моей дочке 4 месяца. Мужу Алексею 25 лет. Он, как и очень многие мужчины, считает, что все домашние хлопоты — чисто женское занятие. Хотя он не исключает возможности в чем-то помочь жене, если она очень занята. Работает муж сварщиком на ВАЗе. Только приходит домой, сразу заявляет, что он очень устал. Значит, ему надо только умыться, поесть и отдохнуть — читать, отгадывать кроссворды и смотреть телевизор. А я опять остаюсь с дочкой Галочкой. Хорошо, хоть вечером с ней занимается моя мама, когда приходит с работы.

Порой бывает очень обидно, когда на мои слова, что я устала, муж заявляет: «Что тебе уставать, ведь ты же дома сидишь весь день!» А как бы я хотела тоже пойти на работу, хоть работа у меня, по мнению мужа, очень легкая — машинистка.

Неужели и моя дочь в будущем будет закована в крепкие цепи домашних забот, а ее будущий муж будет твердо уверен, что он один работает, а жена целый день дремлет?!

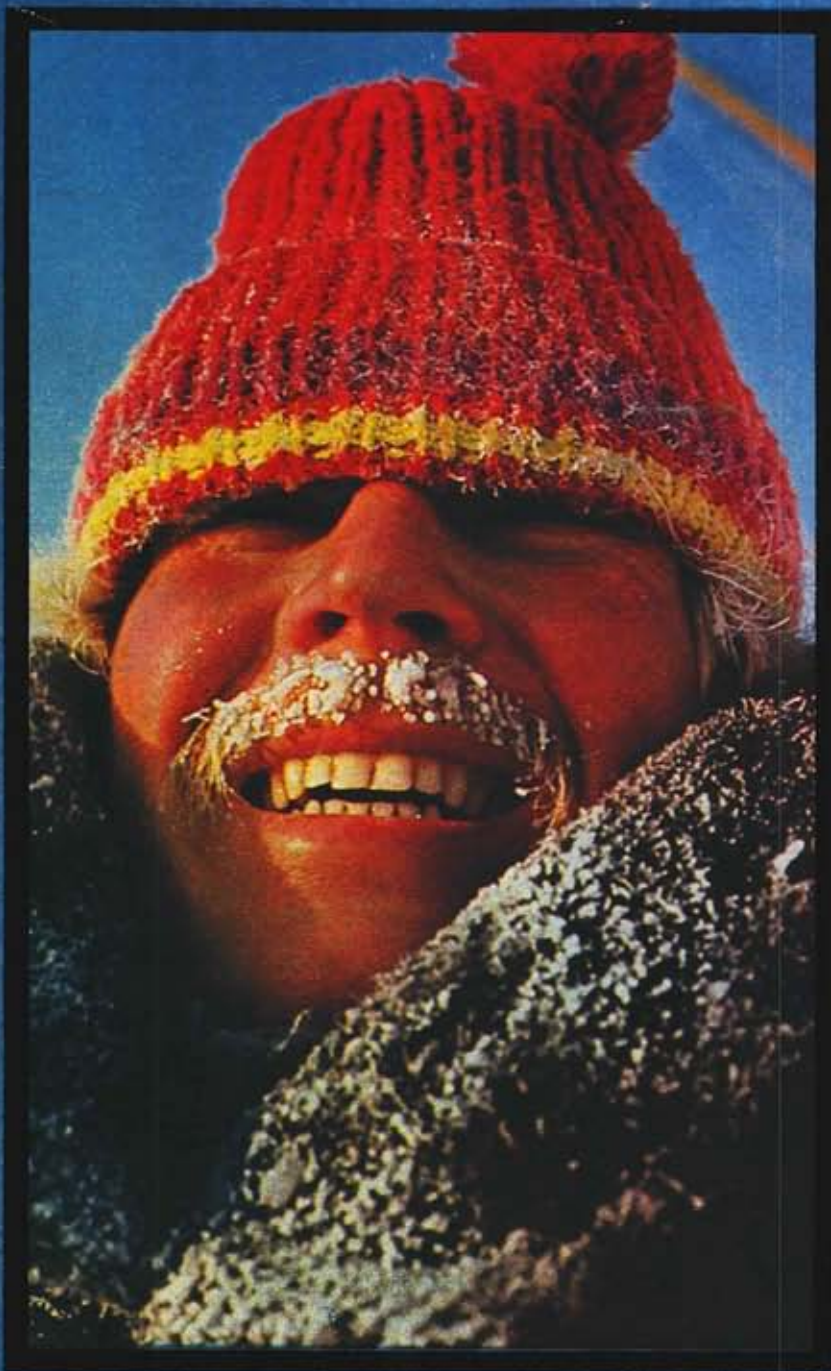
Таня, г. Тольятти

ВИНОВАТЫ САМИ

Я вышла замуж рано, в 17 лет, моему мужу было 18. Я с ним по-настоящему счастлива. У нас родился сын, ему уже 8 месяцев, в данное время мой муж служит в армии и часто пишет нам. Я не жалею, что вышла замуж рано. Живя с матерью и с отчимом, я не видела детства, меня всему всегда учили, даже и побоями.

А живя с Юрой, я почувствовала себя человеком, почувствовала, что кому-то нужна, меня кто-то любит. И я могу сказать твердо, что я счастлива. Юре еще служить год и три месяца, я его по-прежнему жду и по-прежнему люблю. Жили мы, собственно, мало, но даже этого достаточно, чтобы сказать, что я никоим образом не жалею о своем шаге. А те молодые парни и девушки, которые жалуются на судьбу, на то, что кто-то сломал им жизнь, виноваты только сами, и не надо пенять на кого-то другого.

Гаяль В., г. Уфа

ЕВГЕНИЙ СЕГИН—БЫВШИЙ МОРСКОЙ
ДЕСАНТНИК—НЫНЕ ТЕХНИК-ГИДРОЛОГ.

Х

отя в Москве — весенняя капель, нам все еще снятся льды, все еще кажется, что качнет под ногами крутой волной, что ветер бросит в лицо сухим снегом, ожоет морозом.

Далеко Арктика, но вот приходит она в снах, напоминает о себе блокнотными строчками, наскоро сделанными, корявыми от сотрясающих судно ударов льда.

Дорога к Ямалу... Как сейчас вижу ее, вздыбленную торосами, и невольно вспоминаю прошлогодний поход к студеному полуострову. Никогда не забыть мне тех десять миль, последних десяти миль пути. Когда до газового факела на берегу, казалось, можно было дотянуться рукой, перед атомоходом «Ленин» и легли те мили. Ледокол преодолевал их 92 часа! Были сутки, за которые проделались всего-то на 120 метров. За кормой плавали пятиметровой толщины глыбы, а льды, отодвигаемые атомоходом, буквально стонали.

То был невиданный по срокам рейс. Но он пришелся на апрель, а нынче первый караван собирался в Арктику в феврале!

И опять — к «газовому полуострову» Ямал. На этот раз транспортные суда ведут атомная «Арктика» и ледокол «Мурманск».

Белый медведь, нарисованный на носу мощной и внушительной «Гижиги», говорил о том, что дизель-электроход способен ходить во льдах и назначен в первый караван не зря. Три крана, коопнув от натуги шеи, опускали на его палубу гусеничные вездеходы, тракторы, автокраны, бульдозеры, укладывали в трюмы железобетонные плиты для первой на полуострове настоящей дороги, блоки сборных пятиэтажных домов.

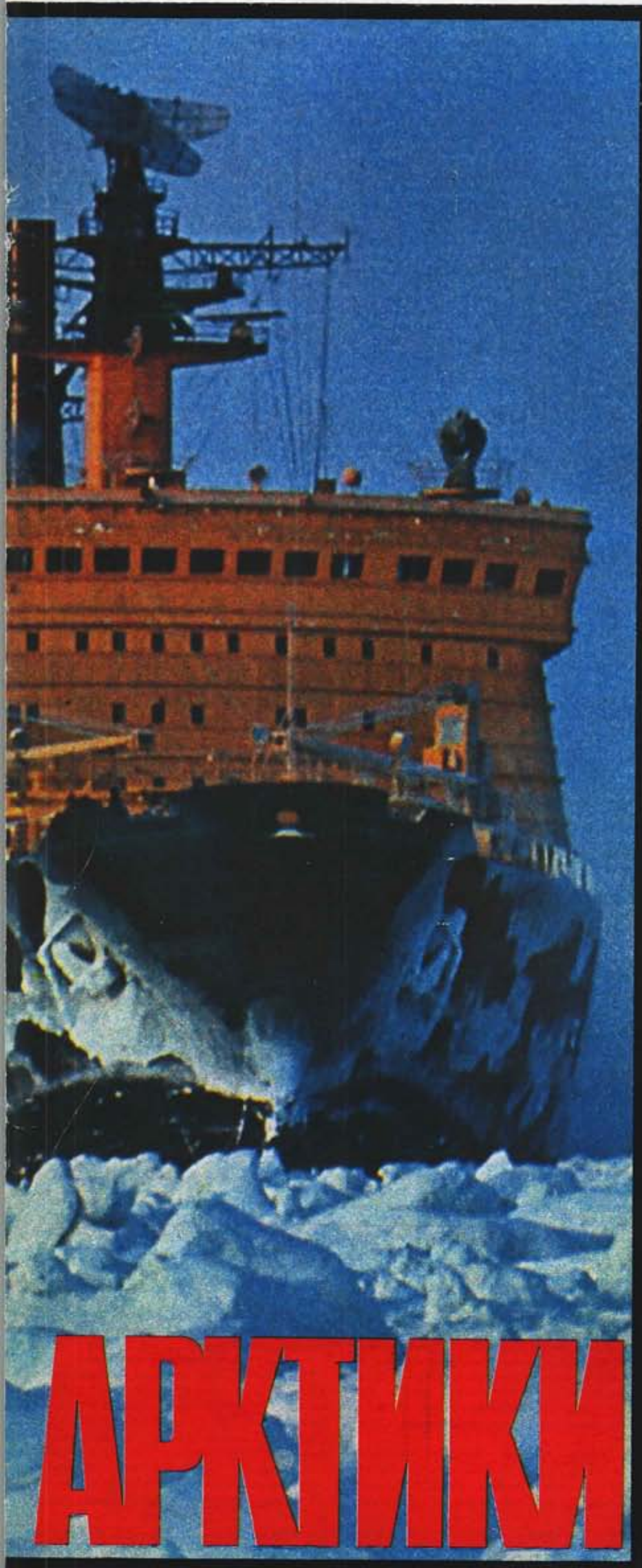
От бочки до бани — все надо везти на далекую, лежащую за двумя ледовыми морями, богатую газом землю, которую только-только начали обживать.

Всего год с небольшим прошел с тех пор, как на Ямале высадились первые одиннадцать человек. На маленькой, почти погребенной под снегом избушке, где все обосновались, они прибили картонку с дерзкой надписью: «Даеть газ!» Вот так, хотя еще не было ни одного жилого вагончика, и обедали по очереди в тесной комнатке за небольшим, наспех обитым столом. А те-

Владимир ЧЕРТКОВ. Фото Альберта ЛЕХМУСА. Специальные корреспонденты «Смены»

«АРКТИКА» ПРОТИВ

АРКТИКИ

ГОТОВЫЕ К РАБОТЕ МАШИНЫ ВСТРЕЧАЮТ КАРАВАН СУДОВ.

перь в трюмах «Гижиги» — сборные пятиэтажные дома.

Кирпич, доски, оборудование, машины, продовольствие грузят на суда. По воздуху перевозить их дорого, да и не все возьмешь на самолет. Транспортировать по открытой воде — тоже не выход: летом у полуострова сильно и постоянно штормит, да еще тут мелководье, и судам не то что к самому берегу, а и на пушечный выстрел к нему не подойти. Вот и выходит: лучший путь — через льды. На них можно и выгрузиться без забот.

Итак, новый арктический эксперимент, цель которого — продлить на несколько месяцев сроки навигации по Северному морскому пути, сделать их чуть ли не круглогодичными, начался в последний день февраля.

Баренцево море встретило леденящим душу холодом. Ветер срывает с крутых валов седые космы и тут же рассеивает их в пыль, отчего все вокруг подернуто стильной белесой пленкой. Мороз выводит узоры на иллюминаторах, потом закладывает их, слой за слоем, обыкновенной наледью, и уж сколько ни три стекло и ни дуй на него, не увидишь тонкого рисунка, не увидишь хрупкую фреску природы.

БУРИЛЬЩИКИ ХАРАСАВЭЙСКОГО ГАЗОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ.

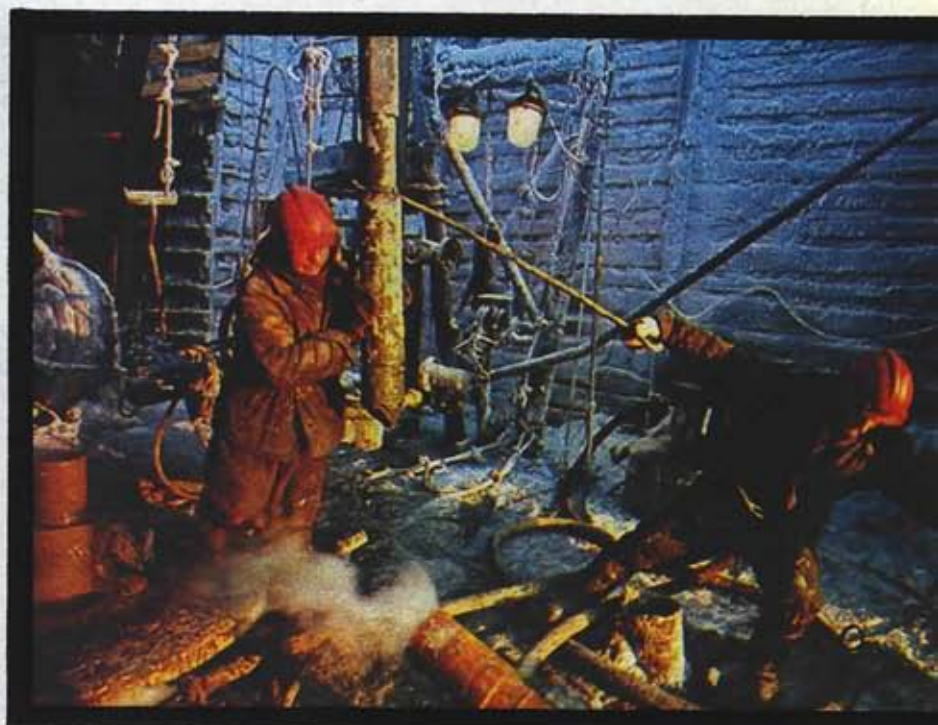

МОРОЗ «ПРОБИРАЕТ» ДАЖЕ ТЕХНИКУ.

Едва вышли в Баренцево море, как на палубе встретил Александра Георгиевича Гамбургера. Помнится, вот так же встретился с ним тринадцать лет назад. Только тогда мы плыли на ледоколе «Ленин».

— Снова во льды, — сказал он радостно и прислушался к суровой песне, заводимой океаном.

Незаметно оглядываю его — нет, кажется, не изменился он с тех пор: и сейчас, несмотря на возраст, бывалый полярный моряк по-прежнему строен и

Нержавеющая дружба

Все мы были маленькими, все мы забывались в безмятежных детских играх. Но дети вырастают, меняются их игры. Они сливаются с жизнью маленьких людей, рождают в них такие качества, которые обязательно помогут им в будущем. Вот почему нам очень интересно, как сложится в дальнейшем судьба трех ребят: Роланда Сахка, Яна Киви и Антса Хаккая из книги эстонского писателя Энно Рауда «Нержавеющая сабля» («Эсти Раамат», Таллин, 1976 г.). Автор в предисловии знакомит нас с историей возникновения «Нержавеющей сабли». Он нашел у себя в столе рукописный жур-

нал, издаваемый его одноклассником, и воспоминания о детстве, об играх и увлечениях побудили его рассказать об этом читателям.

...Головы пятиклассников городской гимназии полны приключенческими повестями, рассказывающими о жизни и борьбе индейцев за их исконные земли. В этой, казалось бы, наивной игре каждый из индейцев и бледнолицых по-своему проявляет характер. Например, твердые и решительные Ян Киви и Рольтс «Черная Смерть» становятся противниками. А Ууду Хеллила, слабенький трусливый мальчишка, становится впоследствии предателем.

Ребята не играют, а живут игрой. Рольтс до того вжил в роль предводителя индейцев, что любая его фраза напоминает разговор вождя племени краснокожих. И все же Рольтс с первых страниц книги вызывает у нас острое осуждение, а порою неприязнь. Но затем мы узнаем, что у мальчика нет родителей и он воспитывается в приюте, заведующий которого злой и недоброжелательный человек. В конце книги писатель Энно Рауд рисует перед нами совсем другого Рольтса, у которого на первом месте стоит чувство товарищества, чувство верности. И хотя директор школы и заведующий приютом по-прежнему считают его хулиганом, он уже может опереться на товарищескую поддержку.

Одними из любимых героев этой книги, безусловно, станут для читателей Ян Киви и Антс Хаккая. У мальчишек доброе сердце, они хорошо понимают друг друга и становятся верными и преданными друзьями. В трудные для Роланда дни ребята забывают былые столкновения и стараются помочь «предводителю индейцев».

Мне кажется, что книга Энно Рауда «Нержавеющая сабля», переведенная в прошлом году на русский язык, понравится на-

шим читателям, и, может быть, некоторых из них она заставит подумать о своих играх и занятиях, о своих друзьях и врагах. Наверное, она будет полезна не только маленьким читателям, она стоит того, чтобы на нее обратили внимание и взрослые.

Вообще эстонская детская литература делает уверенные и точные шаги в своем развитии. Как у добрых и рачительных хозяев, у эстонских писателей на учете каждое произведение для детей и юношества, каждое новое имя. Недавно то же издательство, к примеру, выпустило двухтомную антологию эстонской детской литературы, где представлены не только детские писатели, но и те литераторы, кто работает в других разделах, уделяя, однако, внимание и творчеству для детей. Особенно радуют в этой антологии новые имена представителей новых писательских поколений.

Игорь ЖЕГЛОВ

Рождение сибирской фантастики

Начну с того, что всесоюзному читателю впервые предложен сборник произведений сибирских писателей-фантастов. Называется он «Зеленый поезд»

(«Молодая гвардия», М., 1976). Вправе ли мы говорить о рождении сибирской фантастики?

Проблемы, поднятые в рассказах сборника, разрабатываются на современном научно-техническом уровне. При этом нужно помнить, что большинство из десяти авторов сборника тонко и умно использует «сибирский» колорит, что также придает книге особую прелесть.

Для преодоления земного притяжения и путешествий во Вселенной фантастическая литература подарила человеку корабли с невероятными скоростями. Каждый новый этап освоения космоса начинается с преодоления очередного барьера. Порой героям кажется: все, выше уже не прыгнешь. Недостижимо. Барьер барьеров. Одни отступают, другие оставляют преграду за спиной, чтобы... увидеть впереди новую стену. Вячеслав Назаров в рассказе «Нарушитель» утверждает: «Разве может остановить перед барьером — перед любым барьером! — остановиться и повернуть назад? Это противно естеству людскому, смыслу жизни...»

Мысль человеческая, даже когда она как будто загнана в тупик необъяснимыми пока явлениями космоса (рассказ С. Павлова «Чердак Вселенной»), все же пробивает брешь в Крепости Загадок. Нашупывается контакт с внеземным Разумом, человек устремляется все дальше от солнечной системы. И все же не удается и, вероятно, никогда не удастся человеку преодолеть «притяжение Земли» — планеты людей, родины. Любовь к ней, тоска по ее человеческим радостям — вот в чем заключена сила этого притяжения.

Притягивает Земля, но именно на ней, исхоженной, изученной, нашлось фантастическое, неизведанное — половина рассказов сборника посвящена загадкам

Голубого Шара. Эта «земная фантастика» наполнена острой проблематикой современности. Так называемые «издержки» прогресса трансформировались под пером писателя в фантастические сюжеты, порой чисто приключенческие, а порой и иронические.

Вот разномысленные представители «нечистой силы» собираются на «всемирный форум» в глухой сибирской деревушке и занимают несвойственным им делом — всеерьез обсуждают вопрос: как вновь приблизить людей к природе (ибо вне гармонии с природой человек несчастлив — эту мысль блестяще утверждает Б. Лапин в рассказе «Конгресс»).

Мальчик Вася Морковкин из повести «Луговая суббота» Г. Карпунина тоже открывает «секрет» счастья: «Мне кажется, что когда я делаю какой-нибудь добрый поступок, то и происходит все чудеса. Увеличивается сахарный кубик, легкими, как пушилка, становятся тяжелые вещи, радостно и хорошо делается на душе...»

Несколько в ином плане, но так или иначе близком духу сборника, сделаны рассказы А. Петрина «Наваждение» и Ю. Самсонова «Мешок снов».

Нравственным проблемам взаимоотношений человека с роботом посвящены рассказы М. Михеева «Станция у Моря Дождей» и Н. Шагурина «Возвращение «Звездного охотника».

Итак, закончу вопросом, который был задан в самом начале рецензии: вправе ли мы говорить о рождении сибирской фантастики? Ведь еще в 1932 году в Канске увидела свет фантастическая повесть сибиряка и большевика Вивiana Итина «Страна Гонгури». Да, впрочем, и лучшим доказательством этого служит книга «Зеленый поезд», на титульном листе которой значится — «Фантасты Сибири».

Валерий БАРАНОВ

подтянут, по-юношески подвижен и общителен.

— А не погонять ли нам, как бывало, койку? — говорит он.

В его каюте по-домашнему уютно. Стопки книг — здесь и о белых медведях, и о радиовинках, и последний роман Юрия Бондарева. Цветы в горшочках, как на московском подоконнике. Нежные дети земли, они помогают переносить тяготы долгой и суровой арктической навигации. Глядя на них, Александр Георгиевич вспомнил флейту Баренца, которую сто с лишним лет назад нашел на Новой Земле в покинутом зимовье норвежский китобоец Эллинг Карлсен. Насвистывая на ней народные мотивы, бесстрашный полярник пытался хоть как-то помочь своим товарищам сгладить тяжесть зимовки. Однако неистовый, продирающий до костей ветер, забравшийся в дырявую хижину, ревал тонкие звуки и заставлял слушать только себя.

Закрываю глаза, пытаюсь вызвать песню флейты, но в ушах — лишь ледяные, врывающиеся в иллюминатор по свисты Баренцева моря. Для одних оно преддверие в новый мир, где вечные льды и острова, окутанные легендами, связанные с историей дерзких арктических путешествий, печальных и славных, для других — просто дорога к Карским воротам.

Вытоптал свою дорогу здесь и Александр Георгиевич, самый старый полярник на «Арктике» — с тридцать седьмого года ходит в высокие широты. «Сорок лет!» — вырвалось у меня. В то время советские ученые как раз применяли радиодальномерный способ измерения

расстояний. Благодаря этому новшеству начали проставлять точные глубины на картах.

— В лодках арктических морей было много «белых пятен», — вспоминает Гамбургер, — и мне, двадцатилетнему учащемуся техникума связи, захотелось стереть их самолично. Ушел на гидрографическом ботике «Паланин» в район Диксона.

Потом он не раз добирался до восьми-десяти широт, высаживался на затерянных во льдах островах с радиодальномерными станциями. С ношей на спине прыгал со шлюпок, если путь им преграждали камни и волны, прямо в ледяную воду.

Война на время разлучила его с Арктикой. Дошел до Берлина. Едва шинель, как снова отправился в экспедицию на Север. Год за годом — тяжелая работа во льдах, но он не мыслит без нее жизни.

Однажды Гамбургера — это было шестнадцать лет назад — спросили дать точные координаты русла, по которому мог бы пройти в мелком проливе Лаптевых ледокол «Ленин». Увидев его работу, капитан первого атомохода Борис Макарович Соколов уговорил Александра Георгиевича остаться на судне инженером по электрорадионавигационным приборам. А теперь его, почетного полярника и почетного работника морского флота, пригласили на «Арктику».

— В вашей семье были мореплаватели? — спрашиваю его.

— Да нет...

И тут узнаю, что его прадед, Иоганн Гамбургер, специалист по гальванопластике, был приглашен в Россию из

Германии, чтобы нанести бронзу на скульптуры в парке Екатерининского дворца. На каждой из них было выгравировано его имя.

Корпус атомохода чуть дрогнул от удара — это мы вошли в мощное ледяное поле. Огромные сахарно-синие глыбы, словно вывороченные плугом пласты земли, обрамляли широкую борозду, оставляемую «Арктикой» за кормой. Дизель-электроход «Гижига» держится от этих полей подальше, поужнее. Вместе с ней и ледокол «Мурманск».

Если говорить военным языком, то атомоход ушел от каравана в разведку. Он опробует своим корпусом лед от острова Колгуева до Карских ворот, и тогда в эфир полетит сигнал, который оповестит о начале первой атаки на заграждения, выстроенные Арктикой на пути судов.

Трешины, как молнии, перечеркивали белое поле. Оно рокотало, и это говорили о том, что настоящая битва ждет нас впереди. К ней рвались вот так же и прежде, и ни одна точка на Земле, пусть даже будет Эверест, не знает столько славных имен, сколько помнит их Арктика. Какое же мужество надо было иметь, чтобы прийти сюда на «Св. Фокке» — парусно-паровом судне! Почему-то вспомнил именно экспедицию Седова...

Теперь против Арктики — атомная «Арктика», но все равно ее, как одинокого путника, ждала впереди грозная битва. В высоких широтах не бывает легких прогулок, тем более в такое время. Сильные удары, сотрясающие атомоход, стужа, вползающая в жилые помещения, не позволяют забыть об

этом. Не верится, что где-то моросит дождь, первый, весенний, пахнет землей... И даже гомон надоевшего городского воронья был бы теперь в радость.

Куда ни кинь взгляд — белое безмолвие. Замри сейчас «Арктика», и в ушах будет звенеть от тишины. Будто попал в огромный пустой дом: такой пронизывающей стужей веет из каждого его угла. Подойти в такое время к Карским воротам и «распахнуть» их ударами форштевня — еще недавно это было лишь мечтой. Ее вынашивали в своем воображении только отважные исследователи и смелые мореплаватели, а теперь мы всего в ста милях от ее осуществления.

Но иная миля в Арктике равна тысяче земных. Атомоход вдруг почти остановился, и как ни бросали его вперед мощные винты, он все больше и больше увязал в крошечке льда, подпираемого огромным полем. Казалось, мы лопались в дверь, прочно забаррикадированную с другой стороны.

Капитан связывается с центральным постом управления:

— Дать сто процентов мощности. Мысленно вижу, как старший механик атомной установки Ю. С. Пилявец, напоминающий по своему сложению запорожского казака, перекладывает тумблер. Секунда. Труднее поймать радиоприемником знакомую волну, нежели перевести атомоход на иной режим. Глубоко под многоэтажным палуб сильнее грянула торжественная музыка машин, способных залить электричеством сотни-сотни город.

Сто процентов мощности... Впервые вижу, хотя и прежде ходил на ней, как

За сказочными мотивами — современность

Молодым читателям, которые прочтут новый приключенческий роман Худайберды Тухтабаева «Конец Желтого Дива», думается, непременно придется по душе главный герой книги Хашимджан Кузыев. Многие читатели в той или иной степени увидят в нем себя, в его размышлениях о жизни найдут отражение своих собственных мыслей.

Этот озорной, смысленный паренек за всякое дело берется с душой, не гнушается никакой работой. На выпускном вечере в школе сначала в шутку, из озорства он заявил, что хочет стать парикмахером. А потом, поробовав, убедился, что эта профессия ничуть не хуже других.

И хотя позже оказалось, что призвание Хашимджана не в сфере бытового обслуживания, а в другом — в милицмейской работе, он правильно считает, что любой трудовой опыт полезен и важен.

После окончания школы милиции чего только не пришлось испытать сержанту Кузыеву, в

какие только переделки он не попадал! И всюду ему помогали трудолюбие, находчивость, смекалка, изобретательность, чувство юмора.

Автор ведет читателя по лабиринтам детектива, увлекательно рассказывает о том, как Хашимджан Кузыев раскрыл тайну хитрого и коварного преступника Адыла Аббасова, как он разоблачил разного рода жуликов, хапуг, спекулянтов — словом, всех тех, кто не желает жить по законам нашего общества.

Автор смело вводит в ткань повествования сказочные мотивы. В преследовании и разоблачении преступников на помощь Кузыеву приходит «волшебная шапка». Но главное, конечно, не в этом. За сказочными мотивами кроются глубокие мысли о современности, об актуальных проблемах сегодняшнего дня. Даже имея волшебную шапку, один Хашимджан ничего не сумел бы сделать. Ему очень помогают не только его друзья, товарищи по работе, но и многие жители города. Ему помогает народ. И вот это-то и есть самое главное. Х. Тухтабаев сумел в своей книге в художественной форме показать решающее значение общественности в борьбе с преступностью.

Сюжет романа увлекателен, язык по-восточному выразителен и ярок. Изобилующая приключениями, с элементами сказочной фантастики, книга эта читается очень легко. Рассказ ведется от первого лица, что дает возможность не только передать внутренние переживания героя, но и показать, что он человек в общем-то самокритичный, умеющий признавать свои ошибки и недостатки, хотя и любящий иногда прихвастнуть.

Книга «Конец Желтого Дива» вышла в 1976 году в издательстве ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия» («Молодая гвардия»). Перевод с узбекского Эраина Умерова. Это продолжение популярной книги Худайберды

Тухтабаева «Волшебная шапка», которая переведена на многие языки народов братских республик и зарубежных стран. За повесть «Волшебная шапка» писатель удостоен премии Ленинского комсомола Узбекистана.

Вторая книга Худайберды Тухтабаева «Конец Желтого Дива» также получила признание читателей и отмечена премиями Всесоюзного и Республиканского конкурсов на лучшее произведение о советской милиции.

Галина КАРАЧАРОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

Неповторимый дух истории...

Литература о Великой Отечественной войне призвана стать живой памятью о подвиге народа, увековечить его. Вот почему к каждой новой книге, посвященной войне и ее героям, подходишь с высокой мерой.

Двумя изданиями вышла в издательстве «Молодая гвардия» книга Н. Михайлова «Покой нам только снится». И вот его новая книга, «В те годы» (М., «Молодая гвардия», 1975 г.).

Основа фабулы книги «В те

годы» составляют подлинные события. Жанры автор использует самые разные: репортаж и воспоминания, корреспонденция, хроника, очерк, дневники, письма.

Сам участник описываемых событий, бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов рассказывает правдиво, выразительное произведение, это живой, взволнованный, искренний рассказ о войнах-комсомольцах. Он вовлекает читателя в размышления об истоках героизма нашей молодежи, о связи поколений, о силе примера. Н. Михайлов рассказывает о трудовых подвигах молодежи на крупных московских заводах «Серп и молот», «Динамо», где ему довелось тогда работать.

...Только что созданный перед самой войной Тимирязевский райком комсомола. Первая районная конференция совпала с первым днем войны — 22 июня 1941 года.

— Товарищи, — сказал председательствующий, — в связи с чрезвычайной обстановкой есть предложение: доклад не заслушивать, прений не начинать...

И в тот же день пять тысяч юношей и девушек района во главе с только что избранными членами райкома комсомола ушли добровольцами в Красную Армию.

Пристальное внимание к факту, событию, документу не заслоняет у автора книги интереса к человеческому характеру. В каждом очерке (их в книге девять), посвященном событиям Великой Отечественной войны, — главное — замечательные советские люди, защитники Родины. Читатель найдет в книге немало неизвестных страниц героической истории. Комсомолец Тимофей Лавренко бросился в ледяную воду, чтобы дотянуть оборвавшийся трос парома во время наступления наших войск... Комсомолец Чхилин уничтожил три фашистских танка, снарядом у него оторвало

руку, и с одной рукой, истекая кровью, он подбивает четвертый танк. Нельзя без волнения читать письма девушки-комсомолки снайпера Шуры Шляховой, вступившей в школу снайперов после того, как она узнала о подвиге Зои Космодемьянской. В письмах Шуры Шляховой мы слышим голос Зои: «Вместе со мной ранили и мою винтовку, но так же, как и меня, не тяжело. В госпитале мы вместе с ней были. И сейчас она вместе со мной и снова метким огнем бьет фашистов...»

История Великой Отечественной войны полна удивительных подвигов, с которыми вряд ли может соперничать писательская фантазия, и в этих подвигах — деяния тысяч и тысяч молодых советских людей, комсомольцев. Из каждых 100 членов ВЛКСМ в войсках находилось в годы войны 35—42 комсомольца.

Н. Михайлов рассказывает о появлении в условиях войны первых ростков нынешнего коммунистического труда — движения двухсотников, комсомольско-молодежных фронтовых бригад. К концу войны каждый третий комсомолец страны был двухсотником. Автор приводит множество фактов героизма молодежи тыла. Вот только одна цифра: комсомольцы и молодежь Москвы собрали за годы войны 722 тысячи тонн металлолома. Подсчитано, что его хватило для производства 12 тысяч танков, 3 тысяч мощных паровозов, 16 тысяч двухосных вагонов, сотен тысяч снарядов...

При всем количестве имен, событий, цифр, фактов книга Н. Михайлова обладает цельностью. Все в ней подчинено одной задаче, единой цели — показать величие подвига советского человека в защите социалистической Родины.

Давыд МОЛОТОВ,
ветеран Великой
Отечественной войны

«Арктику» подхватывают все ее 75 тысяч лошадиных сил и снова устремляют вперед. И я вспоминаю недавнее путешествие с капитаном «Арктики» Ю. С. Кучиевым в атомный отсек. Открываем тяжелую дверь и оказываемся в раздевалке. Одежде в белоснежные костюмы, бахилы и шапочки, подобные тем, что носят хирурги, переходим через высокие пороги в другое помещение и надеваем особые ботинки. Где-то там, за тяжелыми стальными переборками, сидя за одним из пультов центрального поста управления ледоколом, за нами наблюдает старший инженер-дозиметрист. По правую его руку — телевизионная установка, следящая за каждым нашим шагом. А на световой схеме отмечается каждая дверь, через которую мы проходим. Тишина. Безлюдье. Только приборы и аппараты, обеспечивающие четкую и безопасную работу атомной установки. А вот и она. Под нашими ногами. Светлое, высокое помещение, где стучит безотказное сердце «Арктики».

Теперь — вверх. Ноги наливаются свинцом, когда оказываемся у двери с надписью «Душевая». Но прежде чем стать под горячие струи, прямо в защитной одежде влезает в аппарат, напоминающий рентгеновский. Слежу за зеленым глазком. Через 15 секунд он загорается, и под ним стоит слово «чисто».

Атомход все набирает и набирает скорость. Остывшей сковородкой висит над нами солнце. После трудных вахт многие подумывают о баньке. Согнав усталость березовым веником, идут в музыкальный салон, спортивный зал или посмотреть фильм. Но даже в сво-

бодное время люди не уходят от забот, легших на их плечи, — привести транспорт к Ямалу. Не надо находиться на мостике, не надо смотреть в иллюминатор, чтобы представить сиюминутную обстановку, ибо от ударов льдов выплескивается из тарелок суп, заходятся в дрожь графины с водой, невозможно вывести слово на телеграфном бланке.

Привыкшие к перестуку вагонных колес, проводники всегда просыпаются, когда поезд долго стоит. Вот и мы подхватились в шестом часу утра, разбуженные тишиной. «Арктика» стояла. На этот раз лед не раскололся перед ней, как обычно, и даже не прогнулся. Судно оказалось сидящим меж торосами.

Карский лед, в который мы попали, был осенним. Мороз спрессовал его до такой тверди, что он спокойно держал на себе атомход. «Арктика» сползла с неудобного «кресла» и застыла.

— Изменить дифферент, — командует капитан.

В огромные танки хлынула вода. Судно тяжелеет с каждой минутой. И пока оно готовилось к новой атаке на загадочный вал, с кормы поднялся вертолет. Пилот Е. Н. Миронов и гидролог В. М. Лосев ушли в ледовую разведку.

Небо было голубым, и только на горизонте, если взглянуть, оно еле заметно меняло цвет, отдавало серым, отчего сразу теряло всю свою красоту. Но капитан, у которого ходили на скалах желваки, хотя внешне он был по-прежнему невозмутим, всматривался в него, отнюдь не завороченный этими переходами красок. Он ждал результатов ледовой разведки.

— Ненавижу лед, — говорит Кучиев. — Наверное, потому, что всегда за моей спиной караван беспомощных в арктической обстановке судов. И мне надо этот лед разломать...

У него, осетина, привыкшее к северным ветрам лицо, характер, закаленный высокими широтами. И все-таки он, моряк, виртуозно водящий самые мощные ледоколы, часто скупает по горам. Да ведь и неистовый Фригтоф Нансен, пересекший на лыжах Гренландию, все время думал о своем уютном, в яблоневой кипени домике в Норвегии и рвался к нему, чтобы затем снова уйти в царство белого безмолвия.

Полярным моряком Кучиев стал, можно сказать, случайно. Родился он в горах и жил совсем близко от неба. Глядя на высоко парящих орлов, которые казались ему самыми счастливыми на свете, он страстно мечтал стать летчиком. После школы, оконченной с отличием, поехал в Москву. Но в летчики его не взяли.

И тогда пришел он к своему депутату Марку Ивановичу Шевелеву, известному полярному летчику, который был в то время заместителем начальника Главсевморпути. Рассказал о своей страсти. Сильную натуру увидел Шевелев в своем юном собеседнике и потому посоветовал, наперед зная, что не подведет его этот паренек:

— Поезжай на Диксон. Матросом. Поварис среди настоящих людей. Да и матери помощь будет.

В первые дни войны Кучиев ступил на заснеженную палубу буксирного судна «Василий Молоков». Потом был ледокольный пароход «Таймыр». Началась

трудная морская наука. Маленьким чернявым паренек сразу полюбили бывалым полярникам своей прилежностью, прямоотой, щедростью души, смелостью, кавказской горячностью.

Ему повезло на учителях. Известные полярные капитаны воспитывали в нем моряка и человека. Он служил на «Ермаке», «Сибирякове», «Малыгине», «Илье Муромце», «Красине», «Ленине» и других судах, вписавших замечательные страницы в историю освоения Арктики. А теперь вот сам командует «Арктикой» — самым мощным в мире атомходом. Такая высокая честь выпадает не каждому моряку.

— Следуйте за нами, — приглашают по радио с вертолета.

Последние мили даются особенно тяжело. Подошли к Ямалу на исходе дня.

Это событие работники службы питания атомхода отметили пирогами с рыбой. Когда Таня Матвеева подавала их к столу, она приговаривала:

— Анушкины...

Мы всегда вспоминаем пекаря Анну Ефремовну Шерстневу, когда видим на столе душистые ломти ее арктического хлеба, пышного, высокого, ноздреватого. Но сейчас даже пироги остались без всеобщего внимания. Все ждали рассвета.

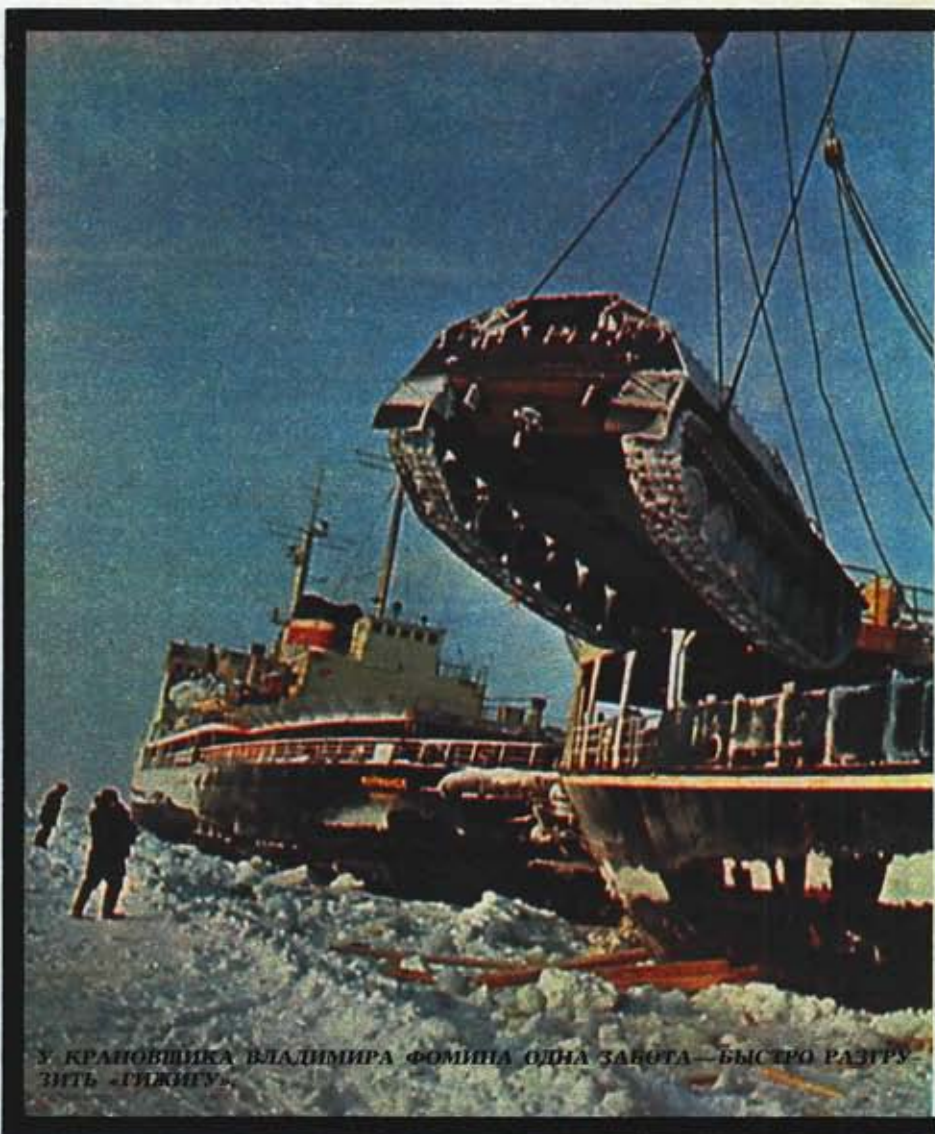
Земля обнаружила себя газовым факелом, на который мы вышли поздно вечером. Факел манил к себе, словно долгожданный маяк. Но капитан атомхода не спешил начинать выгрузку, а решил ждать до утра, чтобы разрушить барьер на подступах к припаю с рассветом.

ТРИ СОЛНЦА НАД ЯМАЛОМ — РЕДКОЕ ОПТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ, ПРОИСХОДЯЩЕЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСКРIVЛЕНИЯ СВЕТОВЫХ ЛУЧЕЙ.

ги. Их шесть. На всякий случай. Если вдруг начнется подвижка льдов и один из причалов будет поврежден, суда поставят к запасным. Гидрологи Амдерминского управления Гидрометслужбы СССР определили надежные места для выгрузки, но ведь норы Арктики крутой и коварный, и она может в любую минуту такое учудить...

Если в прошлом году берег угадывался лишь по колонне маяка и, как ни смотри, с борта судна ничего больше не было видно, то теперь он приподнялся крышами многочисленных строений. Представляю то скорое время, когда озарятся электрическим светом окна пятиэтажных общежитий гостиничного типа (люди будут приезжать сюда на двадцатидневные вахты), и вполне понятное чувство неодолимо влечет меня к Ямалу: надо еще раз побывать на этой

У КРАНОВЩИКА ВЛАДИМИРА ФОМИНА ОДНА ЗАБОТА — БЫСТРО РАЗГРУЗИТЬ «ГИЖИГУ».

Ожидание. Оно всегда поманит — и для шлюпера перед восхождением, и для бойца перед высадкой, и для артиста перед выходом на сцену. Но в ожидании непоколебимо, все одинаково легко, мысли быстрые (бы наступила долгожданная минута!).

Рассвет пришел в синих и сиреневых красках, обогнав последний барьер из торосов, за которыми находился причал и последние семь километров пути. Но эти километры были уже не для судов. Их должны будут преодолевать мощные «КрАЗы», которые и повесят грузы, доставленные «Гижигой», дальше, на Харасавэй.

Пять часов утра.

— Начинаю — говорит Кучаев.

Атомоход раскрыл торосы воле ледового армата и отшел в «Гижигу» (направился в direction «Мурманск»). С ледового палубы «Арктики» видно, как бежит к Ямалу пробитый на льду доро-

жка, побывать сейчас немедленно, чтобы в будущем лучше, правильнее оценить содеянное на ней людьми.

Вертолет спускает к берегу. В том же направлении по белым дорогам идут грузы, снятые с «Гижиги». Машины везут блоки тех самых пятиэтажных домов, а я вспоминаю, как год назад МИ-6 тащил к берегу первый походный домик-балок и как его там ждали люди. А сейчас даже кафе открыто на Ямале. Пусть это и громко сказано, но в нем уютно, тепло и есть все необходимое, о чем могли только мечтать первопроходцы.

Едва сошел с вертолета — встретил Владимира Воробьева. Знаю его давно. Опытный гидролог, зимовал в Антарктиде, а теперь руководит отделом прогнозов в Амдерме.

— Ты Артура видел? — спрашивает о Членгарова. — Он ведь на атомоход улетел.

В ПЕРВОМ ФУТБОЛЬНОМ ЗАТЧЕ ВСТРЕТИЛИСЬ КОМАНДЫ ЛЕДОКОЛА «МУРМАНСК» И ЯМАЛЬСКИХ НОВОСЕЛОВ.

— Видел накоротке, поговорить не успел, но по лицу твоего начальника понял, что вы здесь горы дел перевернули.

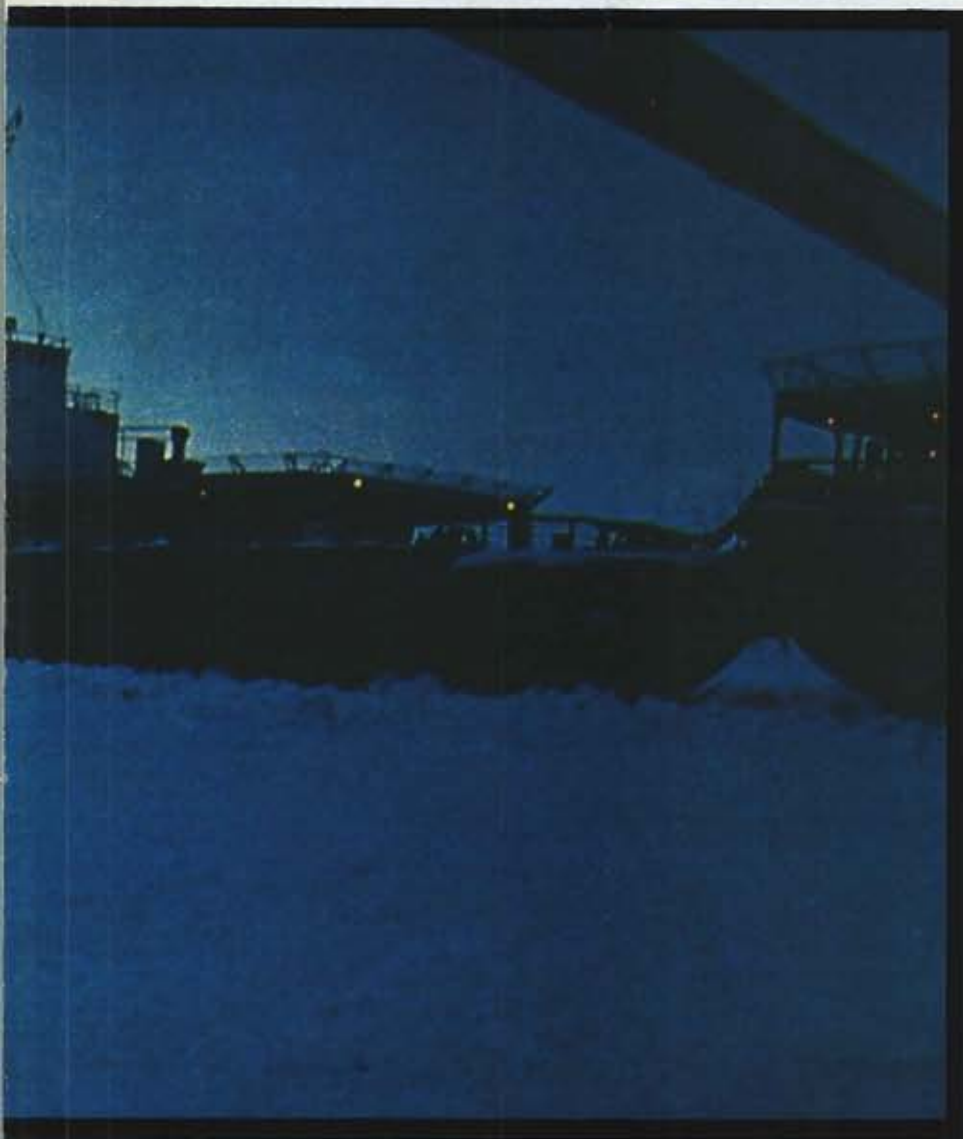
— Это уж точно, потрудились... Провели сотни измерений толщины льда, снабдили моряков данными, которые помогут им выбирать курс следования к Ямалу и обратно.

Этот разговор я вспомнил двумя неделями позже, когда «Арктика» и «Мурманск», завершив второй рейс с «Наваринном», ввели к полуострову третий транспорт — «Павел Пономарев». Карские ворота на сей раз «захлопнулись» перед атомоходом. Мощные льды, подгоняемые ветром и течением, отбрасывали атомоход от входа в «ледовый погреб», как иногда называют Карское море, сводили на нет всю его работу. Арктика, видимо, решила дать генеральный бой «Арктике», ее атаки были настолько сильны, что Ю. С. Кучиеву пришлось увести судно на юг. Обходной маневр ему посоветовали сделать специалисты Амдерминского управления Гидрометслужбы. Опираясь на данные полярных станций, искусственных спутников Земли, авиационной ледовой разведки, они указали самый легкий путь в Карское море — через пролив Югорский Шар.

Гарантировать успех ледовой операции в таких условиях могут только четкая работа и взаимодействие всех служб, обеспечивающих проведение нового арктического эксперимента. С Арктикой шутки плохи. Техника техникой, но знания и опыт людей, их дружба, самоотверженное отношение к делу играют, как показали последние события, главную роль в борьбе со стихией.

А тем временем все новые и новые партии грузов с «Гижиги» подавались к ледовым причалам полуострова Ямал. Скоро сюда из Мурманска подойдут другие суда.

Арктическая трасса действует.

ЗДЕСЬ ДАЖЕ БУРОВАЯ ВЫШКА ПОХОЖА НА СКАЗОЧНЫЙ ДВОРЕЦ.

ГИДРОЛОГИ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОВЕРЯЮТ СОСТОЯНИЕ ЛЬДА ПЕРЕД ПЕРЕБРОСКОЙ ГРУЗОВ НА БЕРЕГ.

БУРОВАЯ В ТУНДРЕ.

Среди всех драматургов мира, писавших в конце XIX и первой половине нашего века на английском языке, не было ни одного, равного Джорджу Бернарду Шоу (1856—1950). Его талант и публицистическая страсть, его борьба за свободу народов и фанатическое стремление к возвеличению человека всегда будут привлекать сердца потомков.

У писателя было безрадостное, небогатое детство и фактически не было юности: в 15 лет он начал работать учеником в банке. В 20-летнем возрасте Шоу переехал в Лондон и начал трудную борьбу за право войти в литературу. Одновременно он увлекается политической жизнью английской столицы, посещает митинги, собрания и активно выступает на них.

В 1876 году Шоу познакомился с дочерью К. Маркса Элеонорой и через нее сблизился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Дружба с ними и их близкими длилась до самой кончины Ф. Энгельса. Однако близость с великим учителем не удержала Шоу от вступления в реформистское «Фабрианское общество», в плену оппортунистических идей которого Шоу находился до 20-х годов нашего века.

После победы революции в России Шоу начинает живо интересоваться коммунистическими идеями. Когда весь капиталистический мир ополчился против молодой Советской республики, Шоу мужественно выступил в ее защиту. В 1921 году он послал В. И. Ленину свою книгу «Назад к Мафусаилу» с надписью: «Ленину, который один среди государственных деятелей Европы обладает дарованиями, характером и знаниями, необходимыми человеку на столь ответственном посту». В 1930 году Шоу существенно помогает созданию центрального органа Коммунистической партии Великобритании — газеты «Дейли уоркер» (ныне «Морнинг стар»), став ее крупным пайщиком. (Свой пай Шоу из газеты не забрал и о судьбе его не сказал ничего в завещании, то есть фактически оставил в дар.) В это же время он выступает (пьеса «На мели») с идеями социалистического преобразования общества по примеру Советского государства. В 1931 году писатель посетил СССР, где было торжественно отмечено его 75-летие. Свой самый первый визит в СССР Шоу нанес «вдове Ленина», Н. К. Крупской, с которой вместе посетил Мавзолей В. И. Ленина и возложил венок.

Наивный социолог в начале своей политической жизни, Шоу стал трезвым социалистом и сторонником коммунизма в конце ее. Он всегда был искренним и пламенным гуманистом, мечтавшим о «сверхлюдях» будущего — добрых, самоотверженных, живущих в обществе, не знающем капиталистических уродств: войн, нищеты, эксплуатации, угнетения личности.

Приводимые автобиографические заметки писателя публикуются на русском языке впервые.

СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Бернард ШОУ

Мой отец был ирландский протестант из угасающей ветви младших сыновей.

Он не имел ни наследства, ни профессии, ни ремесленного мастерства, ни квалификации в какой-либо определенной отрасли общественной деятельности. Вероятно, он чему-то обучался, потому что умел писать и читать и вести счета более или менее неточно. Он одевался как джентльмен. Но это был джентльмен без доходов джентльмена. Он определенно не имел законченного образования, потому что я никогда не слышал, чтобы он рассказывал о какой-либо школе или колледже, претендую на звание их выпускника. Однако он был убежден, что во всех Шоу есть некая врожденная черта родовой знатности, как владельцев земельных наделов в Ирландии и сподвижников Вильгельма Завоевателя — я имею в виду Вильгельма Голландца, а не нормандского авантюриста.

Эту черту знатности всех Шоу мой отец распространял и на живых представителей рода. Один из потомков обосновался в Дублине, где учредил Королевский банк, который старожилы, еще на моей памяти, называли «Шоуинским банком». Он был произведен в баронеты и основал фамильную усадьбу Буши-Парк. Отец был вторым кузеном баронета и обладал почетной привилегией нанимать экипаж для участия в похоронных процессиях из Буши-Парка и правом присутствовать там на некоторых праздниках.

Однажды мой отец преодолел семейный снобизм: он снизошел до чиновничьей службы и с удовлетворительным успехом предъявил государству претензию на занятие какой-то должности во Дворце правосудия. Но должность эта вскоре была отменена, и он был уволен. Продав право на пенсию, отец вложил деньги в торговлю зерном, о чем он ни малейшего представления не имел и чего ни в малейшей мере, насколько я могу судить, до самой своей смерти не постиг...

Наша мать не затрудняла себя заботами о нас, ее детях, потому что никогда не была обучена науке материнства. Все заботы о том, что дети едят и пьют, она оставляла целиком на прислугу, которая получала 8 фунтов в год и не умела ни читать, ни писать. Так мы росли, никем не руководимые и вынужденные заботиться о себе сами; мы встречали наши жизненные трудности самостоятельно, приобретая опыт, перелапывая себе руки и ноги, и это было неизбежно при

множестве глупостей, допущенных нами. Пустить тельца в фарфоровую лавку — совсем не единственный способ научить его ходить вдоль дороги. Коротко: моя мать с технической точки зрения была работником культурного просвещения и по современным понятиям может быть квалифицирована как богемно-художественная анархистка с привычками и манерами леди...

Она обладала прекрасным меццо-сопрано, исключительной чистоты тона, и для разработки голоса брала уроки у Джорджа Лии, уже зарекомендовавшего себя в Дублине в качестве дирижера оркестра, организатора концертов, учителя пения, столь оригинального и еретичного направления в преподавании, что его успех в организуемых им представлениях зависел главным образом от его учеников... Он распространял свой едкий критицизм и на врачей и поражал нас употреблением лишь черного хлеба вместо белого и ночным сном при открытых окнах — обе эти привычки я перенял у него и не оставляю до сих пор. Его влияние на наш дом питало меня скептицизмом и недоверием к академическим авторитетам, крепко сидящим во мне еще и сейчас.

Лии не только научил мою мать петь по методу, который прекрасно сохранил ее голос до самой кончины в возрасте свыше восьмидесяти лет, он создал в ней основания и веру, чтобы жить далее...

Наша просто смехотворная нищета была достаточно обычной для таких, как мы, и не слишком бросалась в глаза в бедной Ирландии, если принять во внимание нашу полную отчужденность от обширного и преуспевающего клана родственников отца. Когда-то баронет, владелец Буши-Парка, был аристократически демократичен и даже принимал в своем поместье троюродных кузенов, в том числе и моих родителей. Он был особенно внимателен к моей матери. Я ни разу не был там, впрочем, один раз — на похоронах. (Вообще похороны всех Шоу обставлялись с мрачной помпезностью.) Однако если бы мой отец был способен превратить свои социальные возможности в текущий счет, то я получил бы вполне респектабельное, соответствующее нашему социальному положению воспитание.

Моя мать тоже принадлежала к привилегированному, избранному слою и, как невеста моего отца, была приветствуема во всех отношениях. Она очень хорошо пела, а все Шоу, в чей род она должна была войти, были очень музыкальны. Женская часть Буши-Парка могла «выдать музыку» на пианино и поддержать мелодию в хоре и тонике, субдоминанте, доминанте и опять в тонике. Мой отец играл на тромбоне и мог импровизировать аккомпанемент басу, на любой мотив, не перескакивая чересчур раздражающе в другую тональность. Мой старший дядя Барней (я предполагаю, мое имя Бернард было выбрано в его честь, хотя он сам был для нас всегда «дядя Вильям») играл на офиклайде — устаревшем медном инструменте — гигантской трубе с клапанами, теперь уже замененной тубой... Моя тетя Эмилия играла на виолончели, а тетя Ша (Шарлотта) обладала красивыми руками и под стать им изысканностью манер и внешности — для демонстрации их она пользовалась арфой и тамбурином.

Вы можете спросить, почему же при таких безусловных совершенствах моих предшественников и явных социальных возможностях я не был респектабельно воспитан? К счастью или к несчастью (все зависит от того, как смотреть на это), мой отец был подвержен ужасной страсти, которая наглухо закрыла все двери общества перед ним. Соответственно это распространилось и на мать, которую, конечно, тоже не стали бы принимать без него. Если его приглашали к обеду или на вечер, он никогда не был трезв, когда приходил, и всегда был скандально пьян, когда уходил. Конечно, веселый забулдыга может развеселить и зажечь компанию ему подобных; даже

вздорный, драчливый пьянчужка может быть приемлем между простыми людьми. Но мой отец, по теории трезвенник, измученный стыдом и угрызениями совести, а в действительности несчастный пьяница и бедняк, даже будучи только навеселе, уже был непереносим в строгом аристократическом обществе. Настало время, когда мы оказались совершенно социально отторгнутыми. За весь период моего детства я не помню случая, чтобы мои родители наносили какой-либо визит в приличный дом. Если бы они отравились на обед к кому-нибудь, мы, дети, удивились бы этому еще больше, чем если бы весь дом оказался охваченным пламенем.

Мой отец все-таки переключил свою убежденную трезвенность с теории на практику, когда небольшой инсульт в одно из воскресений поставил перед ним совершенно решительную альтернативу: либо бросить пить, либо погибнуть. К счастью, это не имело более тяжелых последствий, но предпринятая реформа, радикальная и совершенно окончательная, пришла слишком поздно, чтобы спасти семью. И я, оторванный от той общественной борозды, в которой все легко и без затруднений поворачиваются один к другому, вырос диковатым и крайнее невежеством в смысле общепринятых норм поведения. Моя мать, воспитанная, как королева Виктория, была слишком гуманна, чтобы причинить ребенку те же страдания, которые сама вытерпела в детстве. Кроме того, она воображала, что правильное поведение и хорошие манеры — наследственный дар, и считала, что многое из того, чем она обладала благодаря обучению, было вложено в нее самой природой. Как бы то ни было, она никогда ничему нас не учила, оставляя все на попечение врожденной силы: голубизны нашей крови.

В то время я еще не имел ни малейшего опыта укоров совести, если мне приходилось говорить неправду ради избавления от трудностей. Более того, я просто неистовствовал в сочинениях всяческих драматически запутанных историй. Даже еще будучи мальчиком, я был невероятно театрален, наверно, потому, что, как говорят актеры, «видел себя в характере». Такое бывает очень редко, но меня так тянуло на сцену, заполненную злодеями и демонами (в моей спальне в Дублине я изрисовал белоснежную стену акварельными фресками, изображавшими Мефистофеля), что, должно быть, я сам заколдовал себя. Поэтому, когда природа закончила совершенствование моей внешности, где-то в 1880 году (пока я не достиг 24 лет, на моем лице лишь едва пробивался нежный пушок), я обнаружил, что, экипированный длинными усами, нависшими густыми бровями, саркастическими ноздрями, я похож на оперного дьявола, чьи арии (музыка Гюно) я распевал в детстве и чьи позы я напыщенно повторял в отрочестве. Позднее, когда передо мной прошли поколения, я увидел, что фантазии актеров и художников входят в жизнь в виде живых мужчин и женщин. Я понял: воображаемое относится к реальной жизни, как эскизные наброски относятся к картине. Мир полон гадких людшек только потому, что когда-то, будучи детьми, они были взяты в театр на представление, в котором в главной роли фигурировал отвратительный злой гномик. Мы скоро будем иметь всюду и везде женщин с чертами обольстительных соблазнительниц только потому, что они, будучи девочками, попали в картинную галерею и напечатаны там амбицией обязательно стать похожими на «змею старого Нила», как называет Антоний у Шекспира свою Клеопатру.

Великий институт — семья, — являющийся гнездом, в котором у тщательно воспитывающихся детей вырабатывается почтительность к родителям, для меня был крайней противоположностью. В большинстве семей всегда есть какие-то

* При майоратной системе наследования, когда земля передавалась лишь старшему сыну, чтобы наследственные владения не дробились, младшие сыновья были, по существу, всегда обездолены.

** Здесь Шоу в нарушение установившейся традиции присваивает термин «Завоеватель» не Вильгельму I, герцогу Нормандскому (1027—1087), которого он называет «нормандским авантюристом», а Вильгельму III Голландскому (1650—1702), который происходил из небольшого княжества Оранж, на юге Франции, и до того, как, завоевав Голландию, стал ее наместником, звался «Принцем Оранским». В 1689 году он победил своего тестя, английского римско-католического короля Иакова II; заняв его место, он в 1690—1691 годах вытеснил из Ирландии приверженцев этого короля и населил ее своими ставленниками, английскими колонизаторами-протестантами. С тех пор в этой католической стране, с очень крепкими религиозными корнями, возникла элитарная, противонародная прослойка инородной знати — ревностных почитателей Вильгельма Голландца, к которым прочно прикрепились прозвище «оранжисты». Дискриминация ими католического большинства и ответное сопротивление длится с тех пор до нашего времени. Как протестант по происхождению, Шоу иронически придает себе черты влюбленности в «Оранжевого завоевателя».

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

неприятные тайны, скрывающиеся от посторонних, — «скелеты в чайном буфете», как говорят в Англии. В клане моего отца было много дядей и тетей, кузенов и кузин, то есть много чашек в буфете и, вероятно, немало скелетов среди них. Нашим собственным скелетом было пристрастие моего отца к спиртному...

Затем существовал еще мой дядя Вильям — милейший, добродушный человек, с врожденным чувством собственного достоинства. В более ранней зрелости он был не только заядлым курильщиком, но и столь же закоренелым пьяницей, так что один из его приятелей, как-то побившийся об заклад, что застанет Барнея Шоу в 6 утра трезвым и застолбит его в этом состоянии, проиграл пари. Но это могло произойти с любым пьяницей. Что придавало делу особенную примечательность и юмор — это совершенно неожиданный поворот: мой дядя внезапно, буквально одним махом, оборвал курение и выпивки, полностью посвятив себя достижениям успехов на офиклайде. В этом невинном и красивом увлечении безупречный старый холостяк-аристократ пребывал много лет, как вдруг, к изумлению всего Дублина, так же внезапно отрекся от офиклайды и вообще от всей музыки и неожиданно женился на леди из высшего круга, весьма набожной и благочестивой.

Она, естественно, клонила к тому, чтобы сделать что-нибудь с нами; насколько я знаю, она настроила в этом духе и остальных представителей рода Шоу. Однако я никогда не видел ее. После свадьбы я встречал только моего дядю, и то украдкой, когда он делал безнадежные попытки спасти меня (в религиозном смысле слова), вероятно, не без некоторого скрытого шоуизмского удовольствия, от неблагоприятных развлечений, которыми я постигал свой путь к гибели. Он сам прославился тем, что постоянно сидел с библией на коленях и биноклем у глаз, наблюдая за женским пляжем. Моя сестра, плававшая там, подтверждала эту клевету в части бинокля.

Но это была только прелюдия к очень необычному концу, скорее к катастрофе. Фантастические измышления библии так овладели моим дядей, что он снял свои ботинки, объясняя, что ждет вознесения в любой момент на небо, подобно пророку Илье, и что чувствует, будто обувь помешает небесному полету. Затем он сделал шаг еще далее и, увешав свою комнату белыми полотнами, пытался покончить с собой, ссылаясь на то, что он Святой Дух. Наконец, он утих и замолчал до самого своего конца. Его жена, боясь, как бы невинные чудачества не превратились в более опасные, поместила дядю в сумасшедший дом.

Мой отец предположил, что музыка может пробудить сознание дяди, и занялся поисками некогда любимой офиклайды, но уже нигде не мог ее отыскать. Тогда он принес вместо нее флейту. Дядя Вильям, неизлечимый молчаливец, некоторое время пристально глядел на флейту, а затем сыграл на ней известную песенку «Дом мой, милый родной

дом». Отец был удовлетворен этим небольшим успехом, потому что ничего больше пока не могло быть для его брата сделано. Однако днем или двумя позже дядя в крайнем нетерпении и в раздражении на небо, не принимающее его, решил сам организовать отъезд туда. Все возможные виды оружия были изъяты и убраны с глаз долой, но его сторожа не знали шоуизмской оригинальности: в комнате находился большой, тяжелый чемодан-кофр; дядя сунул голову вовнутрь, судорожным усилием сомкнул обе половинки на своей шее, как бы пытаясь обезглавить себя, и добился этим остановки сердца. Я был бы рад верить, что ему, подобно Илье-пророку, воздадут на небе ангельские почести, которые он видел в своих мечтах, потому что это был красивый, прямодушный человек и нежная душа, как говорится, ничей, только собственный враг.

Так вот, посудите, какой же уравновешенности мог достичь мальчик с семейной историей подобного рода? Однако я не уверяю, что все мои дяди были вроде Барнея Шоу. Они были предельно уважаемыми, нормальными людьми... Но по сравнению с другими английскими фамилиями мы имели мощное преимущество в юмористической окраске событий нашей жизни. Это заставляло кости наших скелетов греметь особенно громко.

И я, обладая этим преимуществом в чрезмерной степени, часто развлекал друзей рассказами о моих дядях (настолько, между прочим, занимательными, что никто до сих пор в них не верит). Старинная фамилия, далекая от того чтобы стать шиком почитания к старшим ее членам, стала для меня шахтой, из которой я выкапывал в высшей мере забавный материал, без заботы об изобретении хоть одного-единственного инцидента. Да и могла ли какая-нибудь из моих ленивых выдумок и небылиц сделать более сильными и более впечатляющими жесткие факты жизни и смерти моего дяди Вильяма-Барнея Шоу?

Я ВХОЖУ В ЛИТЕРАТУРУ

Я прибыл в Лондон из Дублина в 1876 году в возрасте 20 лет и нашел здесь мою мать и мою оставшуюся в живых сестру (вторая сестра Шоу умерла незадолго до его приезда от туберкулеза, братьев у него не было. — И. Н.), поселившихся на Виктория-Гров, где они пытались совместить свои музыкальные достижения с жизненным бюджетом. Для этого они занимались: сестра — пением, а мать — преподаванием его. Мой отец остался в Дублине и выделял нам по фунту в неделю из своих скудных ресурсов. Впав в явно безнадежные долги, мы вдруг, как по волшебству, оказались извлеченными из этой ямы, унаследовав 4 тысячи фунтов, относительно которых у матери издавна была мощная и непреодолимая уверенность и которые она теперь могла понемногу расходовать на своих детей...

Я был болезненно стыдлив и застенчив и просто боялся принимать поздравления по поводу каких-то результатов в музыке, которых я быстро достиг. Мне сказали, что если я хочу преуспевать, то не должен так решительно отказываться от приглашений на обеды, которые означали скрытую помощь, — отказ от них был оскорблением благотворителей и нарушением социальных условностей. Но я сам очень хорошо понимал, что введение в свет бесполезно для того, кто не имеет никакой профессии и не умеет ничего делать, кроме того, что делает любой мелкий клерк. Я понимал, что я не просто безденежен, но, если можно так выразиться, беспоконечен и пока я не приобрету умения действовать и использовать это умение, всякая активность по вызванию к свету, так же, как и обеды в чужих домах, когда нет даже мелочи, чтобы расплатиться за кеб, — унижение и глупость.

В оправдание моего пренебрежительного отношения к некоторым советам по введению в общество я вынужден сказать: я испытывал невероятный страх, как бы они не привели к тому, чего я совсем не желал, то есть к коммерческой деятельности. Я уже занимался ею до Лондона — имевшегося опыта было для меня вполне достаточно. Без сомнения, для моей матери было бы большим облегчением, если бы я начал зарабатывать. И без сомнений, я мог что-нибудь зарабатывать, если бы поставил это своей целью. И еще без сомнений: если бы мой отец умер, а мою мать разбил паралич с глухотой и слепотой, я бы поневоле вернулся к службе в офисе (приговор к смерти для захудалого дворянства) и, конечно, бросил бы все надежды приобрести литературную профессию, потому что занятия литературой — это профессия, и хотя она не требует ни университетского диплома, ни дорогого кабинета, как профессия врача, она все же требует от человека всего его времени и лучшего, чем он обладает, — его мозга. Но пока этого не произошло, я уклонялся и увертывался от каждой вакансии и, обладая прекрасными характеристиками и превосходными свидетельствами, оставался непреклонным безработным. Некоторое время я даже держался амбициозно как по отношению к себе самому, так и к внешнему миру и вызывающе относился к объявлениям. Однажды я чуть было не застрял в Телефонной компании и потом лишь с большими трудностями выпутался из ее сетей. Я могу вспомнить интервью с руководителем Осней-банка, устроенное, к моему моему страху, одним назойливым другом (с которым я обедал). Я произвел на этого господина столь блестящее впечатление, что мы расстались в наилучших отношениях; он заявил, что хотя и понимает необходимость для меня чем-то

заняться, но чувствует, что банковская карьера была бы неправильным выбором. Я возражал ему, что имею превосходные свидетельства именно как служащий в коммерческой конторе, ведь до приезда в Лондон я четыре с половиной года провел у конторского стола в Дублине... Но довод не имел силы...

Первую пару лет моей жизни в Лондоне я не делал ничего решительного и действовал как «дух» (скрытый соавтор, выполняющий почти всю литературную работу за известных авторов. — И. Н.) для музыкальных критиков. А так как духи не обязаны появляться наяву, то я был отрезан от газет и не мог исправлять корректуру; мои критические заметки, в большинстве своем безжалостные, появлялись с такими опечатками, с такими увечьями и безобразными интерполяциями, сделанными посторонними, неумелыми руками, настолько переплетенными с чьими-то критическими упражнениями, оскорбительными для моего вкуса, что я с тех пор всегда скрывал эту фазу моей деятельности, как некий постыдный секрет, опасаясь, как бы кто-нибудь, открыв старые газеты и обнаружив эти заметки, не вообразил, что я ответствен за них. Даже теперь мне трудно заставить себя сознаться, что газета называлась «Оса» и находилась в руках некоего капитана Дональда Шоу, с которым я не был ни в каком родстве и даже ни разу, будучи только «духом», не встречался. Эта газета скончалась на его руках и, видимо, отчасти и на моих.

...Кроме двух-трех дней в 1881 году, в течение которых я заработал несколько фунтов подсчитыванием голосов на выборах в Лейтоне, я был безработным, крепким, здоровым и нищим, может быть, не по закону, но фактически полностью. Так длилось до 1885 года, когда я впервые заработал достаточно денег, чтобы непосредственно пером обеспечить свой жизненный бюджет; мой заработок в этот год исчислялся суммой 112 фунтов, и до самой войны 1914—1918 годов, мгновенно ввергнувшей нас в банкротство, я не имел денежных забот, кроме тех, что связаны с обладанием деньгами, а не с их отсутствием. Фаза моей бедности прошла.

Телефонный эпизод произошел в 1879 году, и в эти дни я совершил то, что литературные авантюристы осмелились всегда в подобных случаях, а многие совершают и поныне. Я написал бытовую роман. Конторская тренировка приучила меня к привычке ежедневно и регулярно что-нибудь делать. По-моему, это — фундаментальное условие производительного труда, отличающее его от безделья. Я знал, что не добьюсь никакого успеха, если не вернусь к такому режиму, и никогда не создам ни одной книжки каким-либо другим образом. Поэтому я купил пачку бумаги, нарезал ее на требующийся формат и приговорил себя ежедневно заполнять пять страниц, в дождь или снег, в тоске или в радости.

Во мне еще осталось очень много и от школьника и от клерка: если моя пятая страница заканчивалась на половине фразы, то я спокойно оставлял вторую половину на следующий день; с другой стороны, если мне случалось пропустить день, то я устанавливал себе на следующий день двойное задание. Такой системой я за пять лет создал пять романов.

Это было моим профессиональным ученичеством, упорным и настойчивым, с мучениями неудовлетворенности перед самыми критическими учителями — собственными вкусом и умом. Они стойко и упорно укрепляли мое самоуважение в условиях тяжелого безденежья (два особенно острых момента я до сих пор вспоминаю с перекошенным лицом), к которому добавлялись сбитые ботинки, тщательно замазанные заплатки, подстриженные лохмотья на манжетах и шляпа, настолько искалеченная возрастом, что я носил ее задом наперед, чтобы, снимая и надевая, не заботиться о форме ее поля.

Я не имел успеха как романист. Мои пять романов были разосланы всем издателям Лондона и даже нескольким в Америку, но ни один из них не соблазнился моим творчеством. Пятьдесят или шестьдесят отказов, без единого принятия, ввергли меня в ожесточенную самоуверенность. Я стал вызывающе смелым, дерзким, приобрел сверхчеловеческую нечувствительность как к похвалам, так и к осуждениям, которые стали для меня привычными и постоянными, но уже много позже.

Таким образом, после пяти лет работы над романами я стал полнейшим литературным неудачником. Чем больше я писал, тем меньше нравился мои работы издателям. Мой первый роман, хотя и забракованный, все же вызвал интерес к себе. В издательстве захотели прочесть его. Блеквуд принял его, но затем отказался. Сэр Джордж Макмиллан не только послал мне длинное и обстоятельное заключение издательского рецензента Джона Морли, но и согласился с ним в том, что я могу оказаться при случае полезным для его журнала. Подобные же отклики пришли и на второй мой роман. Я был молод и неопытен: у меня не было даже мысли, что дело не в неудаче или в недостатке литературной компетенции, а в антагонизме, рождающем во мне враждебность к уважаемому викторианскому обществу и его идеологии. Я был оставлен без луча надежды и все же не прекратил писать мои романы, пока не замыслил пятую попытку особенно большого масштаба. И тут я обнаружил, что мне следует не говорить более, а подождать, пока мое образование не станет полнее и совершеннее. Я занялся критической журналистикой. И когда после интервала, заполненного ею, я вновь вернулся к писанию художественных вымыслов, я уже делал это не как романист, а как драматург.

Перевел с английского И. НАУМОВ.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

высокое зеркало... На прикроватной тумбе лежала книжка в красно-черной бумажной обложке. Франсуа Мориак «Клубок змей». Он бездумно полистал ее и бросил на место. Душещипательная книжка с завлекательным заголовком. Чтение для старцев с чистой совестью... «Клубок змей».

«А почему? А потому, что глаз положил на молодую...»

Нет, не хочет, не может он, Славка, этому поверить...

Но почему ему неприятно находиться в этой комнате, смотреть на эту кровать, на которой когда-то спала его мать, а потом должна была бы спать Анечка?.. И садиться по утрам к этому зеркалу... И мыться в ванне... И открывать кран и, может быть, догадываться, что бежит вода по той трубе, часть которой пошла на грузила для Сашки. Страшно думать об этом... Страшно.

Да, запоздалая отцовская любовь еще совсем недавно казалась ему только забавной... А теперь?

III. СЕТЬ

Он сидел в лодке. Посудина только скользила вдоль берега. Гребец едва касался веслами воды. Потной спине стало холодно, и он накиннул на плечи фуфайку. Просунул руки в рукава и окинул взглядом высокий берег. Лес закрывал небо. Пустынный, молчаливый в эти вечерние часы лес.

Тревожным казался ему в этот час лес. Тревожен

ВЫСТРЕЛ

Анатолий ЖАРЕНОВ

ПОВЕСТЬ

ПРОШЛОГО

Леснев-младший встал в половине девятого, дождавшись щелчка замка на входной двери. На столе в кухне белела записка: «В холодильнике есть колбаса». Он решил в холодильник не заглядывать, поискал кофе и вскипятил в литровой кастрюльке. Потом пошел бриться. Прежде чем включить бритву, внимательно всмотрелся в свое отражение. Чем-то оно ему не понравилось, но чем, он так и не понял. Делать ничего не хотелось. Вообще не было никаких желаний, все валилось из рук.

«Не бойся, не заржавеет», — сказал эта скотина Чуриков. Славка представил себе его опухшую, ухмыляющуюся рожу, заплывшие свинячьи глазки... Сволочь... И он должен верить этой сволочи?

Чуриков — пьяница, дубина и трепач. Но ботинки!.. Ботинки сушились на крыльце... Ночью шел дождь.

У Чурикова не заржавело.
«А почему? А потому, что глаз положил на молодую».

Совсем недавно Лесневу-младшему это казалось смешным. Трогательные стариковские ухаживания... Ванночка для Анечки... Теперь эта ванночка попадет в протоколы к Кириллову. Не к ней ли он подбирался, когда задавал свои странные вопросы? Этот его интерес к Нифонтову... Копание в прошлом их семей... Что же, неужели Кириллов думает, что Люськин отец дал его отцу наган?.. Какая-то чушь все это... Бред... Да, это бред... Но почему же он думает об отце как об убийце? Почему?

Он рывком открыл дверь спальни. Что он хотел там увидеть, он и сам толком не знал. Увидел широкую кровать, которая стояла здесь всегда... Всегда посреди комнаты... И платяной шкаф и

он был темнотой и чутким, каким-то осязаемым молчанием, которого не нарушал даже ветерок, то ли заснувший, то ли заколдованный тишиной. Неуютным выглядел этот вечерний лес, хотя и был он не велик и не страшен — пролегли сквозь него дорожки и тропы, а где-то совсем рядом притаился поселок; два километра всего, петух закричит — слышно.

А может, тем и страшен был лес, что все рядом: и дорога, и поселок, и люди... Главное — люди.

Но никто на него не глядел. И уезжать далеко в общем-то было не обязательно. Убийца просто трусил.

Он спустил весла и вынул из кармана ключи. Три ключа на кольце...

Подержал их недолго, подумал... И уронил в воду.

Ключи давно следовало выбросить, но он все не решался. Он думал, что ключи еще могут ему пригодиться... Потом понял, что это опасно...

Продолжение. Начало см. в №№ 7—9.

Ключам надлежало исчезнуть навсегда... Так, во всяком случае, он рассуждал.

В каждом сложном деле всегда возникают так называемые приходящие обстоятельства. В деле, которое вел Кириллов, таким обстоятельством ему казались ключи от сейфа. И чем глубже он зарывался в расследование, тем сомнительнее выглядела эта история с ключами. Они никак не вписывались в дело. Первая робкая Мишина версия о том, что ключи выкрал Мямлин, разрушилась от легкого прикосновения. Вторая попытка найти гвоздик, на который можно было бы повесить эти ключи, тоже ни к чему не привела. Миша обшарил с миноискателем на шее гектара два леса, нашел на полтинник мелочи, старый футляр от часов, немецкую каску и еще много металлолома, но ключей среди этих вещей не было. Да и быть не могло, решил Кириллов, потому что не представлял себе Анюту ни в амбула пособница преступления, ни даже в роли немой свидетельницы. Не представлял, не мог вообразить. И упорно отмахивался от сакраментального «всякое бывает».

Но все-таки Анюта ключи потеряла. Потеряла в ночь убийства...

Совпадение?

«Упадут — зазвенят», — сказал Миша. Чтобы ключи упали, надо открыть сумку. Надо ее перевернуть. Или что-то достать из нее. Но ведь зазвенят... Три ключа. Два больших — от сейфа, один поменьше — от стола. Упадут — зазвенят. Обязательно. И не заметить этого нельзя, просто невозможно.

И сама Анюта не помнит, где она могла их потерять.

Не помнит или не хочет говорить?..

Кириллов размышлял об этом, сидя на старом сосновом пне, неподалеку от болотца, в котором было найдено тело Мямлина. В половине шестого по тропинке, ведущей на Мызу, должна была пройти Анюта. Он ждал ее. Не потому, что намеревался организовать «нечаянную встречу». В этом не было необходимости. Так же как не было нужды допрашивать девушку. Просто есть вещи, о которых лучше всего говорить в неофициальной обстановке, без протоколов и столов, разбедняющих собеседников на того, кто спрашивает, и на того, кто отвечает. «Нюансики», как иногда скептически выражается один знакомый журналист. Но он, Степан Николаевич, давно уже приучил себя относиться к этим самым «нюансикам» с должным уважением.

На ней был фиолетовый плащик, на ногах — вишневы тфелы. Смуглое лицо казалось замкнутым. Она не выразила ни радости, ни досады, ни растерянности, увидев следователя; просто кивнула равнодушно и хотела пройти мимо, но он сказал, что нужно поговорить, и она остановилась. О чем она в этот момент подумала? Во всяком случае, не о ключах, потому что первые слова Кириллова о них ее удивили. Она не понимала, какое отношение может иметь такое незначительное, пустяковое событие, как утрата ключей, к тому, что случилось с Мямлиным, с Сашей, с парнем, которого она любила и которого потеряла. Ключи она тоже потеряла. Но эти две потери были несоизмеримы и, как она думала, не стояли в одном ряду. Она говорила об этом другими словами, но в конце концов неважно, какие слова мы употребляем, — важна мысль, а мысль была ясна... Ее, сказала Анюта, уже много раз спрашивали об этих ключах. Спрашивал Миша, спрашивали в конторе, да кто только не спрашивал... Просто она невезучая. И все Спишьны невезучие. Так уж им на роду написано — быть невезучей семьей...

— Вы преувеличиваете, — возразил Кириллов. — Надо реально смотреть на вещи.

— Но Сашу-то убили, — сказала она. Сказала как-то буднично, просто. И поглядела Степану Николаевичу в глаза. Поглядела спокойно. Только лицо сделалось вдруг каменным да побелели суставы пальцев, сжимавших ремешок сумочки. Трудно ей давалось спокойствие.

— Оставим это, — сказал он мягко. — Чтобы что-то понять, надо знать. А мы еще многого не знаем. Я хочу, чтобы вы помогли нам...

Пальцы ослабили хватку.

— Я ничего не знаю про эти ключи. Вечером клала их в сумку, а утром не нашла. Вот и все.

— Нет, не все. Давайте вспомним тот день.

Вспоминала, конечно, она, Кириллов только подбадривал ее наводящими вопросами.

В тот день не произошло ничего из ряда вон выходящего. Утром Анюту предупредили, что Евгений Васильевич уходит в отпуск. Она восприняла это известие без энтузиазма, но и не огорчилась особо. Так велось уже четвертый год: Выходцев уходил в отпуск, Анюта принимала у него кассу. Случалось, как и в этот раз, принимать кассу с деньгами. Выходцев сам ездил в банк, сам раздавал

зарплату. Анюта получала ключи в конце рабочего дня. Предварительно они пересчитывали остатки, Анюта, где надо, расписывалась; потом опечатывали сейф и шли по домам. В тот день она пришла в бухгалтерию в четыре часа. К пяти все формальности были завершены, и они втроем — главбух, кассир и Анюта — покинули контору. На крыльце уже сидел вахтер. Все, как обычно.

— Вы хорошо помните, что положили ключи в сумку?

— Да, сумка стояла на столе.

— Вы заперли сейф и опустили ключи в сумку?

— Да, Евгений Васильевич сам опечатал сейф.

— Где вы были в это время?

— Стояла рядом.

— А где был главбух?

— За своим столом.

— Никто из вас не выходил из помещения? Я имею в виду время от четырех до пяти.

— Нет.

— Кто-нибудь заходил в бухгалтерию в этот час?

— Нифонтов. Он что-то спросил у Андрея Сильча... Постоял в дверях и ушел.

— Постарайтесь вспомнить, что именно его интересовало.

— Он... Анюта задумалась на секунду. — Он спросил... Да, он спросил, долго ли мы будем сидеть в конторе. Ему надо было сходить за водой...

— За водой?

— Да. Он держал в руках чайник. Нифонтов, когда дежурит, всегда пьет чай.

Это Кириллову было известно.

— В комнату он не заходил?

— Нет. — Она стала догадываться, куда он клонит, и вздохнула, отрицательно покачивая головой.

— Хорошо, двинемся дальше. Вы вышли из конторы втроем...

Вышли и тут же разошлись в разные стороны. Выходцев повернул к своему дому, Андрей Сильч — к своему, а Анюта пошла в клуб. Мямлин был занят на сцене. Она посидела в зале, посмотрела, как идет репетиция. Потом ей захотелось есть. Столовая была уже закрыта на ремонт; она, зная это, сходилась в клубный буфет, съела там несколько бутербродов с сыром, выпила стакан какао. Нет, около нее никого не было... Да, сумочку она раскрывала — доставала деньги, но были ли там ключи, не помнит, не обратила внимания. Вынула из сумки кошелек, расплатилась и ушла. Саша уже сидел у себя в кабинете, читал какую-то бумажку. Нет, он ничего не сказал, сложил листок вчетверо, сунул во внутренний карман пиджака, улыбнулся Анюте, и они пошли смотреть кино. Во время сеанса сумку она держала на коленях. И когда они ушли из кино, сумка была у нее в руках. До самого дома...

Стоп. Бумажка во внутреннем кармане пиджака!.. Но ведь никаких бумажек, когда нашли тело, в карманах у Мямлина не было обнаружено. Документы были при нем, а бумажки не было. Нет.

— На что была похожа эта бумажка? На письмо? Или?..

Она этого не знала. Текст был машинописный. Но был ли этот листок бланком, или страничкой рукописи, или письмом, не смогла вспомнить. Да, жаль. Но все равно это был факт. Пока необъяснимый, но факт. Кириллов взял его на заметку, и они двинулись дальше.

Натурально и фигурально. Натурально они медленно шли по тропинке к Мызе, а фигурально снова подошли к конторе. На следующий день в девять утра Анюта вошла в комнату бухгалтерии, Андрей Сильч был уже на месте. В коридоре толпились грибовары, пришедшие за наличностью. Анюта открыла сумку, потом вытряхнула все ее содержимое на стол, потом растерянно взглянула на Андрея Сильча. «Невозможно представить», — сказал главбух, и они, теперь уже вдвоем, тщательно осмотрели сумку и то, что лежало на столе. Ключей не было.

— А печати?

— Печати были целы, но я все равно испугалась.

Андрей Сильч послал за Нифонтовым и стал меня успокаивать.

— За Нифонтовым?

— Да, он же слесарь.

— И он открыл сейф? Как он это делал?

— Не... Я не знаю... Он пришел сердитый. Выпил стакан воды, потом принес какие-то железки и открыл сейф.

— Быстро?

— Да. Через полчаса я уже отпустила грибоваров.

— Хороший слесарь ваш вахтер.

— Да, — сказала она. — Его всегда зовут на тонкие работы. Так, как он, никто не умеет...

— Почему же он вахтер?

Она кинула на Кириллова косой взгляд и ничего не сказала.

— В самом деле, почему? — повторил он.

Анюта вдруг резко остановилась и повернулась. Ее лицо снова окаменело. Черные цыганские глаза смотрели в упор.

— Так вы никогда не найдете убийцу, — бросила она презрительно.

— Ошибаетесь, Анна Семеновна, — спокойно возразил следователь. — Именно «так» мы его и найдем. И знаете что?.. Вы меня убедили.

Черные глаза потухли. Плечи безвольно опустились.

— В чем?

— В том, что ключи вы не теряли...

Отреагировала она точно так, как и ожидал Кириллов. Его слова оказались той самой каплей, которая переполнила чашу. То, что она старательно прятала от себя, о чем не хотела думать, выплеснулось наружу. Она ЗНАЛА, что не теряла ключи, она была уверена в этом. Но она не допускала мысли о том, что ключи мог вытащить из сумки ее Саша, парень, которого она любила и который, как ей казалось, любил ее. Когда она узнала, что он исчез, она подумала о ключах, но тут же отогнала эту мысль. Она ждала, что он напишет ей и все выяснится, все встанет на место. Но оказалось, что Мямлин убит. Она не имела понятия, нашли ключи или нет. Да она и не думала о ключах. Смерть Саши ошеломила ее, ни о чем другом она не могла думать. А потом вдруг пришел следователь и опять завел разговор о ключах. Сначала она ничего не поняла, потом сообразила, что ключи не найдены, и стала убеждать и Кириллова и себя в том, что смерть любимого и утрата ключей никак между собой не связаны. Кириллову потеря ключей тоже казалась приходящим обстоятельством. Однако по мере того, как беседа с Анютой продвигалась вперед, он стал сомневаться: а так ли это? Не закидывает ли он сеточку в пустой водомер, где, кроме ила и тины, нет ничего? А вдруг приходящие обстоятельства — это все то, в чем он так старательно копается, пытаясь связать прошлое с настоящим? А что, если эта история с выстрелом проста, как яйцо? Мямлин и Нифонтов... Первый шантажировал второго... Довел старика до отчаяния напоминаниями о его темной биографии, потом потребовал... Что он потребовал?.. Подвернулся случай — в кассе остались на ночь деньги. Ведь если бы Нифонтов пустил Мямлина в контору, произошла бы рядовая кража — не больше. Изъяв деньги, Мямлин опечатал бы снова сейф, поскольку все приспособления для этой операции лежали в ящике стола, ключ от которого был на связке, закрыл бы комнату бухгалтерии, а утром, встретив Анюту, сумел бы как-нибудь незаметно всунуть ключи в сумку. Доказывай, смугляночка, что твоей вины нет. Вахтер засвидетельствовал бы, что ночью посторонние к конторе не приближались. И вышел бы камуфлет. Но Нифонтов на это дело не пошел. Не выдержали у старика нервы, и он схватился за наган. Все остальное вписывалось в картину преступления. Чемодан — инсценировка. Примитивная инсценировка, продланная в спешке. Вот только трубки... Да и сам Мямлин. Не тот человек Мямлин, ох, не тот... И тем не менее... Ключи-то, похоже, все-таки выкрали. Анюта понимала это и молчала... «Мне он ничего не сказал».

И смотрела Анюта, как загнанная лошадь.

— Да, Анна Семеновна, вы убедили меня, — повторил Кириллов после некоторого молчания.

— Я не хотела в это верить, — призналась она наконец. — Просто уж я такая невезучая...

По всем правилам мелодрамы она должна была бы сейчас всплакнуть. Но глаза ее остались сухими.

— Вы и в Нифонтова не хотите верить, — заметил Кириллов. — Не так ли?

Она молча кивнула.

— Вы никого не хотите обвинять, — продолжал следователь. — Однако от факта ведь не спрячешься, Анна Семеновна. Был факт, и вы это знаете.

— Да, — согласилась она печально. — Я это знаю. Теперь ему предстояло переложить руль. И он сделал это.

— Но я не думаю, что ключи у вас выкрал Мямлин, — сказал Кириллов.

— Правда? — быстро спросила она.

— Годится, во всяком случае, как рабочее предположение. Теперь заглянем правде в глаза. Где у вас могли выкрасть ключи? Мы исключили Мямлина... Исключили ваш дом... Остается одно место — контора, комната бухгалтерии... И время — от четырех до пяти. Так или нет?

Она вздохнула и покачала головой.

— Этого не могло быть. Я ни на секунду не выходила из комнаты. И потом...

— О «потом», Анна Семеновна, придется думать мне. Я вас попрошу об одном: постарайтесь восстановить в памяти этот час. Все, что вы делали... Где стояли... На что смотрели... С кем говорили и о чем. И еще просьба — о нашем сегодняшнем разговоре никому ни полслова. Понимаете — никому. Не было этого разговора, не встречал я вас в лесу и ни о чем не спрашивал. Молчать вы умеете. — Он усмехнулся. — Полагаю, сейчас это умение пойдет на пользу делу...

Она ушла. А он, проводив взглядом фиолетовый плащик, вдруг подумал, что у нее изменилась походка. Легче, что ли, стала или увереннее? А может, ему это только показалось?

Мертвые ведь не возвращаются. Но он помог ей сбросить часть ноши с плеч. Она снова поверила в Мямлина. Мертвые не возвращаются; возвращается вера в человека, уходят прочь сомнения, и боль утихает.

Кто же из трех украл ключи?.. Выходцев?.. Леснев?.. Нифонтов?..

И зачем? Должен же быть в этом какой-то смысл...

Если, конечно, Анюта ключей не теряла.

Вторую бумагу от Хусаинова Кириллов получил на другой день после разговора с Анютой. И в тот же день Хусаинов позвонил в Нылку.

Бумага была пространной, с выдержками из протоколов судебных заседаний по делу валютчиков. Все, что касалось Ивонны Ильиничны Рузаевой, было изложено толково и подробно. Но Нифонтов действительно к этому делу не пристегивался. Да и само дело носило, если можно так выразиться, семейный характер. Фигурировали на процессе Рузаевой ее сын, жена сына и два брата этой самой жены. Братья служили в торговом флоте на Каспии, ходили в заграничье. Хранительницей «золотого запаса» выступала Ивонна Ильинична. На суде она заявила, что драгметалл (в основном червонцы) и некоторое количество ювелирных изделий (кольца, кулоны, браслеты и перстни) достались ей по наследству от мужа. Документально этот факт подтвержден не был, но суд этим и не интересовался особо. Экспертиза дала заключение, что драгоценности некраденые, и этого оказалось достаточно, чтобы признать их, так сказать, фамильными. На это, кстати, намекало и происхождение Рузаевой и ее социальное положение до семнадцатого года. Шайка действовала осторожно, с опаской. Драгоценности уплывали за границу, откуда братья-мариманы везли модную синтетику, а их жены сплавляли ее на черном рынке. Бизнес этот продолжался в течение четырех лет и оставался неразоблаченным так долго лишь потому, что все «дела» вершились в тесном семейном кругу. Но всему приходит конец: один из мариманов попался на глаза кому-то из команды своего судна в иранском порту в момент совершения сделки. И цепочка потянулась, зацепив мимоходом и Нифонтова, поскольку морячок оказался его близким знакомым, чуть ли не приятелем. К тому же Нифонтов был родом из тех же мест, где в свое время обреталась мадам Ивонна.

Мадам эта умерла четверть века назад — вскоре после процесса. А заинтересовался ею Кириллов по трем причинам. Во-первых, она родилась в Нальске и некоторое время жила в Нылке. Во-вторых, накануне войны она появлялась в Нальске. И в-третьих, среди драгоценностей, которые она еще не успела реализовать, значилась серебряная обложка от библии. В легенде о звонке с того света упоминались «золотые корочки», но легенды часто преувеличивают. А тут был факт, установленный экспертами и засвидетельствованный судом. Правда, Кириллов еще не знал, что с этим фактом делать, однако на размышления он наводил. И на довольно серьезные размышления.

Он дочитывал бумагу, когда позвонил Хусаинов.

— Ну как, Кириллов, — спросил он, — Хусаинов — хороший человек? Почта была?

— Была. Но кое-чего в ней не хватало.

— Знаю, потому и звоню. Тебе здорово нужна та, со шрамом?

— Не получается? — догадался Степан Николаевич.

— Не получается. Знаешь что, приезжай-ка ты сам, Кириллов. Сходим туда-сюда, молодые годы вспомним. Попроси командировку у прокурора.

— Слушай, Хусаинов. Мне без того шрама зарез! — отчаянно кричал в трубку Кириллов. — Уверенность мне нужна, понимаешь?

И сквозь треск и шумы услышал:

— Ладно. Отвлекаешь ты меня, но ладно. Сделаю твою попытку... Во имя дружбы народов.

— Спасибо, вот спасибо, — выпалил Степан Николаевич и после недолгого молчания произнес нерешительно, — и знаешь что...

— Что? — насторожился Хусаинов.

— Ты сам эти выборки читал?

— Копия перед носом...

— Там упомянут сын Рузаевой. Он жив?

— Точно-точно... И жена тоже...

— Метрика его нужна. Короче говоря, данные об отце.

— Данных нет...

— Откуда знаешь?

— Дело читал. Подсудимой Ивонне Ильиничне Рузаевой идентичный вопрос задавался на суде. Отвечать она на него отказалась. А ты молодец,

Кириллов. Глубоко роешь. Чего только выкопать хочешь? Клад, что ли?

— Кости, — ответил Степан Николаевич хмуро. И это было правдой.

Весь день Леснев-младший провалялся в постели с таким ощущением, словно его выпотрошили. Мир потускнел, потерял краски. Казалось, весь мир теперь помещался в голову, а голова была пуста, как футбольный мяч, из которого выпустили воздух. Так он чувствовал себя лишь однажды — когда умерла мать. Ему тогда было восемнадцать. В тот день он решил поступить в медицинский институт. В ту пору горького, безысходного отчаяния он находил утешение только в одном: в иступленной уверенности, что он что-то сможет, что-то такое, что до сих пор было не под силу другим, что он найдет средство справиться с той болезнью, от которой умерла мать, и с другими, перед которыми часто отступают врачи. Сегодня он понимал, как был глуп тогда в своей юношеской самонадеянности. Он и сейчас помнит то чувство ненависти, с каким слушал нылкинское терапевта; тот с умным видом втолковывал матери, что ее болезнь — пустяк, а перед отцом распространялся чуть ли не как поп, который, закатывая глаза, бормочет, что «все в руке божией». Трагедия заключалась в том, что болезнь была действительно пустяковой. Сейчас Славка знаком со статистикой и знает, сколько людей погибает от пустяковых болезней. Тут еще, правда, многое иногда зависит от личности самого больного, от того, на какую почву попадают вирусы.

...Чуриковский токсин излился на почву, подготовленную для посева. И случилось то, что должно было случиться.

Незадолго до прихода отца с работы Славка Леснев выгнал из холодильника бутылку водки, колбасу и какую-то соленую рыбку. Когда хлопнула входная дверь, в бутылке оставалась ровно одна треть содержимого. «Клубок змей», шевелившийся в его голове, приутих немного, мысли, казалось, обрели стройность, и он почувствовал себя готовым к ответственному разговору.

— Невозможно представить, — сказал отец, неодобрительно оглядев натюрморт с бутылкой, — что происходит?

— Об этом я должен спросить тебя, папа, — ответил Славка, наполняя стопку. — Я очень хочу знать, что происходит.

— Ты пьешь. Другого я не вижу. Поссорился с девушкой?

— Про девушку мы еще поговорим, — пообещал сын. — И вообще нам, кажется, надо поговорить по-мужски, без обиняков и экивоков. Ты не волнуйся, я не побегу никуда и не стану произносить жалкие слова. Просто я хочу понять... Может быть, после этого я уеду. Завтра, например.

Отец подсел к столу, повернул стопку и отодвинул ее от себя. Лицо у него было растерянным. И Славка увидел, что он сильно сдал за последнее время. Резче обозначились морщины у глаз, да и сам он как-то поблек, осунулся, обмяк. Но почему же он, сын, заметил это только сейчас? Да, он был занят Люськой, Люськой, Люськой... Отца видел урывками, обменивался с ним несколькими незначительными фразами по утрам, и на этом все кончалось.

Отец отодвинул стопку и выжидательно поглядел на сына.

А тот сказал:

— Хочу все знать...

— Невозможно представить. Ты пьян.

— Это следствие, — сказал сын. — Причина в тебе.

— Интересно, — пробормотал Андрей Силыч, постукивая кончиками пальцев по столешнице.

— Кто-то убил Мямлина, — сказал Славка. — Ты не знаешь, кто это сделал?

— Ах, вот что... Ходят слухи, что подозревают Нифонтова. Это тебя огорчает?

— Ходят другие слухи, — сказал сын. — Называют твоё имя.

— Что?

— То, что ты слышишь.

— Невозможно представить. Ты мой сын... Ты неглупый мальчик... Как ты мог подумать? Разве я похож на убийцу?

— На убийцах нет предупредительных надписей, — жестко сказал сын. — Почему тебя не возмущают мои слова?

— Потому что ты говоришь глупости. — Он вздохнул. — Трезвый ты бы этого не сказал...

— Не сказал бы, — признался Славка. — И сейчас мне не хочется верить... Понять надо...

— Я тоже хотел это понять. Ты правильно заметил, что на убийцах нет предупредительных надписей... Я... Я много думал об этом убийстве. Все так странно... Еще когда никто ничего не знал, когда этот мальчик просто куда-то исчез, я говорил с Евгением Васильевичем. Мальчик в последние дни вертелся возле нашей конторы. Со мной он только

раскланивался. Ты понимаешь, почему... Я считал, что он... Как бы это выразить?..

— К Анечке бегал, — безжалостно изрек сын, пренебрегая дипломатией.

— Пусть так. Но тут было и что-то другое. Он уединялся со Спицкими; слышал я, что он раза два о чем-то говорил с Нифонтовым. Старик после этих разговоров чувствовал себя не в своей тарелке. Мямлин определенно стремился что-то выяснить. И когда он вдруг таинственно исчез, я заподозрил неладное. И пошел к Евгению Васильевичу. Мямлин ведь и ему надоедал. Выходцев подтвердил мои опасения. Мямлин явно раскапывал старую историю, касавшуюся семьи Спицких. Вот тебе прическа.

— А сказка? — спросил Славка, ничего еще не понимая.

— Страшная это сказка... Невозможно представить... Семен Спицкий весной помогал мне оборудовать ванну. Умелец он не ахти какой, с автомобилем обращался по-дилетантски, поэтому осталось много обрезков труб. Они валялись во дворе дней десять. Потом я попросил Семёна убрать их, и он погрузил железо на телегу и куда-то отвез.

Славка смотрел на отца во все глаза.

— И эти трубки?..

— Да, эти трубки нашли вместе с телом Мямлина, — сказал он. — Невозможно представить.

— Ну и сволочь, — сказал сын.

— Кто?

— Чуриков. — Славка даже засмеялся. — Ведь это он треплется про тебя.

Отец вздохнул и пожал плечами. А на Леснева-младшего вдруг снизошло прозрение. Какой же он идиот! Только болвану могла взбрести в голову мысль, что убийца будет прицеплять к телу жертвы свою визитную карточку.

Славка налил стопку и выпил ее одним духом. Мир расцветал на глазах. Про ботинки, которые сушились когда-то на колышках, он уже не думал. Он был рад. Ох, как он был рад... Но это была злая радость, в ней было предвкушение отмщения за страдания, которые он испытывал в течение этого долгого-долгого дня. Ему стало тесно в доме, он вспомнил про Люську, про то, что сегодня еще не видел ее... Он выскочил из-за стола, накинул пиджак...

И побежал навстречу своей судьбе...

Переговорив с Хусаиновым, Кириллов тут же заказал Нальск и попросил подготовить сведения о пребывании в городе в военные и предвоенные годы Ивонны Рузаевой. Просьба эта энтузиазма у товарищей в Нальске не вызвала, но дело есть дело, и в конце концов они договорились. Потом Кириллов принял трех доброхотов, которые сообщили о своих соображениях относительно личности преступника. Соображения носили преимущественно эмоциональный характер и касались «иродова семейства».

Степан Николаевич внимательно выслушал все. Хотя сам он имел на этот счет иные соображения. В одиннадцать пришел Миша с докладом о том, что со стариком Нифонтовым за ночь ничего существенного не произошло. Выкурив сигарету, Миша сказал, что на ужин у них сегодня утка с клюквой и что Наталья Ивановна просила быть обязательно. Кириллов отказываться не стал. Пряники, правда, были уже исключены из рациона, однако и клубный буфет, к которому он пристроился, не больно радовал разносолами.

А колесо следствия крутилось, и остановки в ближайшие дни не предвиделось. Следователь накапывал факты и наизывал их по мере поступления на нить, которую мысленно протянул от Мызы предреволюционных лет к детдому, а от него — к Мямлину. Интуитивно он ощущал существование внутренних связей между такими, казалось бы, далекими и разновременными событиями, какими являлись бегство Ивонны Рузаевой накануне семнадцатого года с Мызы и убийство наивного паренька более чем через полвека после этого бегства. Конечно, в умозрительных построениях Кириллова зияло много прорех в узловых пунктах. Он их отлично видел. Имелись такие факты, которые вступали в противоречие со схемой. Однако все это не было главным, Кириллов давно уже пытался выйти на след Мямлина. Он упорно искал ту точку, из которой краевед-любитель отправился в свой трагический путь. Искал и не находил. Не с Анюты же все началось! К Анюте парень пришел уже с какими-то готовыми данными на руках. То, что у них возникло взаимное влечение, было прихотливым обстоятельством, не больше. И Гришу-дурачка Мямлин заметил позже. Попытки понять поведение Гриши намекали на то, что Мямлин, как говорится, хватался за соломинку, что он искал и не мог найти аргументы, которые подтвердили бы имеющиеся у него исходные данные. Возможно, он даже не сознавал истинного значения этих данных. Но

преступника он перекупал. И вот сейчас Кириллов опасался, что преступнику удалось уничтожить какую-то главную и единственную улику, без которой грош цена всему расследованию. Но на логических построениях далеко не уедешь. Нужны прямые указания, нужны доказательства. Таким доказательством могла бы быть рукопись, но она утрачена, а тот экземпляр, который был найден в чемодане, ответа на вопрос не давал. Не давали ответа и биографии фигурантов.

В поле зрения следствия прочно удерживались три лица — Нифонтов, Леснев и Выходцев. На первого указывали как вещественные доказательства, так и кое-какие детали биографии. Во второго — некоторые странности поведения. Третий оказался в Баку как раз тогда, когда там шел процесс валютчиков. Он же видел женщину со шрамом и утверждал, что она и есть Анна Тимофеевна Спицына. А Нифонтов называл другое имя. Это, конечно, могло быть и совпадением. А возможно, кто-то из них лгал. И, наконец, все трое были в конторе, когда у Анюты выкрали ключи. Если, конечно, их выкрали. И если эти ключи имели какое-то отношение к делу...

Размышляя об этом, Кириллов держал путь к конторе.

В комнате бухгалтерии мебели было немного — два стола, сейф в углу у двери, тумбочка с телефоном и небольшое зеркало на стене. Когда Кириллов вошел, Андрей Сильч щелкал на счетах, Анюта листала какие-то ведомости. Андрей Сильч поздоровался церемонно, Анюта — несколько смущенно. Затем Андрей Сильч на правах начальника осведомился, чем он может служить Степану Николаевичу. Степан Николаевич сказал, что хотел бы взглянуть на содержимое сейфа. Главбух бросил испуганный взгляд на Анюту, но Кириллов его успокоил, заметив, что это даже не формальность, что никаких протоколов и актов он составлять не собирается.

— Вы мне просто покажите, что там хранится, — сказал он.

Там хранились ведомости, чековые книжки, бланки поручений, печать, штемпельная подушечка, жестянка с мелочью, рублей на триста ассигнаций, бутылочка с темной жидкостью и... сборник стихов нальских поэтов — тоненькая книжечка в яркой желтой обложке.

— Это Сашина книга, — тихо заметила Анюта.

— А как она здесь очутилась?

— Я принесла, — сказала Анюта.

— Любите стихи? — вежливо поинтересовался Кириллов, перелистывая книгу.

— Не знаю. Просто взяла почитать. В тот день принесла с собой...

Андрей Сильч замер над счетами. Кириллов это уловил и тоже насторожился, хотя совершенно ничего не понимал. Ну, принесла Анюта книжку и оставила в сейфе. Сборник стихов... Принесла и оставила...

Книга как книга. Ничего в ней особенного. Стишки... Про березки да сосны... Журавлиные поля. «Хотел бы я потоком быть...» И название придумали — «Зеленое раздолье».

Стихов в сборнике было штук шестьдесят. Кириллов прочитал их все. Потом уселся поудобнее на табуретку и прочитал еще раз.

— Нравятся? — застенчиво спросила Анюта, когда он возвратил книгу. — Саша говорил, что там есть хорошие.

— Угу, — пробормотал Степан Николаевич. — Люблю, знаете ли, про природу. «Хотел бы я потоком быть...»

Андрей Сильч фыркнул и спрятал лицо в носовой платок. Кириллов решил не открывать литературного диспута и откланялся, оставив аудиторию в некотором недоумении. Сам он тоже пребывал в недоумении, хотя одна странная мыслишка и запахла в голову после ознакомления с творчеством местных поэтов. Она, собственно, творчества не касалась. Касалась она ключей. Но была эта мыслишка весьма неопределенной, нечеткой какой-то. Ее надо было обкатать, обмять, вогнать в форму.

Случайный фактор... Вы идете в кино, покупаете билет и, войдя в зал, обнаруживаете, что на вашем месте сидит человек. Вы вежливо или не очень предлагаете ему убраться, а он показывает вам билет на тот же сеанс, ряд и место, что и у вас. Случайный фактор... Есть вещи, которые нельзя предусмотреть. Они врываются неожиданно и, бывает, сводят на нет наши усилия, ломают наши планы. Не были ли ключи этим самым случайным фактором? Не хранил ли Выходцев в сейфе что-то такое, что могло бы навести на след преступника? И когда он сдавал дела, это что-то попало на глаза... Кому? Лесневу?... Нифонтову?

А может, эта книжка — случайный фактор? Тогда почему она осталась в сейфе?

Продолжение следует.

НОВОЕ ИМЯ

Алексей СОФРОНОВ

Ромашки

Когда марсиане
сядут на нашу планету,
вездесущие дети
им преподнесут по букету цветов —
полевых ромашек.

Марсиане уткнут свои лица
в таинственный запах букета
и не заметят при этом,
что одна из их спутниц
вытащила тайком стебелек,
отошла в сторону и стала
срывать лепестки:

«Любит...

не любит...

любит...»

Мороженое

В руках детей веселое мороженое.
Оно так быстро тает во рту,
не успевая растаять на солнце!
...Я вышел на Сретенку
со стихотворением этим.

Дети...

дети...

Вы ждете его от меня,
но мое слово застряло в горле,
не доходя до вас.
На кремовых, белых стаканчиках,
покрытых инеем,
лежит летний жар солнца,
а во рту сладость зимняя.
Чем не стихи!..

Наталья СУРКОВА

Дождь линует окна.
Молния рвет небо.
Гром оглушает землю.
Гроза.

Гневно режут деревья.
Парусом вздуты шторы.
Припали к земле березы.
Ветер.

Небо приплюснуто к крышам.
В дверь барабанит ливень.
Грязь по траве разлита.
Август.

Зелень к земле пририта.
Ветер морщит лужи.
Буйно алеет рябина.
Вечер.

Град раздирает чащу,
Падают наземь листья.
Согнуты в лук осины.
Осень подходит ближе.

Алексей Софронов делает первые шаги в поэзии. Он пишет свое заветное. В стихах молодого поэта подкупает искренность и та сердечная интонация, которая всегда волнует читателя.

Дорога в большую поэзию трудна. Хочется верить, что Алексей Софронов ее осилит. Искренне желаю ему требовательности в работе над словом и успеха в поиске своей темы.

Владимир ФИРСОВ,
лауреат премии Ленинского
комсомола и Государственной
премии РСФСР имени
Горького

Звонит струна в сердце...
Случайный взгляд тронул
мою потайную струну.
Тронул и ускользнул.
А струна все звонит...

Кладбище в Переделкино

Осенним утром уехал я от себя туда,
где начало моей юности...

Около асфальтовой, крутой дороги,
спускающейся к полю,
глядят на меня кладбищенские обелиски.
Там спят вечным сном бабушка и дедушка.
...Вот изгородь. Я сел на скамейку.
— Здравствуйте, бабуля и деда...

Я пришел.

Помните...

Тихо. Тихое воспоминание...

— Помню...

Прошелстела память.

Первая любовь...

Как похожа она на переделкинскую
извилистую дорогу,
которая ведет со станции к тихому
кладбищу,
дорогу, трудную даже для опытных
шоферов...

Падал снег.
Облака умиралы стоя,
снегом ложась на поля до весны.
Приснилось мне белое дерево,
одинокое белое дерево
еще не открытой мечты...

Познай себя, твердит нам древний мир,
И не волнуй других, пока ты сам себе не ясен.
Пусть будет поиск долгим и опасен,
Познав себя, ты обретешь других.
Пока ты ищешь — не давай зарокон,
Не обещай, чего не можешь дать.
Как сможешь ты себя всего отдать,
Не зная, что от жизни хочешь?

В мои глаза вошел ты солнцем,
Трепещущий и теплый мир.
Не ослепил меня, а сделал зрячей,
Не сжег, а светом радужным залил.
Я от тебя ладонью не прикроюсь.
А и прикроюсь — много ль проку в том?
Сквозь пальцы ты пройдешь.
Умоюсь
Твоим живительным дождем.

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Лауреат из Ханоя

В Вене на торжественной церемонии вручения призов 18-й Международной олимпиады юных математиков всеобщее внимание привлекла семнадцатилетняя вьетнамская девушка в светлоголубом платье. То была Нгуен Тхи Тхиеу Хоа, одна из двух девушек, удостоенных наград. Вторая — Татьяна Хованова из Советского Союза. В олимпиаде принимали участие свыше ста сорока школьников из девятнадцати стран. Под гром аплодисментов профессор Хлавна, председатель жюри, вручил Хоа второй приз и серебряную медаль на бело-красной ленте.

Хоа поступила в подготовительный класс, когда началась эскалация американских бомбардировок ДРВ. Вместе со своими сверстниками девочка была эвакуирована в сельские районы. И хотя жили и учились дети в очень

трудных условиях, Хоа занималась с увлечением.

После победы школьники вернулись в Ханой, Хоа проверяет свои силы, решая сложные задачи, которые предлагаются на математических олимпиадах московским школьникам. Потом она поступила в математическую школу при Ханойском университете. Там она получает только «десятки», то есть отличные оценки. Хоа — комсомолка, талантливая участница художественной самодеятельности, она охотно помогает своим одноклассникам.

Социалистическая школа дала Хоа крылья, и девушка стремится выполнить завет Хо Ши Мина молодежи — «как можно быстрее достичь вершин знаний в науке и технике».

«ВЬЕТНАМ ЮФ», СРВ

ЗАЖИГАЛКА- РЕЛИКВИЯ

«Один, два, три...» Последний удар молотка из слоновой кости засвидетельствовал, что настольная газовая зажигалка марки «Ронсон» перешла к новому владельцу за головокруглительную сумму 26 тысяч франков. Эта сумма оказалась самой высокой на аукционе, проводившемся недавно с благотворительной целью во французском городе Лангр. Такая цена никого из присутствующих особенно не удивила — ведь зажигалка в свое время принадлежала президенту Франции генералу Шарлю де Голлю. Впрочем, в последние годы жизни президент почти не пользовался ею, так как за несколько лет до смерти бросил курить. К проданной на аукционе зажигалке было приложено нотариально заверенное свидетельство госпожи де Голль о том, что вещь действительно принадлежала ее покойному мужу. Полученные на аукционе средства будут направлены на научные исследования по борьбе с раковыми заболеваниями.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ЛЕТАЮЩИЙ ВЕЛОСИПЕД

Этот летательный аппарат с размахом крыльев в двадцать один метр склеен из дерева и бумаги. Его вес — тридцать семь килограммов. Двигатель японские конструкторы заменили... велосипедными педалями.

Во время испытаний молодой японец Такаси Като пролетел за четыре минуты двадцать семь секунд два километра девяносто три метра. Тем самым он улучшил прежний мировой рекорд мускульных полетов, более десятилетия принадлежавший англичанам. Однако, по словам самого Като, он еще далек от конечной цели — завоевать приз, обещанный английским миллионером Клэмером тому, кто первым пролетит восемьсот метров по маршруту, имеющему форму латинской буквы «S». Клэмер специально усложнил задачу, зная, как трудно поворачивать на хрупком мускулолете.

«ЮМАНИТЕ ДИМАНШ»,
ФРАНЦИЯ

ВЕРТОЛЕТ...— ОБЪЕКТ КУЛЬТА

Несколько лет назад экспедиция ученых обнаружила в глубине джунглей бразильского штата Мату-Гросу небольшое племя индейцев, находящееся на неолитическом уровне культуры. Понятно, подобный социальный реликт вызвал особый интерес в научных кругах. Многие исследователи решили провести некоторое время среди членов племени, чтобы изучить их обычаи, образ жизни и язык. К сожалению, эти попытки не увенчались успехом. Индейцы укрылись в джунглях и искусно уклонялись от встречи с цивилизованными людьми. О загадочном племени постепенно стали забывать. Но вот новая экспедиция, проникающая в глубь лесов, к радости этнографов, снова обнаружила неолитическое племя. Двум специалистам удалось приблизиться и завязать контакт с индейцами. Многие у индейцев повергло их в изумление, в частности, то, что члены племени поклонялись странному божеству, изображение которого, вылепленное из глины, напоминало... вертолет. Божеством действительно был вертолет предыдущих экспедиций, появление которого члены племени сочли за очевидное присутствие сверхъестественных сил.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Что может быть проще и одновременно изысканнее, чем вышивка! Что может быть прекраснее этого поистине народного искусства, истоки которого уходят в глубь веков!

Творчество простых людей Кипра, крестьян и ремесленников этого многострадального острова, известно, к сожалению, немногим. А ведь до нас дошло немало подлинных шедевров художников-самоучек, шедевров, созданных с помощью резца или иглолки с ниткой. В наше время, когда народному искусству и традиционным ремеслам приходится выдерживать натиск могучей индустрии, соперничая с «красотой», поставленной на поток, знакомство с образцами самобытного творчества жителей разных районов Кипра может напомнить о вековых традициях родины, о неиссякаемом роднике щедрых талантов. Мы надеемся, что изучение достижений наших предков позволит сохранить для потомков прекрасное искусство, которое одухотворяет жизнь народа.

«САЙПРЕС ТУДЕЙ», КИПР

ИНДИЯ: ТЫСЯЧИ ЛИЦ

Краски этого портрета невообразимо пестры и чрезвычайно многообразны. В портрете явственно ощущаются голоса жизни, он очень земной, реальный, близкий нам и в то же время возвышенный и романтический. В нем свежесть нежно-зеленых побегов риса, торжествующие цвета шафрана, румянец невест, тихий, едва угадываемый перезвон изысканных украшений из золота и серебра, ослепительная радуга шумных базаров.

Подготовленный Индийской корпорацией развития туризма альбом включает работы лучших фотографов стран и являет собой портрет той поистине неисчерпаемой Индии, у которой тысячи лиц. Индии, сегодняшней и уходящей в века. Индии, верной традициям и устремленной в будущее.

«ИЛЛЮСТРЕЙТЕД УИКЛИ
ОФ ИНДИЯ», ИНДИЯ

ПЛАВУЧИЙ МУЗЕЙ

Земснаряд номер 209 будапештского водорегулирующего предприятия ничем не отличается от остальных — он ходит по Дунаю, очищает и углубляет его русло. Однако благодаря своему капитану Иштвану Сабо этот земснаряд пользуется широкой известностью. В его каюте располагается интересная выставка старинных пушечных ядер, мечей, кинжалов, шпор... Все эти предметы извлечены земснарядом со дна Дуная. Иштван Сабо собирает их уже 15 лет. На берегах реки часто происходили кровавые битвы, и не удивительно, что оружие порой вместе с владельцем попадало на дно, где его заносили песок и ил. Некоторые находки Иштвана Сабо представляют большую историческую ценность. Тридцать девять из них уже пополнили собрания будапештских Военно-исторического и Национального музеев.

«НИН», ЮГОСЛАВИЯ

СКУЛЬПТУРА И КОМПЬЮТЕР

Человек сидит в небольшой, ярко освещенной студии, где на него направляют восемь телевизионных камер. Но изображение передается вовсе не на телеэкран, а компьютеру, который обрабатывает полученные сигналы и, в свою очередь, подает команду рабочему резцу. За несколько минут компьютер изготавливает бюст человека в трех измерениях, с мельчайшими подробностями и из любого материала.

Работа-скульптора создали специалисты американской электронной фирмы «Дайнелл». Разработка его обошлась в 2,3 миллиона долларов. «Твердая фотография», как назвали новый метод, не ограничивается производством одной-единственной копии. Можно изготовить столько экземпляров, сколько необходимо, в увеличенном или уменьшенном виде.

По мнению президента фирмы, твердая фотография может быть предоставлена в распоряжение публики в небольших студиях, где каждый может заказать свой скульптурный портрет за 200 долларов.

Однако, по мнению специалистов, еще большие возможности открыва-

ет новый метод в качестве основы для полностью автоматизированного производства различных инструментов.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

ЖИВОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Хотя комментарии и рассуждения американской печати говорят о «постепенно улучшающейся экономической ситуации» в стране, огромная армия безработных в США этого улучшения не ощущает. Когда в какой-нибудь газете появляется объявление о вакантном рабочем месте, на него откликаются сотни безработных, но принимают, увы, одного-двух. Неудивительно, что те, кто ищет место, изобретают различные уловки в надежде получить работу. Подруга молодого безработного из Нью-Йорка Лин Левитц придумала следующее. Ежедневно она приводит своего приятеля Ричарда Барраклу в один из самых оживленных кварталов Нью-Йорка, ставит его на возвышенное место и раздает прохожим листки, гово-

ря: «Это Ричард Барраклу. Он уже несколько месяцев без работы. В рекламе, которую вы получили от меня, содержится подробные сведения о его образовании, способностях и знаниях. Это исключительный человек и работник. Поговорите с ним, и вы убедитесь в этом сами».

Оригинальная идея не осталась незамеченной: ежедневно около живого объявления останавливаются люди, берут рекламные листки, читают их, некоторые вступают в разговор с Ричардом, но дальше этого дело не идет. Несмотря на столь оригинальную рекламу, Ричарду Барраклу так и не удается получить работу.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ВЕРНУТЬ ЦВЕТА ОРИГИНАЛА

Когда Ганс Новак собирается сделать копию картины Рембрандта, он запасается дожиной яиц, фунтом масла и фунтом сухого сыра. Смесью этих продуктов он покрывает холст и только потом кладет мастихином краску.

Пятидесятичетырехлетний художник из Нижней Саксонии зарекомендовал себя новым, так сказать, современным «старым мастером», поскольку цель его усилий — показать, как выглядели ра-

боты великих живописцев прошлого в тот момент, когда их писали. Он говорит, что реставраторы, работавшие над восстановлением полотна Рембрандта «Ночной дозор», которое хранится в амстердамском Рейксмузее, превратили картину в дневной дозор, ибо обесцветили краски, которые выбирал великий мастер, создавая свой шедевр.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

К ЧЕМУ ВЕДУТ ОТЧАЯНИЕ И БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Инстинкт самосохранения считается одним из тех основополагающих принципов, что определяют самое бытие человека. И именно потому самоубийство представляется нам едва ли не самым загадочным поступком, понять который порой просто невозможно.

Недавнее изучение трехсот восьмидесяти четырех случаев совершения попытки самоубийства в какой-то мере может помочь решению этой загадки. Как показало обследование, проведенное вра-

чами из Пенсильвании, решающую роль играют ощущения безнадежности и безвыходности положения, в котором очутился человек. Потерпев несколько неудач и не чувствуя поддержки, он с течением времени превращается в разуверившегося во всем пессимиста и уже заранее внутренне готов к провалу, которым окончится любая его попытка выбраться из засасывающей его трясины.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

ОПАСНЫЕ РЕКОРДЫ

Одиннадцатилетний английский школьник Рой Брэдли-Диксон, несмотря на свой возраст, проявил незаурядное хладнокровие и смелость. Он «запряг» пару быстрых коней в... парашют, закрепленный на длинном канате. Перемещая парашют против воздуха, кони подняли его в воздух вместе с мальчиком. Рекордная высота полета составила 300 метров. Когда кони замедлили бег, мальчик с прикрепленным к спине парашютом плавно опустился на землю. Тренером маленького парашютиста-воздухоплователя был его собственный отец.

Но если описанное изобретение предлагает приятное и почти безопасное развлечение, то номер канадца Рика Ройта бросает в дрожь. На аэродроме на глазах тысяч зрителей, любителей острых ощущений,

он совершил необычный полет на корпусе реактивного самолета «ДС-8». Облаченный в специальный красно-белый комбинезон, смельчак в продолжение 15 минут выдерживал огромное давление, которое возникало при полете со скоростью 480 км/час. Недавно сообщалось о полете другого «человека-птицы», однако его достижение было скромнее: «всего» 300 км/час.

Канадец намеревается продемонстрировать еще ряд номеров «смерти», в частности прыжок с 600-метровой высоты в бассейн глубиной 6 метров и полет на корпусе реактивного самолета, движущегося со скоростью 800 км/час.

К чему только не приводит погоня за сенсационностью!

«ПАНОРАМА», ПОЛЬША

ЖЕНЩИНА — СУЩЕСТВО БЕСЦЕННОЕ

— Дайте мне тридцать миллионов франков, и я вам сделаю человека, — заявил швейцарский химик Петер Итен, ассистент Цюрихского университета. Итен не пошел по стопам легендарного доктора Франкенштейна, который из различных подручных материалов сконструировал живое чудовище. Он ограничился подсчетами.

Итак, для одного среднестатистического представителя вида homo sapiens цифры выглядят так: 40 килограммов кислорода, 20 килограммов углерода, 7 килограммов водорода, 3 килограмма азота, 2 килограмма кальция и 1 килограмм фосфора. Ну и, естественно, понемножку натрия, железа, серы и т. д. Все это, впрочем,

стоит недорого. Главная же тяжесть расходов падает на те малые по весу субстанции, которые способны оживить бездушный водород и азот, например, на альбумин. Все вместе эти дорогостоящие вещества и образуют столь головокружительную цифру. Цифра эта, впрочем, относится к мужчине. Женщина же «в химическом отношении» поистине не имеет цены! Ее организм вырабатывает гораздо более сложные и дорогостоящие вещества. Так, например, только один грамм вещества, стимулирующего образование молока, стоит 88 миллионов франков.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении

В класс новой московской школы вошла черная девочка и отрекомендовалась по-русски, с трудом выговаривая слова:

— Я есть африканка... Меня имя зовут Катюша... Катюша,— поправились она и добавила:— Яблоки и груши...

Ребята выбежали здороваться с ней, и она протягивала обе руки, то одной паре, то другой.

— Выбери, Катюша, место,— попросил ее староста класса.

— Она сядет со мной, потому что я тоже Катя,— стала настаивать шустрая белокурая школьница.

— Хорошо,— отозвалась черная девочка, и ей было освобождено место рядом с Катей.

Так радостно началось знакомство, а продолжилось оно хуже. Черная Катюша знала немало русских слов, и ее понимали, она же с трудом понимала русские слова.

— Мне хорошо уметь говорить, а слушайте мне очень темно.

И всем стало ясно, что Катюше нужна помощь, и все решили, что этим займется отличница из отличниц Надя Куркина по прозвищу «Фигуркина».

Надя с огромной радостью взялась помогать Катюше и ввела ее в свою семью. Все африканку приняли в семье Куркиных так, словно она была с ними знакома давно.

Помогать Катюше было легко и трудно. Легко, потому что она была очень одаренной девочкой. А трудность заключалась в языке.

Без него и самый легкий урок не поймешь. А

говорили о ней, всегда замечали ее... Но... Без «но» здесь не обойтись.

Но, замечая заслуги Нади, не обращали внимания на то, что Надя все чаще и чаще вместо обычных для нее пятерок получала четверки, а за ними и тройки. После того, как Надя получила первую двойку, заговорили не только в ее классе.

В чем дело? Как это могло случиться?

Да очень просто... Математика легко давалась Катюше, она нередко в уме решала то, что высчитывалось остальными в тетрадях или на доске. Отличная слуховая память позволяла африканке заучивать с Надиного голоса и те стихи, слова которых Катюша не всегда точно понимала. А иногда Катюша говорила голосом Надиной бабушки и даже шамкала там, где это делала бабушка.

А Надя, увлеченная успехами Катюши, отдавала ей всю себя, все свое время и не огорчалась своими тройками и двойками! Пусть это плохо, зато Катюша выступила по телевизору и так прекрасно прочла бессмертные стихи:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный:

К нему не зарастет народная тропа...

что сидящие в зрительном зале и показанные на экране замерли, глядя на кудрявую африканку, чем-то отдаленно похожую на мальчика Пушкина.

Катюша читала, часто подымая вверх правую руку, и тем самым еще больше напоминала известную картину, на которой юный лицеист читает на экзамене стихи перед крупнейшим поэтом того времени Державиным.

Надина бабушка плакала у телевизора, когда с точностью до полутоника Катюша вдохновенно отчеканивала каждое слово:

ской чуткости даже в мелочах... А мелочи нередко спасали жизни... Надя, пожалуйста, выйди из класса вместе со своей подругой, опередившей тебя в успехах.

Надя покорно выполнила требуемое. Речь продолжилась:

— Если бы вы были моими ровесниками, я бы нашла для вас каленные слова. Но вы еще юны и многого не понимаете. Но все же скажу, что вы чем-то похожи на тех, кто, стоя на берегу, аплодирует выбивающемуся из сил пловцу, который спасает тонущего. И ободряет обессилевшего спасителя громкими восклицаниями и восторгами вместо того, чтобы самим броситься в воду и трудное спасение сделать легким и безопасным.

Она снова отпила несколько глотков и снова заговорила:

— Да я и не имею права,— повторила она,— называть вас словами, которые вы заслужили. Эти справедливые и беспощадные слова, которые теперь не только у меня, но и, наверно, у вас готовы сорваться с языка. Произнесите же их, не произнося вслух... И мы на этом закончим разговор...

Она, седая, властная, с горящими глазами, помолчав несколько минут, сказала классу:

— Садитесь!

Класс продолжал стоять.

— Садитесь же! Я вижу, я знаю, что сейчас произошло и еще происходит в ваших душах. Поэтому не будем выносить никаких постановлений и решений о том, чтобы обе они— черная и белая сестры— были отличницами... И чтобы,— добавила она еще мягче,— на соревнованиях по фигурному катанию Надя снова украсила своими победами нашу школу... Если не в этом, так в том году... Фигурное катание тоже заслуживает внимания, тем более что оно бывает по-разному фигурным как на льду, так и в некоторых, пусть далеко не ледяных и даже не холодных, но все же не излишне пылких, не очень заботливых и чутких сердцах...

обучить языку не так просто. Особенно когда обучающий не знает язык обучаемого. И Надя решила заняться Катюшиным языком.

— О, это ты, Надя, тебе надо голос сломай,— противилась Катюша и как могла объяснила, что ее народ маленький, а слов у него много-много, но еще нет букв и словаря.

И все же Надя занялась Катюшиным языком. Показывала на стул и спрашивала: «Что это?» Африканка отвечала, а иногда записывала русскими буквами свои родные слова. И вскоре не только Надя, но и ее бабушка стали разговаривать на смешанном и смешном языке. Плохо и очень плохо, но все же понятно.

Катя и ее бабушка изобрели способ разговора с показыванием, с действием. Бабушка или Катя говорили медленно, чуть ли не нараспев: «Я пью воду из стакана». Они пили воду из стакана, затем просили это же самое повторить Катюшу, и она повторяла по несколько раз, добиваясь точности произношения слов.

Говорить медленно и понятно входило в привычку Надиной семье.

Очень много времени тратила Надя, чтобы приучить Катю слушать и понимать русские слова. У Нади и у Катюши оказалось две школы, двойные уроки, в классе и дома.

Исключительно хороший слух помогал африканке овладевать нелегким для нее русским языком. И, читая вслух, она усваивала самое трудное— правильное звучание фраз. Африканка, щеголяя русской речью, поражала учителей и учеников.

Все по справедливости прославляли Надю, писали о ней хвалебные заметки, дарили ее вниманием и превозносили до небес, особенно после того, как африканка стала отличницей. Это уже было настоящим чудом, замеченным и за пределами школы.

Надя ходила чуть ли не в героинях. Все знали,

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...*

В голосе Катюши бабушка слышала и внучкин голосок...

Катюша получила много множество писем из разных уголков нашей страны, а Надя Куркина получила две двойки и одно письмо. В письме сообщалось, что она отчислена из школы фигурного катания за непосещение занятий...

Вот тут-то и началось все то, что не могло не начаться.

Двойками Нади Куркиной занялась директор школы. Ею была седая женщина, бывшая партизанка, очень строгая и очень чуткая глава школы. Она осторожно и подробно узнала, что стоили Наде успехи прославившейся Катюши.

Оказалось, что Надя рассталась ради Катюши с катком и любимейшим фигурным катанием. Наде часто приходилось ложиться спать после полуночи. Она не могла, не успевала выполнять заданное на дом. Писала наспех сочинения. С ошибками решала задачи. Невыспавшейся, ей трудно было бороться со сном в классе.

Директор школы, узнав обо всем этом, тщательно подготовилась к встрече с Надиным классом.

И вот она, всегда уравновешенная, умеющая держать себя в руках, вошла в класс заметно взволнованной.

Класс встал. Она не сказала, как всегда, «садитесь» и начала так:

— Мне стыдно за ваши хвалебные, хотя и справедливые заметки в стенной газете... Мне стыдно за вас. Что стоят ваши лестные, кудрявые похвалы...

Она отпила несколько глотков воды, и ее речь снова зазвучала перед замершим, слушающим стоя классом.

— Я прошла войну. Я знаю цену и силу челове-

о, что я расскажу, кому-то из вас может показаться сказкой. А это правда. Самая настоящая правда, и она так прекрасна и так, я бы сказал, волшебна, что и мне самому кажется сказкой. Но это ничего не изменяет... Вы уж сами решите, что это... Да и не все ли равно, что... Разве роза перестанет благоухать, если ее назовут колючим растением...

В одной средней школе, которая называлась народной гимназией, потому что она находилась не в очень буржуазной стране, хотя и не такой, которую можно было назвать вполне демократической, в этой самой гимназии училась девочка по имени Лиззи. Ее многие считали самой доброй, самой внимательной. И это подтверждалось всем поведением, всеми поступками девочки. Она была очень приветлива и щедра, всегда угощала всех чем только могла. Очень часто она дарила приятные вещицы... Пустяки, но все же приятные. Разве не заманчиво получить затейливый карандаш, редкий значок, даже просто яркую ленточку... А иногда она делала и более дорогие подарки. Например, одной девочке Лиззи подарила почти новые туфли, подарила потому, что они стали ей малы. Другой она подарила тоже почти новое платье. Оно тоже оказалось малю Лиззи.

Так она поступала очень часто, некоторые от нее получали билеты в театр, в цирк... А иногда она помогала деньгами... Потому что в этой, еще не вполне демократической стране были очень нуждающиеся дети.

Среди них особенно нуждалась Мери. Она была

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

ВОЛШЕБНАЯ ПРАВДА

сиротой и воспитывалась у тетки, которая так трудно зарабатывала на самое необходимое.

Мери тоже называли доброй. Хотя она не могла даже поделиться завтраком, потому что он был так скуден, что ей едва хватало его. Дарить она могла только свои приветливые улыбки. Могла принять участие в беде. Помочь чьей-то больной матери. Могла только то, что могла... А могла она не так много и не так заметно.

Как-то за что-то, кажется, за участие в каком-то празднике или торжестве гимназией были получены пять приглашений в Советский Союз. В Артек.

Приглашения были розданы пяти классам. Ученики должны были сами назвать того, кто поедет в Артек.

В классе, о котором я рассказываю, решили присудить приглашающий билет самой доброй девочке. Так решили, и все. И когда так решили, то стало ясно, что в Москву поедет Лиззи. Но для того, чтобы она поехала, необходимо было голосование класса. И не простое, а тайное.

В классе возникли довольно серьезные разногласия. Нашлись пять или шесть школьников, которые настаивали, что в Артек должна поехать только Мери.

Споры отложили до дня общего собрания класса, до дня тайного голосования. В этот день вспыхнули жаркие схватки, и когда споры разгорелись, кто-то предложил прочитать новую поэму очень скромному юному сочинителю по прозвищу «Мурлыка». Так прозвали его потому, что он как-то слишком нараспев, будто мурлыкая, читал свои стихи.

И вот он выступил. Выступил на этот раз, вовсе не мурлыкая. Он как-то особенно чеканно читал свою маленькую поэму, каждое слово которой находило живой отклик в душах слушающих.

Поэма называлась «Щедрая принцесса». Уже самое ее заглавие заставило настроиться класс.

Когда же поэма зазвучала, все замерли. Замерли потому, что в ней рассказывалось очень неожиданно и очень правдиво о щедротах некой принцессы. И хотя щедроты были весьма завидными и приятными, все же они, да и она сама, производили какое-то мало украшающее принцессу впечатление. И в ее добрых делах, в каждом благодеянии чувствовалось, что принцесса поступает так не потому, что она добра, а потому, что ей хотелось выглядеть доброй... А потом оказалось, что ей не просто хотелось, а необходимо было выглядеть доброй. К тому же она была очень богата, и ей ничего не стоило кому-то подарить колечко, кому-то нарядные башмачки, а кому-то и золотую монету.

Юный поэт ни полусловом не обмолвился о Лиззи, даже малюсенького намека не было, что ее отец все еще остается хотя и мелким, но фабрикантом. Мурлыка даже не взглянул на Лиззи. Напротив, он ей очень низко поклонился, когда она благодарила его за прекрасную поэму.

После ее прочтения председатель классного собрания предложил голосовать. Были розданы по числу школьников тридцать девять листочков. И тут же голосование началось. Когда листочки были опущены в урну, их предложили прочитать вслух Мери.

Мери подошла к столу и громко прочитала первый листочек. На нем крупно было написано имя «Лиззи». На втором листочке Мери замешкалась и отложила его. Зато третий — громко и радостно — был прочитан: «Лиззи!» Четвертый, за ним пятый и шестой листочки Мери снова отложила.

— Мери, ты не оправдываешь нашего доверия, — сказал председательствующий. Он принялся читать сам и, читая, показывать листки. С каждым новым листком нарастало ликование. Оно перешло в крики восторга. Все повскакивали с мест. Когда

же дочитывался последний, тридцать девятый листок, на котором, как и на тридцати семи, было написано имя «Мери», началось невообразимое.

Поблудившую Мери бросились обнимать, целовать. Обнимала и поздравляла ее и Лиззи. Она громко сказала:

— Но все же нашлись из тридцати девяти двое, которые не оценили тебя, самая добрая из всех нас... Я представляю, — не умолкала Лиззи, — какой была бы ты, если б у тебя были другие возможности... Как стыдно должно быть тем двум, кто не написал на своем листке твое имя...

В это время юный поэт по прозвищу Мурлыка, предпочитавший правду всему остальному, сказал:

— Нет, Лиззи, стыдно должно быть не двум, а только одному. Второму же едва ли нужно стыдиться за то, что он написал твое имя... Так могла поступить только Мери... Второй же... А я думаю не «второй», а «вторая» написала на своем билетике имя Лиззи, потому что она, как и моя принцесса, больше всего заботилась о себе...

Услышавшая это Мери тут же постаралась смягчить сказанное Мурлыкой.

— Мне очень неудобно, — начала она, раскрасневшись, — что вы так ошибаетесь во мне. И вовсе я никакая не добрая. Я бедная. А бедные вынуждены быть услужливыми и добрыми...

— Это неправда... Ты наговариваешь на себя...

— Нет, — сказала Мери, кладя врученное ей приглашение в Артек на стол. — Я не поеду. Я не должна ехать... И если бы даже должна... Но у моей тети маленький сыночек, его некому выжить... И очень больна соседка... Без меня она не выживет...

Класс снова зашумел. И все снова бросились обнимать Мери.

— Ты поедешь! Ты поедешь! И маленький мальчик и очень больная соседка не окажутся без присмотра... Класс обещает тебе это, наша самая добрая Мери.

И Мери поехала. И класс сдержал свое обещание. Маленькому сыночку тети Мери жилось в эти дни очень хорошо, как и выздоровевшей соседке...

Пусть все это произошло не в очень демократической стране, но такой она становилась все более и более. Становилась потому, что в жизни всегда побеждают и будут побеждать такие, как Мери, как юный стихотворец и похуже, хотя бы чем-то похожие на них.

И это правда! Самая счастливая и неопровержимая, волшебная правда!

если и не неизведанный, то, во всяком случае, мало хоженный путь. Дерево для него не материал, из которого послушные замыслу руки извлекают задуманный образ, а уже готовое творение природы, и рука художника должна только коснуться его, чтобы созданное природой стало произведением искусства. Замысел, то, с чего обычно и начинается производство искусства, приходит у Лукашевича в процессе работы и неуловимо, но постоянно меняется в зависимости от постижения материала.

Самое трудное и увлекательное, по утверждению художника,—угадать, что таится в дереве. Покорные корой и различными наслоениями наросты на деревьях, которые в лесу не всякий и заметит,—молчащий до поры оркестр. Он пробуждает фантазию, и дело художника—заставить его зазвучать. Работа

ОСВОБОЖДЕННОЕ ДЕРЕВО

Каждый, кто знаком с творчеством Валерия Лукашевича в его, если можно так сказать, хронологической последовательности, задумывается прежде всего о... «странностях любви». Иначе трудно объяснить ряд превращений, которые прошел этот молодой художник.

Первое увлечение—а это была графика—захватило его так глубоко, что сам он просто не думал тогда об ином поприще. И потому, может быть, вторая привязанность оказалась настолько неожиданной, что удивила почитателей его рисунков не меньше, чем самого художника. Он увлекся металлом.

Надо только сказать, что этот испытанный традицией материал в работах Лукашевича предстал весьма своеобразно. Чеканка и литье не увлекли его фантазии. Он предпочел путь неизведанный, взяв в качестве исходного материала обыкновенную проволоку. Оказалось, что этот прозаический и мертвый, в сущности, материал, данный различными сочетаниями фактур, цвета, формы, в руках художника способен являть чудеса. Чудесами и были придуманные мастером звери, птицы, маски—часто забавные, иногда грустные, порой задумчивые, но всегда интересные и

похожа на импровизацию, тем более что никогда не знаешь, какой «звук» таит в себе каждый слой, каждый изгиб или цветовой оттенок освобожденного дерева.

Но удивительно и другое. Мир, заключенный в разнообразной текстуре дерева, всегда каким-то непостижимым образом оказывается созвучен человеческим чувствам в самом неожиданном их проявлении. Природа сама как бы перекидывает мостки к душевному миру человека. Интересно отметить, что эти работы не имеют точных названий, всякий волен «прочитывать» их по-своему, но притом каждая вещь не абстрактна, а представляет собой конкретный пластический образ.

Мы рассказали о последнем увлечении художника, отнюдь, впрочем, не настаивая на каком определении,—он молод...

Алексей ВЛАДИМИРОВ

необычные... Но вот однажды, как говорится в сказках и как это случается в жизни, руки, привыкшие к холодной жесткости металла, ощутили мягкую теплоту дерева...

Возможно, каждый подумает здесь о том, что принято называть деревянной скульптурой в традиционном ее понимании, и ошибется, конечно. Я говорю «конечно», потому что и здесь художник остался верен себе, избрав